Министерство образования Российской Федерации
Ярославский государственный университет им. П.Г. Демидова

Л.Г. Титова

Политический процесс и политические отношения в современной России

Ярославль 2002

ББК Ф0я73
Т 45

Рецензенты:
кафедра политологии и социологии Ярославского государственного педагогического университета им. К.Д. Ушинского;
доктор исторических наук М.В. Новиков.

Научный редактор - доктор исторических наук,
профессор П.Ф. Янкевич

Титова Л.Г.
Т 45 **Политический процесс и политические отношения в современной России:** Учеб. пособие. Ч. 1 / Л.Г. Титова; Под ред. проф. П.Ф. Янкевича. Яросл. гос. ун-т; - Ярославль, 2002. - 247 с.
ISBN 5-8397-0223-4

Учебное пособие раскрывает проблемы российского политического процесса, которые стоят перед современной российской теорией и практикой. Рассматриваются особенности российской политической динамики в модернизационные периоды. Выявляются методологические основы изучения трансформационных процессов в политике, специфика функционирования российских политических субъектов, роль государства в реформируемом российском обществе. Специальный раздел посвящен социокультурным основаниям российской политики, значению человека в российском политическом процессе.

ББК Ф0я73
Т 45

ISBN 5-8397-0221-8

© Ярославский государственный университет, 2002
© Л.Г. Титова, 2002

Введение

Приступая к изучению политического процесса и политических отношений в современной России, необходимо прежде всего поставить вопрос о методологических основах исследования политических процессов и их динамики. Общеметодологический уровень нашего исследования - это изучение политического процесса как результата социально-политической активности человека, сферы преломления его интересов, ценностных ориентаций и отношений. В рамках социологического подхода политический процесс рассматривается нами как сфера отражения противоречий между социальными группами, столкновения социальных интересов, выявляемых и реализуемых политическими силами общества и регулируемых властью. Исторический подход позволил рассмотреть хронологические этапы политического процесса, разворачивающегося не только в пространстве, но и во времени. И, наконец, с собственно политологических позиций мы проанализировали функционирование политических институтов в соотношении с динамикой политической системы, отражающей социальные интересы индивидов и групп общества в условиях социально-экономических, политических и культурных трансформаций.

В последнее время все большие позиции завоевывают авторы, стремящиеся определить роль социокультурных факторов в политическом процессе. Так, В.В. Ильин и А.С. Ахиезер утверждают, что специфику Российского государства можно понять на основе анализа российской культуры, ее особенностей и динамики развития[1]. Включение фактора культуры в анализ политических процессов представляет собой перспективное направление в развитии политологической науки, оно позволило нам выявить роль ценностей наряду с интересами в политическом процессе, а в целом - суть гуманитаризации организуемого государством политического процесса.

Определение направленности политического процесса в России и роли государства как основной политической силы общества возможно при условии включения его в реалии современных глобальных процессов. Выделив европейскую и почвенную (славянофильскую и евразийскую) точки зрения на пути развития России и осуществления ее политического процесса, следует, по всей видимости, определить

[1] Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: Истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. 383 с.

как односторонность, так и относительную правоту каждого из существующих подходов. Однако сегодня, рассматривая модернизационные процессы в России, мы должны признать, что как авторы споров о судьбе и пути нашей страны, так и само решение проблемы остались в прошлом. Речь может идти не о выборе между Западом и Востоком, а об определении своего исторического пути с учетом имеющихся в мире реалий и существующего распределения сил. Так сложилось, что центральное место в российских трансформациях отвела себе российская политическая элита. Ее деятельность заставляет задуматься над ролью человека в политическом процессе, над степенью его влияния на принимаемые решения. И, несмотря на условия, сохраняющие в конце 90-х годов и начале нового века политическую пассивность россиян, определить возможности осуществления идеи, провозглашенной великими мыслителями прошлого: «Народ является источником политической власти».

Учитывая состояние современного российского обществознания, мы осознаем, что создать теоретическое представление о современных российских политических реалиях, выявить роль российской государственности в российском политическом процессе, а в связи с этим - уникальность и закономерность российской политической практики - значит не только пересмотреть сложившиеся теоретические установки, но и создать теоретические представления, адекватные современной российской практике. Сегодня подобное под силу лишь крупнейшим российским научным центрам, которые и возлагают на себя эту огромную задачу. Однако путь осилит идущий - и мы, опираясь на наше знание и понимание имеющихся методологических позиций, обращаемся к сложному периоду российских реформ, с тем чтобы определить, на каких основаниях покоится (вернее, бурно разворачивается!) российская политика, что она несет российскому обществу и в какой мере оно способно реализовывать свои интересы в противовес частным или узко корпоративным.

Россия видится нам страной, сконцентрировавшей в себе не только проблемы, берущие начало в далеком прошлом и дошедшие до наших дней, но и являющейся своеобразным результатом вестернизации, сгустком, в силу этого, собственных проблем и глобальных проблем современности. Ориентиры, выбранные современными субъектами власти России, заставляют заново пересматривать содержание основных политических категорий, особенно тех, которые заключают в себе сложившиеся представления об эволюции и революции, модернизации и прогрессе.

Существующее многообразие точек зрения на политический процесс отражает еще одну особенность состояния наук об обществе - необходимость их нового синтеза, который отразил бы сложные взаимодействия современного российского общества. Это вызывает трудности в определении предмета и объекта изучения, отделения его от таких понятий, как «политика», «политические отношения», «политическая деятельность», «политическое поведение», «политическая система» и т.д.

Очевидно, что их дальнейшие разработки требуют объединения усилий ученых разных направлений в сфере философии, социальных наук, истории, политологии, психологии, культурологии, естественных наук - физики, математики - формирования новых представлений о динамике мировых и природных процессов, используя новые принципы объяснения процессов, происходящих в обществе[2].

Понятие «политический процесс» подвергается самостоятельному исследованию российскими учеными сравнительно недавно. Различные аспекты этой проблемы освещаются в работах Д.Н Зеркина, М.И. Кодина, А.И. Демидова, А.А. Федосеева, В.П. Пугачева, А.И. Соловьева, А.Б. Зеленцова А.П. Чередниченко, Л.С. Мамута, Г.А. Белова, А.А. Мурадяна, Р.Ф. Матвеева, А.А. Миграняна, В.В. Журавлева, М.Н. Марченко, Ю.А. Тихомирова, А.А. Миголатьева.

До настоящего времени мировая политическая наука была убеждена, что политический процесс, включающий многообразие субъектов и институтов, их динамику и взаимодействие по горизонтали и вертикали во властном пространственно-временном континиуме страны, своим результатом должен иметь изменение бытия человека и общества в сторону свободы и демократии. Это позволяло рассматривать политический процесс как однонаправленное явление, с неумолимой закономерностью ведущее общество в том направлении, которое задано наиболее развитыми в экономическом отношении странами. Если же какая-либо страна или регион отклонялись от намеченного пути, то приобретали статус второсортных и даже третьесортных. К этим нелестным эпитетам по отношению к нашей стране добавлялись и другие, типа «империя зла». В конце XX - начале XXI века обнаружилось, что многообразие форм, в которых осуществляется политическая жизнь, не только имеет право на существова-

[2] Волновые процессы в общественном развитии / В.В. Василькова, М.П. Яковлев, И.Н. Барыгин и др. Новосибирск.: Изд-во Новосибирского ун-та, 1992. 228 с.

ние, но и представляет собой непреходящую ценность для общества и цивилизации, несет начало подлинного прогресса человечества, единство которого не в однообразии повторения, а в сосуществовании разноцветия человеческих способностей. Политический опыт отдельной страны, хотя и накапливается политическими силами и сосредоточивается в политических институтах, тем не менее является достоянием нации и так или иначе отражает присущую ей культуру, вливающуюся в мировую культуру, в мировой опыт. Двадцатый век, наполненный конфликтами и катаклизмами, оставил нам представление о неразделимости человечества и о необходимости признания за ним права собственных путей к свободе.

Вместе с тем, объективная потребность в единстве и взаимной ответственности в сложно меняющемся мире постоянно наталкивается на субъективную волю хорошо организованной политической элиты, которая активно защищает интересы власти, а также недостаток того, что называется политической и общей культурой масс. Все в большей степени возрастает необходимость осознания тех изменений, которые происходят в мире, возрастающую роль политики как сферы концентрации и реализации социальных интересов, а также неотвратимости общественного контроля за деятельностью власти. Таким образом создается представление о политическом процессе как сфере общественного бытия человека, в которой происходит накопление, обострение и разрешение социальных интересов и динамика которого определяет направленность, формы и интенсивность изменений, происходящих в общественном бытии.

Соглашаясь с точкой зрения тех авторов, которые не склонны преувеличивать значение демократии, а также с теми, кто не сводит демократию к набору формальных признаков, как-то: выборность, разделение властей, плюрализм[3], - мы полагаем демократию лишь способом достижения социальных целей - социальной справедливости, социального равенства. Отсюда - основным критерием демократизации общества считаем соблюдение и гарантию прав человека, в том числе и социально-экономических и социально-культурных прав, и обеспечение законом процесса формирования социально обеспеченных слоев стабильного общества, что соответствует традиции мировой политической мысли, логике аргументации основателей концепции «общественного договора» и мировой практике стран не только так называемой «развитой демократии», но и стран, становя-

[3] См., например: Лукин А.В. Переходный период в России: демократизация и либеральные реформы // ПОЛИС. 1999. № 2. С. 134-135.

щихся на путь демократизации. В их числе сегодня находится и Россия. Нельзя отрицать значения формальной демократии в той мере, в какой определенной форме должно соответствовать содержание, однако следует отличать, во-первых, этап ее развития, во-вторых, учитывать инструментальную роль формальных признаков.

На начальной стадии развития проведение всеобщих выборов, конституционное объявление прав и свобод, разделение властей является средством «приучения» масс к независимому и самостоятельному выбору, организованной - в рамках закона - свободе, а государство - к соблюдению законности. Поскольку любое содержание должно быть оформлено, демократия, несомненно, должна иметь внешние признаки, механизм и технологии, которые материализуют демократический идеал. Соответствие формы содержанию и оформление содержания - взаимосвязанный процесс. Содержанием же демократии как общественного идеала является гарантия прав человека, реализация принципа социальной справедливости и равенства. В противном случае демократия теряет гуманитарную направленность. Можно утверждать необходимость формальной демократии на этапе перехода, в транзитный период. В то же время отрицательные явления в электоральном процессе - составной части политического процесса - неизбежное следствие традиционной политической культуры, не имеющей навыков политического выбора. Они дают себя знать в начале политического пути.

Потребности развернувшихся российских реформ диктуют необходимость создать такую систему власти в России, которая смогла бы регулировать общественные отношения в переходный период, показать ее трансформацию по мере продвижения страны к демократии. Она включает в себя: описание процесса укрепления государственной власти по мере развертывания российских реформ, определение иерархии проблем становления сильного государства в России, анализ изменений, происходящих в политических институтах, взаимоотношения, складывающиеся между ними, а также между политическим институтом и социальной средой, в которой они сформировались и в которой функционируют, определение, насколько они способны осмыслить глобальные и национальные проблемы как социальные, выявить то влияние, которое политические процессы оказывают на духовное состояние общества и личности.

Рамки учебного пособия не позволили нам в полном объеме показать всё сложно разворачивающееся пространство российского политического процесса, мы остановились на его социальных аспектах,

однако надеемся, что сама постановка проблемы сможет активизировать творческую мысль читателя.

Раздел I. Методология анализа, сущность и структура политического процесса

Тема 1. Политический процесс: основные подходы к определению понятия

В современной политологической литературе политическому процессу уделяется особое внимание как одной из базовых категорий политологии. Его динамика в современном обществознании определяется в категориях «движение», «процесс», «изменение», «развитие», «модернизация», «вестернизация», «социальный транзит». Категорию развития в этом ряду справедливо считать базовой, ибо ее определения включают в себя и изменения и процесс: «Развитие - это многомерный процесс, включающий глубокие изменения в технической, экономической, социальной и политической сферах»[1].

Сущностные характеристики политического процесса выявляются в сопоставлении с понятием «политика». Ее определения в отечественной и зарубежной политологии многоаспектны и многообразны, отражают сложность этого явления, ее социальную роль. Диапазон определений достаточно широк, но выделяются несколько главных представлений, отражающих те парадигмы, которые характерны для данного этапа социальных отношений. Если в недавнем прошлом (начало 90-х годов) политика представлялась сферой сосредоточения дифференцированных и, вследствие этого, противоречивых и противоположных интересов больших групп людей, классов, а содержанием политического процесса определялось достижение и удержание власти, то к концу 90-х годов на первое место выходят характеристики всеобщей зависимости социальных групп, институтов, общностей, получающей выражение в сотрудничестве, переговорах по поводу распределения ресурсов и власти, которая осуществляет это распре-

[1] Нуреев Р. Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики. 2000. № 4. С. 137.

деление. Политика предстает основным элементом всей общественной жизни, неотъемлемым вектором, изменяющим производство и воспроизводство общества.

Другая, не менее важная особенность политического процесса - подверженность изменениям в соответствии с изменениями в обществе - либо совпадающие с ними, либо опережающие их, либо следующие за происходящими в обществе событиями. В каждом из этих случаев политика выступает в виде процесса, разными способами влияющего на ход общественного развития - определяя его осуществление и направленность и следуя тем параметрам, которые задают другие сферы общества - экономика, социальная жизнь, культура. Как органическая часть общества, политическая сфера не может не отражать его объективные свойства, существовать и строиться по его принципам, не быть имманентной ему. Меняющиеся представления людей об обществе в такой же мере распространяются и на политику, как важнейшую общественную подсистему.

Это делает необходимым остановиться на понятии «изменение», выявить объем его содержания. В общем виде изменение предстает в качестве возникновения или уничтожения свойств объекта, увеличения или уменьшения его параметров, его перемещения или преобразования, перехода в иную форму.

В процессе взаимодействия социальных и природных систем возникает проблема самоизменения общества как явления, отличного от природы. Осознание и решение этой задачи социумом - путь сохранения общества, важный этап социальной эволюции. Способность к самоизменению оказывается важнейшей и для общества, и для личности. П. Штомпка под социальными изменениями понимает происходящие с течением времени преобразования в организации общества, образах мышления и образах поведения[2].

Констатация наличия в обществе комплексов взаимовлияющих изменений привела к пониманию сути и содержания социальных процессов. П. Сорокин писал: «Под процессом понимается любой вид движения, модификация, трансформация, преобразование, перестройка или "эволюция", короче говоря, любое изменение данного логического субъекта во времени, касается ли оно изменения его мес-

[2] Штомпка П Социология социальных изменений / Пер. с англ. под ред. В.А. Ядова. М.: Аспект Пресс, 1996. С. 22.

та в пространстве, или речь идет о модификации его количественных или качественных аспектов»[3].

Как одна из разновидностей процессов социальный процесс являет собой совокупность человеческих действий, обусловливающих воспроизводство и развитие общества, определяющих сохранение и трансформации связей социального бытия.

Особое значение для понимания социального процесса имеет понятие «деятельность». В нем содержится раскрытие механизма переноса человеческих сил и способностей из одной сферы общества в другую, трансформация усилий одних индивидов в условия жизни других, соединение человеческих усилий в пространстве и времени, образование устойчивых и динамичных связей человеческого бытия.

Когда непосредственная зависимость людей исторически стала опосредоваться социальными связями, возникли и социальные процессы. Различные социальные формы обнаруживают свою устойчивость в динамике, в воспроизводимости в социальных процессах, представляя собой устойчивость функционирования в текучем и изменчивом социальном бытии. Социальная философия, акцентируя внимание на социальных процессах, обнаруживает процессуальный характер социальных связей, их различные композиции и воплощения, их зависимость от различных видов деятельности и самореализации людей[4]. Развитие учения о процессах находит свое развитие в формирующейся науке - синергетике, которая видит в основе мира совокупность нелинейных процессов. Однако, по всей видимости, в основе развития общества следует видеть совокупность линейных и нелинейных процессов.

Процессуальный подход к природе общества получает широкое распространение в западной литературе и утверждается как ведущий (теория систем Г. Спенсера, теория динамичного социального поля О. Конта, концепции А. Гидденса, Н. Элиаса и др.)[5]. Применение данного подхода к анализу политики как социального явления делает правомерным употребление понятия «политический процесс».

Как подчеркивалось выше, процессуальная природа общества обусловливает понимание в качестве процессов - общественных от-

---

[3] Сорокин П. Социальная и культурная динамика: Исследование изменений в больших системах искусства, истины, этики, права и общественных отношений / Пер. с англ. В.В. Сапова. СПб.: Изд-во Русского Христианского гуманитарного ин-та, 2000. С. 80.

[4] Современный философский словарь / Под ред. В.Е. Кемерова. М., 1996. С. 393 - 394.

[5] Штомпка П. Указ. соч. С. 26 - 31.

ношений, действий, функционирование различных общественных сфер, в том числе и политической, и отражение этого процесса в общественном сознании - теоретическом и обыденном.

Соотнесение современного содержания понятий «политика» и «политический процесс» показывает, что если в первом случае проявляется стремление вскрыть сущность политики, показать ее содержание и направленность, цель, то во втором - акцент делается на механизмах ее реализации, т.е. на ее функционировании. Осознание же того, что в осуществлении политики участвуют в той или иной мере практически все члены общества, подводит к необходимости введения категории совокупной социальной деятельности. На наш взгляд, при соотнесении действий индивида и общества методологически оправдано введение понятия «совокупная политическая практика», что соответствует теории становления П. Штомпки, в которой не разделяются и не сводятся друг к другу уровни структуры, социальные операции и деятельность агентов. Каждый агент встроен в какую-либо структуру, не существует структуры отдельно от индивида и действия, нет действия, не включенного в социальные операции, как и не существует социального оперирования, которое не распадается на действия. Исходным продуктом, из которого строится все общество, является событие - не индивидуальное действие или «социальные факты», а их тесное конкретное слияние. Отсюда - деятельность агентов в качестве потенциальной возможности является связующим звеном между агентами (субъектами деятельности) и структурами (обществом). Причем, взаимосвязь эта существует в возможности взаимовлияния и взаимодействия. Актуализируются структуры в оперировании, агенты - в действиях, деятельность агентов как взаимодействие со структурами - в практике[6].

Теория действия П. Штомпки рассматривает роль каждого индивида и всех вместе в творческом созидании своей истории: свое общество люди создают, воссоздают и преобразуют в повседневной практике. Субъектами действий являются «индивиды, коллективы или корпорации», которые действуют «снизу» или «сверху», при этом существующее различение социальной реальности в уровнях индивидуальностей и в уровнях обязанностей, в качестве потенциальной возможности и в действительности позволило П. Штомпке разработать оригинальную модель социального становления, на принципиальных положениях которой мы останавливались ранее. Это модель

[6] Штомпка П. Указ. соч. С. 271 - 292.

непрестанного вечного движения общества как постоянного процесса производства и воспроизводства общественного бытия.

Всё вышеизложенное хотя и отражает историческую динамику общественного бытия, тем не менее не дает ответа на вопрос о механизме производства и воспроизводства общественного бытия, его конкретного осуществления на каждый момент действия. На наш взгляд, объяснение этого механизма содержится в теории систем современных обществ Т. Парсонса. Система действий расчленяется на подсистемы - социальную, личностную, поведенческую с преимущественными для них функциями - интеграции, воспроизводства образца, целедостижения и адаптации[7].

Общество определяется как такой тип социальной системы, который обладает наивысшей степенью самодостаточности относительно своей среды, включающей другие социальные системы. Самодостаточность в отношении среды означает стабильность отношений взаимообмена в интересах своего функционирования. Отсюда - производство и воспроизводство общественного бытия Т. Парсонсом понимается как взаимодействие, взаимовлияние подсистем общества: социетальное сообщество с нормой как структурным компонентом и интеграцией как основной функцией. При дифференциации аспектов процесса развития названные подсистемы общества соответственно решают задачи: первая - включения, вторая - генерализации ценностей, третья - дифференциации, четвертая - повышения адаптивного потенциала[8].

Другие аспекты общественного бытия - его состояния и динамики - вытекают из теории динамического социального поля Гидденса. Исходя из процессуальной природы общества, состоящего из личностей, их социальные взаимоотношения подразделяются на четыре части - четыре вида ткани (сети): сплетение идей, правил, действий и интересов. Взаимосвязанная сеть идей (верований, доказательств, дефиниций) составляет идеальное поле, его «социальное сознание». Взаимосвязанные сети правил (норм, ценностей, предписаний, идеалов) образуют нормативное измерение поля, его «социальные инструкции». В идеале нормативное измерение вносит свой вклад в то, что рассматривается как культура. Взаимосвязанные сети действий составляют интеракционное измерение поля, его «социальную организацию», а сети интересов (жизненные шансы, возможности, доступ

---

[7] Парсонс Т. Система современных обществ / Пер. с англ. Л.А. Серова и А.Д. Ковалева / Под ред. М.С. Ковалева. М.: Аспект Пресс, 1997. С. 30.

[8] Там же. С. 24.

к ресурсам) - измерение поля по шкале возможностей, его «социальную иерархию». И интеракционное, и возможностное измерения вплетаются в то, что называют социетальной тканью. Многомерность поля выражается термином «социокультурное поле». Процесс изменений на перечисленных условиях: артикуляцию, легитимизацию или переформирование идей, возникновение и исчезновение идеологий, убеждений, доктрин и теорий, институализацию, пересмотр норм, ценностей, правил или отказ от них, возникновение и исчезновение этических кодов, правовых систем, выработку, дифференциацию и переформирование каналов взаимодействия сил, организационных или групповых связей, возникновение или исчезновение групп, кругов общения и личностных сетей, кристаллизацию, утверждение и перегруппировку возможностей, интересов, жизненных перспектив, подъем и падение статусов, распределение и упорядочение социальных иерархий. Все названные процессы идут в многочисленных и многомерных взаимосвязях. Проявление социокультурного поля имеет различные уровни сложности: макро-, мезо- и микроуровни[9].

Отдавая должное рассмотренным теориям, мы не можем обойти и марксистское понимание сущности общественного бытия. В «Капитале» К. Маркс вскрывает природу капиталистического общества, рычаги, механизмы его функционирования. Экономика, участие значительной части населения в материальном производстве создает условия для деятельности в сфере обслуживания, духовного производства, осуществления реальной политики. Производство и воспроизводство бытия в демократическом обществе базируется, в конечном счете, на движении капитала, его производстве и воспроизводстве. Товар, имеющий стоимость и потребительную стоимость, в процессе обмена и через куплю-продажу рабочей силы превращается в капитал, производящий прибавочную стоимость, процесс накопления капитала служит простому воспроизводству и воспроизводству в расширенном масштабе. Анализируется процесс обращения капитала (круговорот), функционирование 1-го и 2-го подразделений общественного производства, процесс превращения прибавочной стоимости в прибыль, превращение товарного и денежного капитала в товарно-торговый и денежно-торговый, банковский капитал, ссудный капитал, земельную ренту и т.д.[10]. За всем этим стоит трудовая деятельность людей, благосостояние нации, вовлеченность ее в трудовой процесс,

[9] Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас: Учеб. пособие. Новосибирск: Изд-во Новосибирского ун-та, 1955. С. 40 - 80.

[10] Маркс К. Капитал // Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 23 – 26.

обеспечение не только поступательного развития экономики, но и всего общества, способность его обеспечить действительное свободное и всестороннее развитие населения. Анализ экономической сферы не потерял своего значения и в настоящее время: рост транснациональных связей в сферах производства и финансов, взаимозависимость экономик стран-гигантов и зависимость экономик слаборазвитых стран от международного бизнеса, выход транснациональных корпораций (ТНК) из-под демократического контроля, все большая обусловленность (после окончания холодной войны) межгосударственных конфликтов проблемами долгов, торговли, экономической помощи - эти и многие другие факторы говорят о том, что экономика не только связана с политикой, но в современных условиях определяет ее.

Слабым звеном в разработке концепций политического процесса является продолжающаяся специализация наук об обществе. Это не только создает трудности в формировании, как было сказано выше, комплексного представления о политическом процессе, но и приводит к отождествлению его с другими политическими явлениями, к подмене понятий. Типичным является отношение к политическому процессу как к динамичному аспекту политической системы, как к политической системе, представленной в виде ее становления, функционирования и развития[11]. Против такой позиции можно возразить следующее. Во-первых, системный подход является лишь одним из методов изучения социальной и политической реальности. Во-вторых, нет никаких оснований считать, что любая политическая сфера общества всегда развивается системно. В-третьих, главный недостаток подхода заключается в том, что он лишает политику той инструментальной роли, которую она выполняет в обществе, - служить решению задач его жизнедеятельности - и, в конечном счете, отрывает политику от общества. Этому способствует и механистический подход к политическому процессу, как к совокупности действий различных политических сил.

Политический процесс имеет свои истоки, реализацию и завершение в общественном бытии, реальном процессе жизнедеятельности людей. Только там он выполняет свои специфические функции, имеет смысл и выступает собственно процессом. При всем многообразии представлений о социальном бытии мы не должны упускать «тот до последнего времени скрытый под идеологическими наслоениями простой факт, что люди в первую очередь должны есть, пить, иметь

[11] ПОЛИС. 1998. № 2. С. 95.

жилище и одеваться, прежде чем быть в состоянии заниматься политикой, наукой, искусством, религией и т.д.»[12].

Вводя в анализ политического процесса понятие «общественное бытие» в отличие от более узкого понятия «общество», мы тем самым стремимся подчеркнуть неразрывную связь индивида и общества с многообразным пространством окружающей среды. Важным аспектом, отражающим поступательность развития, динамику общественного бытия, выступает его производство и воспроизводство. Очевидно, что источником его движения является единство и борьба противоположностей, бытие.

Таким образом, политика занимает важное, но подчиненное место в жизни общества, выступая инструментом его жизнедеятельности, что позволяет определить политический процесс как ***обеспечение производства и воспроизводства общественного бытия в его качественной определенности и осуществлении совокупным политическим субъектом в ходе совокупной политической практики.***

Учитывая, что общественное бытие наполняется разнообразием интересов людей, столкновение которых создает потенциальную возможность (которая часто становится действительностью) разных видов социальных конфликтов, возникает необходимость регулирования общественных отношений, направления их в социальное русло. Создавшиеся в истории человечества три вида социальной регуляции - традиции, право и власть[13], взаимодействуя на разных уровнях, решали проблему социальной стабильности. Следовательно, политический процесс представляет собой, по существу, единство двух противоположностей - деструктивной, создаваемой наличием в обществе многообразных и противоречивых интересов, и конструктивной, создаваемой механизмом регуляции. Эта противоречивость политического процесса и делает его сложным явлением, заключающим в себе противоположные начала и различные возможности и направления общественного развития.

Следующей важной проблемой в анализе политического процесса является выявление тех функций, которые политика выполняет в обществе, тех целей, которые реализуются в ходе политического процесса. Исходя из нашего понимания его сущности, основную его цель мы видим в тех возможностях, которыми обладает политический процесс в производстве и воспроизводстве общественного бытия. Ес-

---

[12] Маркс К., Энгельс Ф. Собр. соч. Т. 19. С. 350.

[13] Философия власти: Гаджиев К.С., Ильин В.В., Панарин А.С., Рябов А.В. / Под ред. В.В. Ильина. М.: Изд-во МГУ, 1993. С. 9.

ли же учесть, что политический процесс является одновременно неотъемлемой составляющей общественных процессов, являясь одним из их видов, то в таковом качестве политика имеет главную цель - ее собственное производство и воспроизводства в системе общества.

В то же время политическая сфера занимает значительное место в обществе, которое тратит большие усилия на ее поддержание и совершенствование, что приводит к смещению представлений о роли и предназначении политики. По Б.Дж. Нельсону, политика - либо инструмент обуздания масс, либо средство достижения прогресса, по Д. Хэлду - способ осуществления сотрудничества и переговоров в борьбе за ресурсы. С. Макферсон считал, что политический процесс - борьба за недостающие материальные блага[14]. Дж.И. Андерсон определяет политику как целенаправленную деятельность, проводимую одним или несколькими акторами в отношении проблем, требующих решения[15].

При определении политики основной является проблема, которую мы назвали бы проблемой базовых ресурсов власти. Речь идет о соотношении экономики и политики - экономических основаниях политического процесса. Попытки изолировать политику от экономики, которые предпринимались, в частности, в период перестройки в России, привело на практике, с одной стороны, к превращению политического процесса в произвольную игру политических сил - столкновению вместо взаимодействия, анархии вместо упорядоченности, стихийности вместо сознательности, и т.д., сферу, где интересы политики оторваны от интересов общества и начинается процесс производства и воспроизводства не общественного, а политического бытия - формирования, достижения, реализации и удержания власти. С другой стороны, отечественный бизнес разрывает связи с национальными интересами и служит не общественным целям, по терминологии Б.Н. Чичерина, - не общественному благу, а благу отдельных членов общества.

Олигархический характер российского политического процесса, диктат компрадорской буржуазии, жестко контролирующей формирование институтов власти и создание государственных структур в силу своего господствующего финансового положения в обществе, - всё это сформировалось в условиях разрушения российской экономической системы планового хозяйства и соответствующих ему управ-

---

[14] Политическая наука: новые направления / Пер. с англ. М.М. Гурвица, А.Л. Демчука, Т.В. Якушевой / Науч. ред. Е.Б. Шестопал. М.: Вече, 1999. С. 530.

[15] Там же. С. 531.

ленческих структур, перехода на монетаристские экономические рельсы. В то же время политический процесс - не прямое производное от экономического, и, по всей видимости, неправомерно утверждение приоритетности экономики перед политикой. Человеческое общество - сложное, многоуровневое явление, в своем развитии подчиняющееся не только линейным законам и являющееся результатом воздействия как организующих, так и дезорганизующих процессов. Политическая сфера как часть общественного бытия классиками марксизма определялась надстройкой над экономическим базисом в русле их представлений о первичности материи по отношению к сознанию. Если относить способ производства к материальным факторам, то политика остается сферой проявления сознания - явлением, производным от материального бытия. В то же время понимание политики как способа самоорганизации общества посредством власти, как вид управления, опирающийся на свойство материи структурироваться и принимать организованные формы, преодолевая дезинтеграцию и энтропийность. Следовательно, экономика - важнейший способ организации общества сферой материального производства, так же, как политика - сферой власти. В этом плане политика и экономика - явления однопорядковые[16]. И то и другое реализуются сознательной, целенаправленной деятельностью людей. Если в экономике организующие усилия направлены на производство продукции и ее распределение, то усилия политиков направлены на создание благоприятных условий жизнедеятельности всего общества, в том числе и нормального функционирования экономики. Политическая деятельность, таким образом, является таким же сочетанием материального и идеального, как и экономическая. Решая более общие вопросы, в отличие от экономики, политика нередко занимает в обществе доминирующее место.

Существуют и другие способы описания состояния общества, роли и места в нем политики и экономики, их взаимосвязи. В соответствии с методикой ООН общество определяется индексом человеческого развития, рассчитываемым по трем показателям: внутренний совокупный доход, приходящийся в среднем на одного человека в год; ожидаемая продолжительность жизни, в годах в среднем на одного человека; уровень грамотности среди взрослого населения, в процентах. Наряду с данными показателями, аналитика оценивает индекс человеческого развития, используя для этой цели более сотни различных социальных индикаторов. Естественно, что эти показатели

[16] Петрушенко Л.А. Самодвижение материи в свете кибернетики. М.: Наука, 1971.

должны находиться и находятся в динамике, т.е. изменении, могут быть позитивными и негативными, приводить к улучшению или ухудшению ситуации. Естественно, что в реальном обществе эффективность политики надо оценивать относительно его реального состояния. Такой подход в период качественных структурных преобразований, когда не достигнута стабилизация общества, скорее подход на перспективу, нежели реальная оценка социального качества и политической эффективности. Очевидно, на данном этапе можно вести речь лишь о роли политики в обществе, и в частности в экономике и уровне социального обращения. Кроме того, качественная определенность общества, его состояние в решающей степени определяются формированием его гражданственности, а следовательно, правового государства, где, на наш взгляд, и осуществляется наиболее эффективное взаимодействие экономики и политики: универсальность законов позволяет осуществлять государственный, а через него и гражданский контроль прибыли и сверхприбыли, что, в свою очередь, позволяет обеспечить национальное благосостояние. При этом следует обратить внимание на взаимообратимость процессов: сам закон, как таковой, и вся законодательная система страны не в состоянии решить проблемы реализации национальных интересов в политике и экономике - для этого нужна, во-первых, осознанность этих интересов населением, во-вторых, его подготовленность к восприятию и осуществлению законов, в-третьих, готовность самой власти к законоподчиненной деятельности.

Стремление превратить политику в чисто самостоятельную сферу общества чревато как логической, так и практической ошибкой: невозможно представить общество разбитым на не связанные друг с другом секторы, выделение отдельных общественных сфер достаточно условно, подобное упрощение совершается намеренно для выявления сущностных, отличительных черт явления, в реальной же практике происходит взаимопроникновение и взаимодействие различных социальных составляющих. Формы и темпы политических изменений и модернизации зависят от уровня экономического и научно-технического прогресса. Политика, как способ производства и воспроизводства общественного бытия, связана со всеми сферами общества - эта связь в условиях реформирования общества объективно возрастает в силу необходимости и возможности решения проблем переходного периода политико-властными средствами.

Вводя в концепцию политического процесса категорию производства и воспроизводства общественного бытия, мы выявляем объективный критерий результативности политики - состояние обще-

ства, а динамику политического процесса связываем с динамикой общества и его составляющих. Утверждение связи политики с общественным бытием в целом выявляет суть политического процесса. Общество - не целостная сущность, а многоуровневая, внутренне связанная направленность процессов. Следовательно, и политика как социальное явление подчиняется тем же модификациям, что и общество.

Тема 2. Концепции динамики политического процесса

Общество пребывает в постоянном движении от прошлого к будущему, в ходе этого движения определяются исходные точки-причины («толчки»), набор факторов, происходит поэтапное накопление соответствующих качеств роста, прогресс и регресс. Настоящее - фаза между прошлым и будущим - тем, что произошло и произойдет. В настоящем имеют место рудименты прошлого и зародыши будущего. Природа общества такова, что его предшествующие стадии причинно связаны с текущей, нынешней, фазой, а она, в свою очередь, формирует почву для следующей[17].

Современное обществознание существенно расширило представление о направленности общественных процессов, прогрессе и регрессе. Принятая в марксистской науке идея линейности общественных процессов - движения от простого к сложному, от регресса к прогрессу - дополняется теми представлениями, которые разрабатывались ранее в западной и отечественной политической науке - о ненаправленности развития (синергетика), о стадиальности, волнообразности и цикличности общественного развития. Следует отметить, что содержание каждого из этапов, стадий, подъемов и спадов, кругов развития определяется теми историческими, социально-экономическими условиями, в которых осуществляется та или иная модель. Наиболее разработанной концепция развития предстает в исторической, социологической, экономической и культурологической науке. Политология, как правило, пользуется выводами этих наук, не

[17] Штомпка П. Указ. соч. С. 86.

имея самостоятельных исследований о ритмах политического развития общества[18].

Представление о динамике общественного и политического процесса дают теории Н. Данилевского, О. Шпенглера (циклы развития цивилизаций), А. Тойнби (теория жизненных циклов), К. Маркса и Ф. Энгельса (теория смены общественно-экономических формаций и соответствующих им типах государства и власти), В. Парето (циркуляция элит), П. Сорокина (ритмы культурных изменений), Н.Д. Кондратьева (теория циклов мировой конъюнктуры), Л.Н. Гумилева (теория этногенеза). Так, Николай Данилевский (1822 - 1885) представлял историю человечества разделенной на отдельные обширные единицы, «историко-культурные типы», или цивилизации, для которых не существует общей хронологии - каждая имеет свою логику развития. Историю творят люди, но их исторические роли различны. Цивилизации проявляют свою творческую сущность лишь в избранных областях. Цикл развития включает период возникновения и кристаллизации, фазу процветания (400 – 600 лет) и конечную фазу цикла. С точки зрения Освальда Шпенглера (1880 - 1936), в истории нет линейного процесса, есть ряд уникальных «высших культур», процветающих на фоне определенного ландшафта, к которому они привязаны, как растения. Фаза упадка именуется им цивилизацией. Для нее характерны: космополитизм вместо местной перспективы, городские связи вместо кровных уз, научный и абстрактный подход вместо естественной религиозной чувствительности, деньги вместо истинных ценностей, и т.д. Исторически обоснованная теория жизненных циклов представлена А. Тойнби (1889 - 1975). Оптимальной единицей исторического анализа он называет цивилизацию. Механизмом рождения и динамики двадцати одного типа цивилизаций воплощен в идее «вызова – ответа». Усилиями творческого меньшинства общество изыскивает средства и ответы на вызовы. На стадии рос-

[18] Пантин В.И. Циклы и ритмы истории. Рязань, 1996. Библиогр. С. 155 - 156; Волновые процессы в общественном развитии / В.В. Василькова, И.П. Яковлев, И.Н. Барыгин и др. Новосибирск: Изд-во Новосиб. ун-та, 1992. 228 с. Авторами издания предлагается библиография по проблемам цикличности социальных форм движения материи. Эта проблема была в центре внимания ученых древности и наших дней Гиппократа, Геродота, Аристотеля, Д. Вико, И. Гердера, Н.Я. Данилевского, Н.Д. Кондратьева, Н.Н. Леонтьева, В.С. Соловьева, О. Шпенглера, П. Сорокина, Л.Н. Гумилева, А.Л. Чижевского, Г. Хакена, С. Иванова, Э.С. Маркаряна, Г.Д. Чеснокова, Н.Н. Моисеева, Л.М. Григорьева, Н.К. Серова, Г.М. Меньшикова, Л.А. Клименко, Ю.В. Яковца, У. Лоу, Г. Арбатова, В. Согрина, С.К. Залыгина.

та цивилизации ответы успешны, в фазе дезинтеграции и распада творчество иссякает - цивилизация разваливается изнутри. Согласно марксистской теории история развивается путем смены общественно-экономических формаций, которые представляют собой модель социального целого на основе единства производительных сил и соответствующих им производственных отношений (способ производства). Политический процесс предстает как процесс смены власти в зависимости от смены формаций: каждому способу производства соответствует свой тип политической и государственной власти. На смену доклассовой первобытной общественной формации приходит классовая общественно-экономическая формация с политико-государственной властью, ей на смену приходит неклассовая коммунистическая формация с общественным самоуправлением. Таким образом, политический процесс предстает как линейный, поступательный, качественно меняющийся, преемственный, эволюционно-революционный процесс смены власти и политических систем.

В то же время предопределенность исторического пути с зарождения процесса до его развития и завершения не оправдывается политической практикой во всех случаях, поэтому появляются новые концепции общественного и политического развития.

Цивилизационные концепции, носящие историко-культурный характер, во главу социального процесса ставят тот или иной господствующий тип культуры. Исследования общественных процессов в духе понимающей философии, примат общественного бытия видят в духовно-ценностном начале, который, на наш взгляд, не может быть использован в качестве общеметодологического принципа анализа общественного бытия (так же, как, очевидно, и любой другой) в силу локально-исторической затребованности: методологический принцип, который становится приоритетным в ту или иную эпоху, обслуживает прежде всего потребности данного периода. Обращение российской политической науки к цивилизационному, историко-культурному подходу объясняется, по-видимому, как минимум, двумя обстоятельствами - стремлением расширить рамки марксистского подхода, найти теоретические принципы, адекватные сегодняшним глобальным проблемам, и выявить специфику развития российского общества и политического процесса, кроющуюся, как полагают многие российские ученые, в историко-культурной самобытности страны.

Вместе с тем, не противопоставление диалектико-материалистического и цивилизационного подходов должно стать пафосом сегодняшней науки, а скурпулезный поиск методов, способных дать убедительное объяснение динамичным общественным явлениям в их

рациональности и иррациональности, противоречивости, закономерности и случайности.

Это рассуждение касается и распространяемой концепции циклично-волнового развития общества и его сфер, которая берет начало в китайской философии II - I веков до нашей эры (Книга перемен), развивается в теориях цикличности государств.

В концепции политического процесса решающее значение имеет политическая практика как бытийная форма политики, так как именно в ней реализуется целедостиженческая функция политики.

В философском плане под практикой понимается многообразие способов реализации человеческого бытия в различных формах закрепления, воспроизводства и развития человеческого опыта, процесс перехода накапливаемого и накопленного опыта людей в условия их жизни, в средства их деятельности, в схемы их самоутверждения[19]. В обыденном сознании, как писал В. Даль, практика понимается как действующий опыт человека, воспроизводство или закрепление навыков продуктивной работы, приложение, воплощение или испытание человеческих умений и знаний. Традиционное, сложившееся с началом индустриализации западных стран понимание практики определило ее противоречивые взаимоотношения с теорией. В последние годы делаются попытки наполнения понятия практики новым содержанием. Так, современная научная мысль отказывается от противопоставления теории и практики, уточняется положение о практике как критерии истины. Вместе с тем, политика как способ самоорганизации общества посредством власти отражает его объективные потребности и, по сути, является деятельностью материальной, хотя и имеет, как выше было сказано, дело с особой материей в виде человеческого общества, конкретных коллективов и людей. Поэтому проблема практики в такой же мере распространяется на политику, как и на все другие сферы материального производства. Особенно это касается повседневной деятельности, где роль и значение накопления, производства, воспроизводства и передачи политического опыта имеет самостоятельное значение. Практическая деятельность - это и воплощение новаций, и отказ от устоявшихся стереотипов, использование не только отечественного, но и зарубежного опыта реформирования.

---

[19] Современный философский словарь / Под общей ред. В.Е. Кемерова. 2-е изд., испр. и доп. Лондон; Франкфурт-на-Майне; Париж; Люксембург; Москва; Минск («Панпринт»), 1998. С. 691.

Другой проблемой теории и практики является их соотношение. Принципиальными в условиях российской реальности являются вопросы возможности знания о политике, способе ее познания и адекватности отражения в теоретических изысках отечественной науки, наличествующей политической практики.

Поскольку формирование российского политического процесса еще продолжается, это порождает отсутствие базового поля приложения наработок западных политологов, особенно в тех областях, которые касаются соотношения институционального и процессуального начал политики, российской ментальности и политического участия, управления и самоуправления, стихийности и сознательности. Реформируемый период в России отмечен абсолютизацией классической либеральной теории варианта XVII – XVIII веков, что заставляет предполагать некую закономерность усвоения российской политической мыслью западного научного багажа, - именно того, который обслуживает власть в данный исторический момент и выбирается ею с целью наиболее эффективного утверждения себя в общественном мнении. Речь идет о конъюнктурных способностях российской власти, кстати, эффективно подпитываемых высокой восприимчивостью российской культуры, активно осваивающей знаковые составляющие мировой культуры.

Мы считаем, что научная ценность исследования политического процесса снижается отсутствием ясности по вопросу о системном подходе к анализу современного общества. Распространенное представление об обществе как сумме подсистем - политической, экономической, социальной, берущее, очевидно, начало в представлениях о системности общества Т. Парсонса, отражается в делении общества на самостоятельные блоки, в лучшем случае, лишь соприкасающиеся друг с другом, но в реальной практике развивающиеся каждый по своим законам. Теряется представление об обществе как о целом, следовательно, теряет смысл и поиск объединяющих начал, в лучшем случае, поиск будет осуществляться в сфере идеологии, в худшем - в насильственно объединяющих общество мероприятиях власти, в то время как в реальном обществе все эти сферы объективно вливаются в одно целое в силу целостного характера жизнедеятельности людей, что находит признание в естественном характере происхождения государства в истории человечества.

Из этого следует также и необходимость выполнения каждой из общественных сфер интегративной функции, наряду с функциями адаптации и целедостижения. И, наконец, в реальной практике мы должны видеть в основе системы общества взаимосвязь функций и

общества как целого, поэтому речь должна идти не о политической, экономической или социальной системах, а об обществе как политической системе, обществе как экономической системе, и т.д. Тем самым мы получаем возможность анализировать связь каждой из сфер с целой социальной реальностью. В то же время то, что мы привыкли называть политической системой (а К. Маркс - надстройкой), подразумевая под этим сформированные обществом структуры для осуществления политически функций, более обоснованно было бы назвать политическим комплексом, что позволит построить реалистическую модель политической системы. Учитывая методологическую противоречивость системного подхода к анализу политической практики, предполагается более разумным использовать понятие «политическая организация» применительно к российским политически отношениям, тем более что в российской политике организованность свойственна локальным уровням, в масштабах же всего общества политические связи нарушены. Это отмечается во взаимоотношениях центра и регионов, субъектов Федерации, государства и общественно-политических организаций, государства и политических партий, государственного и местного самоуправления, и т.д.

Существенное возражение вызывает, в связи с этим, абсолютизация структурно-функционального подхода к политике, наметившаяся в последние годы, во-первых, по причине слабой структурированности российских политических институтов и отношений, незаконченности процесса структурирования; во-вторых, в силу того, что за пределами анализа при этом остаются факторы, формирующие самою систему; в-третьих, динамика политической организации не ограничивается переструктурированием политических институтов, изменением норм их взаимодействия, распределением элементов в иерархии отношений и ценностных оснований политики. Принципиальным является вопрос о субъектах политического процесса. Структурно-функциональный анализ заключает их в рамки институтов, ограничивая их политическую активность функциональными возможностями и потребностями политической системы. Таким образом политическая активность субъектов лишается органического начала, что создает возможности искусственного и направленного ее формирования специалистами по политическому маркетингу, средствами массовой информации.

Реальность российской политической практики - совокупное функционирование и развитие политических элементов - активных и пассивных субъектов политики. В организации и стабилизации поли-

тической практики значительную роль играют политические институты, которые предопределяют правила игры акторов.

Принципиальным для российского политического процесса является вопрос о субъектах политики. Не должны, по-видимому, в определении субъективности пересекаться объективные потребности общества и субъективные устремления к власти, и, хотя субъективный фактор играет исключительно большую роль, но он является скорее трансформацией потребностей общества в деятельности людей, чем субъективными устремлениями к власти.

В условиях перехода к демократии происходит и смена политической практики, посредством снятия ограничений и активизации общества как основного фактора повышения эффективности государства.

Без учета реального устроения общества, его существования в пространстве и во времени функционирование политики как процесса понять очень сложно. Территориальное структурирование общества, его территориальное деление по областям, национальным республикам, краям, районам и т.д. обусловливает и размещение по территориям органов власти, постоянное проживание в них групп населения как субъектов и объектов политики. Как в обществе, так и в политике существует разделение труда, структура как общества, так и политики мобильна, как общественная, так и политическая среда структурированны, иерархичны, имеют информационные и коммуникативные системы. Всё это характерно для любой территориальной структуры. Единицей политического пространства, исходя из структуралистского понимания, является статусная позиция. Индивиды только занимают статусные позиции[20]. Другими словами, как бы политически активно ни было население данного региона, его активность ограничена рамками политических институтов, функциональными возможностями и потребностями политической системы. Политическая активность населения - не природное явление, не формируется на генетическом уровне, а создается состоянием общества, формируется самой политикой.

Если в неразвитом обществе межтерриториальные различия велики, то в условиях современных обществ западного типа эти различия не носят принципиального характера. Исходя из процессуальной природы общества, можно сделать вывод о том, что политика реали-

---

[20] Бурлуцкая М.Г. Межпоколенная мобильность в современном российском обществе: методология и методы анализа: Автореф. дис. ... канд социол. наук. Екатеринодар, 1999. С. 13-22.

зуется на основе норм, предписаний, централизованных и местных решений. На местах формируются и функционируют органы власти, осуществляется жизнедеятельность людей. От состояния конфликтности и консенсуса местных общественных отношений зависят и общественные отношения в целом. Когда массовые проявления политической субъектности систематизированны и постоянны, когда разноуровневые, разнонаправленные политические усилия выступают в организованной форме и соотносятся с состоянием всего общества как целого, целесообразно говорить о едином политическом процессе. Но также это массовое проявление политической активности, политических усилий свойственно той или иной территории - в таком случае мы вправе говорить о территориальном политическом процессе. В основе функционирования общего политического комплекса лежат частные политические процессы - революция и реформы, забастовки и гражданская война, мобилизация и выборы, демонстрации и террористические акты, формирование партий и общественных организаций и спонтанные выступления монархического толка. Когда из совокупных политических процессов выделяются доминирующие, мы имеем дело с определенным политическим курсом, допускающим или провоцирующим то или иное политические действие. Политический курс представляет собой процесс выработки комплекса мер, направленных на решение возникающих проблем[21], сочетания ближайших целей с перспективными в решении как внутренних, так и внешних проблем. В целом политическая практика складывается из деятельности государства, политических партий, общественных движений, общественных объединений, политического участия граждан, формирования и функционирования политической культуры, правосознания и т.д. Смысл существования политического комплекса - функционирование его как инструмента воздействия на общество, что и вызывает его постоянные изменения и потребность в совершенствовании.

Тема 3. Теоретические подходы к определению политической и социальной динамики

Анализ политического процесса нельзя считать законченным без уточнения таких понятий, как «социальная динамика» и «социальная

[21] Политическая наука: новые направления. С. 531.

статика», «социальная стабильность» и «социальная нестабильность», «социальная устойчивость» и «социальная неустойчивость». О. Конт на примере семьи рассматривает проявление социальной статики - упорядоченного состояния общества, взятого в момент покоя, когда силы, обеспечивающие стабильность его структурных элементов, преобладают над силами, разрушающими ее, превращая - в оптимальном случае - их статическое равновесие в динамическое, а устойчивый консенсус - в колеблющийся. Динамика по О. Конту - такое общественное состояние, когда социальная солидарность сменяется разноголосицей, углубляющимися антагонизмами людских мнений и интересов, чтобы затем вновь вернуться к солидарности, но уже обновленной - отражающей восстановившийся консенсус видоизменившихся социальных «элементов». Динамика, таким образом, - это момент, связывающий (и в то же время разделяющий) различные типы, эпохи и состояния социальной солидарности, временами вызывая глубочайшие социальные кризисы и новое стремление людей восстановить нерушимую «статику» уже на новом уровне «социального развития»[22]. В «социальной динамике» О. Конт по сути видит философию общественной эволюции.

В дальнейшем в раскрытии смысла социальной динамики основное внимание уделялось изучению процесса изменений социальных явлений, их обусловленности, направленности и последствий. Изучались факторы, влияющие на эти изменения, закономерности приспособления индивида к системе общественных отношений или общества к новым условиям. Разрабатывалась теория прогресса. Предметом социальной статики являлись устойчивые социальные структуры и их роль в сохранении общества как социального целого. В социальной статике просматривались типологии социальных структур, закономерности их взаимодействия, типология общественных институтов и их функционального соответствия[23]. Для уточнения специфики социальной динамики и статики важное значение имеют введенные Г. Спенсером понятия «структура» как внутреннее строение и «функции» как способы деятельности, трансформации целого.

С возникновением теории систем для классификации их состояний системы подразделяются на статичные - когда их состояние в те-

---

[22] История теоретической социологии: В 5 т. Т. 2. Социология XIX века (профессионализация социально-научного знания). М.: ИЧП Изд-во «Магистр», 1997. С. 76 - 77.

[23] Философско-энциклопедический словарь / Под ред. С.С. Аверинцева, Э.А. Араб-Оглы, Л.Ф. Ильичева и др. 2-е изд. М.: Сов. Энциклопедия, 1989. С. 175.

чение времени остается постоянным, и динамичные, когда их состояние с течением времени меняется. При этом социальные системы, в отличие от однозначно детерминированных, являются вероятностными (стохастическими). В теории общества как динамического социального поля понятие «статика» практически не употребляется. В синергетике вообще наблюдается отказ от традиционной картины мира в пользу мира как совокупности случайностей и неопределенностей, нелинейных процессов. В целом социальные теории XX века отмечают изменение динамики современного общества в сторону ее усложнения, ускорения, возрастания момента неопределенности в развитии, что не могло не наложить отпечаток на политические процессы современных обществ. Главными причинами являются последствия научно-технического процесса, возрастание активности масс.

В современной социологической литературе все более утверждается представление об обществе как о нестабильном, несогласованном результате социальных отношений и социальных конфликтов[24]. В связи с этим на современном этапе общественного развития актуальной становится концепция динамической устойчивости. В то же время при возрастающем динамизме и неустойчивости общественного развития не следует впадать в крайности релятивизма. В строении общества необходимо видеть и роль структурирования состояния и процесса как момента организации, как общего, качественно-определенного, относительно устойчивого, изменяющегося в общем случае в пространстве и времени способа связи элементов и отношений той или иной системы, определяющей ее функциональную деятельность, линию поведения и характер взаимодействия с окружающей средой или с другими системами. В организации (структуре) выражается постоянство (сохранение) всеобщей взаимосвязи движущейся материи, которая при всех своих изменениях всегда остается сама собой[25].

Что касается общества, то подходы к пониманию его структурирования различны. Парсонс, исходя из деятельностного подхода, анализирует структуру социальных систем, применяя четыре типа независимых переменных: ценности, нормы, коллективы и роли[26].

---

[24] Touraine A. 1985. Social movements and social change // Orlande Fal Bordo (ed). The Chellendge of Social Changt. P. 77-92. London: P. 85.

[25] Петрушенко Л.А. Единство системности, организованности и самодвижения (О влиянии философии на формирование понятий теории систем). М.: Мысль, 1975. С. 20-21.

[26] Parsons T. General theory in sociology (Socliology today). Ed by R.K. Merton, L. Broon, L.S. Cotrell. N. Y.: Basic Books, 1959; Harper, 1965.

Ценности занимают ведущее место в том, что касается исполнения социальными системами функции по сохранению и воспроизводству образца. Основная функция норм - интегрировать социальные системы, конкретные и специализированные применительно к отдельным социальным функциям и типам социальных ситуаций. Коллективы принадлежат к числу тех структурных компонентов, для которых наиболее важна целедостаточная функция. Роль - такой структурный компонент, который в первую очередь выполняет адаптивную функцию. Роли охватывают основные зоны взаимопроникновения социальной системы и личности индивида. Социальные системы состоят из комбинаций этих структурных компонентов. На основе этих компонентов Т. Парсонс выделяет в обществе соответственно четыре подсистемы: социетальное сообщество, воспроизводство образца или фидуциарная подсистема; политика и экономика. Э. Гидденс, разрабатывая теорию структурации, отмечает, что для структурализма и функционализма структура имеет приоритет над действием и акцентируются именно принуждающие качества структур. Он отмечает, что в структуралистских традициях нет однозначного ответа на вопрос, относятся ли структуры к матрице допустимых трансформаций в системе или же правилам трансформаций, управляющих матрицей, относя структуру к правилам и ресурсам[27]. Все вышесказанное позволяет сделать вывод о чрезвычайной сложности структуры общества и ее значительной устойчивости и постоянстве.

Деятельностный подход к природе общества, утвердившийся в обществоведческом знании, позволяет по-новому взглянуть на природу структуры и ее связь с деятельностью. Формирование структуры и деятельность являются результатом их взаимодействия[28]. А. Этциони, обосновывая теорию «активного общества», подчеркивает мобилизационные силы коллективов и обществ в качестве основного источника их собственных преобразований и трансформаций их отношений с другими социальными единицами. Когда социальная единица мобилизуется, она имеет тенденцию изменять свою собственную структуру и границы, а также структуру той более высокой социальной единицы, членом которой она является[29]. Мы полагаем, если структуры создаются людьми и имеют определенное предназначение, то людьми они могут и преобразовываться.

---

[27] Современная социальная теория: Бурдье, Гидденс, Хабермас. С. 40-80.

[28] Archer M. S. 1988. Culture and Agency. Cambridge: Cambridge Univercity, Press. P. 13 - 14; Archer M. S. 1989. The morphogenesis of social agency: Uppxalla: SCASSS (mimeo). P. 5.

[29] Etzioni A. 1966 a. The Active Society, New York: Free Press. P. 393.

Для каждого отдельного человека структура представляет собой внешнее организующее начало, стабилизирующий фактор. При этом необходимо учитывать, что процессуальное понимание природы бытия, устойчивость структур определяется процессами, стабилизирующими систему, а неустойчивость - процессами, ее дезорганизующими. В этой связи Т. Парсонс писал, что, по-видимому, оправданно радикальное теоретическое разделение процессов, благодаря которым сохраняется костяк системы (включая социализацию новых членов обществ), и процессов, которые изменяют ее основную структуру. Это во многом аналогично основному биологическому различению физиологических процессов, благодаря которым поддерживается или изменяется определенное состояние индивидуального организма, и эволюционных процессов, влекущих за собой изменения в генетической конституции видов[30].

Очевидно, что основная функция политики, политической системы в условиях демократии и заключается в поддержании стабильности и порядка в обществе, торжества закона, обеспечения политической культуры, адекватной потребностям общества, обеспечивающей политический консенсус и целостность системы. Структура политической системы, которая является основой выполнения этих задач, представляет собой совокупность взаимосвязанных функций, норм, ценностей, институтов, которые предписывают, закрепляют, тормозят, разрешают некоторые типы поведения[31]. Естественно, чтобы политика, как одна из организующих структур общества, выполнила свое предназначение, ей необходима собственная организация, она должна представлять собой диалектически устойчивое образование. В политике создаются условия и для поступательного развития общества, и для торможения его движения вперед. П. Штомпка определил объективно проявляющиеся формы общественной динамики, которые мы можем рассматривать в качестве всеобщих, проявляющихся во всех сферах общества, в том числе и в политической. К ним относятся принципы инертности, контикуальности (момента), последовательности, в которых формулируются закономерности постоянного, устойчивого, эффективного и непрерывного политического процесса, создаются возможности бесконфликтного состояния общества. Важное условие обеспечения политической стабильности -

[30] Парсонс Т. Указ. соч. С. 237.

[31] Матвеев Ф.Ф. Теоретическая и практическая политология. М.: Изд-во Ассоциации «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 1993. С. 47 - 57.

своевременные и правильные политические решения как ответы на вызовы времени, последовательное их осуществление и учет последствий принятых решений. Ситуация неустойчивости вызвана тем, что за основу решений берутся лишь субъективистские настроения, желания и мечты. Исключительно важное значение имеет институциональная стабильность, длительность и постоянство во времени политических институтов (выборов, многопартийности, конституции и т.д.), динамика которых не должна определяться конкретными лицами, находящимися у власти. В свою очередь, динамичная устойчивость политической системы и политического процесса определенным образом связана с ротацией и легитимацией политических элит, что повышает уровень профессионализма управления, а следовательно, возможность принятия эффективных решений и, в конечном счете, позволяет создавать доверие к власти как политическому институту. Дж. Маджонс подчеркивал, что эффективная политика имеет большую степень стабильности и, следовательно, является более устойчивой[32]. Под эффективностью политики в данном случае подразумевается осуществление интересов большинства. Путем согласования целей, интеграции социальных групп, нахождения баланса их интересов, усиления власти посредством различных технологий происходит осуществление интересов большинства и эффективности политики. Выявляется закономерность в соотношении результативности и динамичности политического процесса: чем в большей степени политический процесс обладает чертами «неустойчивой устойчивости», тем он более ориентирован на конечный результат, и, в свою очередь, чем в большей степени гарантирован результат, тем стабильнее политический процесс и устойчивее общество в целом.

Изменение функциональных аспектов политики России в наблюдаемых условиях объективно направлено на повышение ее эффективности, результативности и стабильности. Если в условиях предшествующего режима функции политики фактически заключались в последовательном проведении в жизнь монопольных решений бюрократизированной партийной верхушки, то в настоящий период, несомненно носящий характер переходности, политическое функционирование наполняется новым содержанием, соответствующим задачам демократизации по западному образцу. Проблема, таким образом, заключается в переходе к функциям собственно демократического правления, содержание которых выкристаллизовывается в результате действия совокупных факторов исторического, социально-

[32] Политическая наука: новые направления. С. 594.

экономического, политического и культурного развития. Формирование политической системы нового типа, адекватной потребностям общества на данном витке исторического развития, дает сущностное основание современному наполнению функций политики.

Понятие функции определяет необходимые условия сохранения независимого существования системы внутри среды. Выявленные Т. Парсонсом основные функции общества как социальной системы - интеграции, воспроизводства образца, целедостижения и адаптации - так или иначе трансформируются в политической системе. Как «существования, мыслимые нами в действии» (И. Гете), функции политического процесса отражают его основную направленность и получают конкретизацию в тех задачах, которые требуют исполнения в интересах внутреннего и внешнего развития. Сущностные характеристики политической системы позволяют отнести к функциям те направления ее деятельности, в которых осуществляется достижение общих интересов и частных интересов как общих путем интегрирования элементов системы в единой целое, выявления, согласования и организации интересов, регулирования ценностей, мобилизации ресурсов.

В заключение этой части рассуждений следует отметить следующее. При изучении политического процесса исследователь сталкивается как с проблемами общеметодологическими - соотношение теоретического и эмпирического знания, объективного и субъективного, так и частными проблемами собственно политологического знания. Выбор методики исследования определяется потребностями той социальной реальности, в которой происходит становление, развитие, функционирование и изменение политики.

Изучение политического процесса в настоящее время идет в рамках двух основных парадигм: институциональной и неинституциональной. Согласно первой, движущей силой политики являются институты (структурированные, формально организованные системы) и неструктурированные элементы в виде идей, ценностей и норм. Отсюда - развитие в последние годы в отечественной политологии наряду с объяснительным и описательным методом (анализом политических институтов прошлого и настоящего, обобщением опыта различных субъектов политики в их движении к власти) - понимающего метода (выявления роли социокультурных факторов в политике).

Институциональный подход позволяет определить динамику политического процесса в его институциональной части - как становление, формирование и развитие политических институтов, а также их

изменение (появление новых элементов структуры и новых функций) или переход от одного типа политического института к другому.

Определение сущности политического процесса возможно при обращении к его общенаучным основаниям, соотношению материального и идеального в политике, к сущностям и смыслам социального и политического бытия человека. Можно утверждать, что политический процесс осуществляется как реализация функции общества в целедостижении, каковым является производство и воспроизводство общественного бытия, для чего формируется политический комплекс. Задача политических субъектов заключается в нахождении оптимальных способов использования потенциала политики в интересах общества. Мировой опыт демонстрирует демократию в качестве эффективной формы правления, обеспечивающей механизм политического решения проблемы приобщения человека к политике, через которое происходит осознание человеком своей связи с обществом. Состояние общества как устойчивого, результативного и гуманитарного является показателем эффективности политического процесса.

Развертывание политического процесса предполагает наличие «узлов» и «вилок» развития - бифуркальных точек, из которых начинается разветвление движения. Таких бифуркальных точек существует последовательное множество. Каждая из них свидетельствует о подошедшем этапе разрешения накопленных противоречий, состояний определенности соотношений политических субъектов, когда выявляются противостоящие политические силы и аутсайдеры политических событий.

Выбор пути, определяемый действием целого ряда факторов, среди которых первое место занимают: характер действующих лиц политического процесса, острота разворачивающегося конфликта, возможности основного политического института – государства - разрешать сформированные противоречия и предотвращать развертывание политического конфликта, конституционно-правовое, финансовое, информационное обеспечение, способность вырабатывать стратегические цели и политические технологии, наличие налаженного механизма взаимодействия органов государства, действие внешних факторов соотношения сил мирового политического процесса. Политический процесс представляет собой результат действия внешних и внутренних факторов, определяющих внутренние источники политических движений, влияние внешних по отношению к политике явлений и действующих лиц - от социальных групп общества до международных сил (иностранных государств, иностранного и российского терроризма).

С организационной точки зрения политический процесс - явление структурное, неравновесное, нестабильное, подверженное конфликтам и кризисам, развивающееся эволюционно, циклически. Его формами являются накопление отклонений (флюктуации), бифуркация, фазовые переходы, самопроизвольные переходы в новое состояние, линейность - нелинейность развития, наличие лавинообразных процессов, самоорганизация. Свойствами политической динамики выступают: случайность, наличие веера возможностей и их отбор, детерминированность, воздействие «малых» случайностей, микроуровня на макроуровень. Результат взаимодействия политических сил - появление многоуровневого целого, новой неравновесности, необратимости, несоответствие замысла результату, усложнение.

Политический процесс является составляющей социального процесса, изменений, происходящих в социальном бытии. Динамизм политики в этом плане подчиняется тем же законам, что и общество в целом. Это законы гибели старого и становления нового, перехода из одного состояния в другое, колебания состояний (закон маятника М. Крозье). При этом происходит смена типов и форм общественного бытия, разрушение предыдущей и становление новой организации общественного мира людей.

В понятии «политический процесс» отражается динамическая и функциональная сторона самой политики, ее пространственно-временные изменения, направленность действий политических сил, организация политических институтов, обновление политических систем, изменение соотношений элементов внутри систем. Выступая сферой, в которой происходит обращение, выявление и реализация социальных интересов, политический процесс не может не породить и силу, регулирующую эти интересы и, через это регулирование, организующую общественное бытие. Такой силой является власть. Историческое развитие и изменения, происходящие в цивилизованном обществе с асимметричной социальной дифференциацией, неравенством и несправедливостью, приводят к созданию основного политического института, концентрирующего власть и управляющего сложно дифференцированным обществом. Таким институтом является государство.

Переход из одного общественного состояния в другое сопровождается борьбой противников и сторонников нового порядка, создающей динамизм политического процесса переходного периода. От того, как складываются отношения между противоположными политическими силами, от обеспечивающей действенность каждой политической силы социальной базы, от места в политическом процессе,

уровня политической активности и культуры участников политического процесса - от этих факторов, создающих способность или неспособность их идти на компромисс, зависит социальная эффективность политического процесса в целом.

Раздел II. Особенности российского политического процесса в условиях реформирования

Тема 4. Российский политический процесс в историческом аспекте

Обращаясь к истории российского политического процесса, мы можем утверждать, что в российской политике отражалось несколько ведущих тенденций. Во-первых, в ней отчетливо проявлялось стремление к «собиранию земель» и централизации власти в условиях постоянно существующих внешних угроз с юга, севера, северо-запада. Во-вторых, степень совпадения интересов населения и властных устремлений была различна, что в периоды существенных расхождений представлений населения и власти о путях и направленности политического процесса вызывало значительные социальные возмущения. Игнорирование властью социальных проблем приводило к накапливанию социальных противоречий, что закладывало и будущие социальные конфликты. Начиная с XV века - окончательного закрепления крестьян за помещиком - интересы государства и крестьянства, составлявшего основную массу населения России, переходят в стадию противоположности, что продолжилось в острых социальных столкновениях XVI – XVIII веков.

Становление Российского государства происходило в периоды: IX – XIII веков - Киевская Русь, XIV - XV - централизованное государство со столицей в Москве. По мнению Л.И. Семенниковой, Киевская Русь содержала в себе основы демократического устройства по принципу Эллады: до нашествия монголо-татар в Древней Руси было 74 города - своеобразных городов-полисов. Каждый был политическим центром округи, господствовало коллективное общинное управ-

ление, заключался общественный договор между князем и народным собранием (вече), на договоре земель и княжеской власти держалось государственно-территориальное устройство. Отличие от античной государственности создавалось коллективистской общественной системой. Организация внешней защиты населения производилась силами самого населения - вооружением всего народа[1]. Объективно в интересах населения происходило и объединение земель в период образования Московского царства. Так, по утверждению В.О. Ключевского, политика московских князей, создававших Великороссию и обеспечивавших мир в этом районе, защиту от набегов, в период с 1228 по 1268 год сформировала поколение, накопившее силы в период относительно длительного покоя и победившее на Куликовом поле[2]. Впоследствии же российская политическая власть и объективно, и субъективно расходится с гражданскими интересами в пользу интересов общегосударственных. С правления Иоанна Грозного Российское государство формируется как деспотически-бюрократическое. С начала светских реформ (XII век) политические реформы в России, по его же свидетельству, были направлены на становление централизованной российской государственности, которая к XVI веку сформировалась в абсолютную монархию.

Централизация власти в руках всеземского национального государя сочеталась с властью аристократии в лице бояр. В организации государственной власти до Петра I было заложено местничество - введение в государственную службу ценза породы: служебное значение лица определялось не частным интересом, не личными заслугами, а генеалогическим происхождением, служебное положение наследовалось. Стремление Иоанна Грозного переломить ситуацию закончилось разделением власти на опричнину и земство. Следовательно, во властных отношениях российской политики исторически закладывался протекционизм, служение не делу, а лицам. Разделение на местную и верховную власть, которая была отдана Иоанном Грозным боярам, не способствовало формированию местного самоуправления, а заложило основы противоречий между центральной властью и регионами, содержанием которых стало постоянное стремление к разделу и переделу власти между российской аристократией и троном. Впоследствии, в эпоху Петра I, вокруг трона начинали группи-

[1] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учеб. пособие для вузов. М.: Интрепракс, 1994. С. 121.

[2] Ключевский В.О. Курс русской истории. Соч. Т. 2. М.: Госполитиздат, 1957.

роваться наиболее преданные и послушные власти исполнители, образовался класс служилых людей - дворян. Формировалась российская бюрократия, создававшая государственное делопроизводство по указу царя. На местах, которые находились под властью царя, формировалась собственная власть, точно повторявшая верховное обустройство власти и следовавшая ее принципам централизации и полновластия. Жесткая направленность российского политического процесса, формировавшегося в «верхах» в сторону «собирания земель» в XIV - XV веках, создав историческое пространство для национального развития, не оставляла возможности для развития гражданских институтов и политически активного населения. Объединение Руси не опиралось и не направлялось на социальное развитие и экономический рост страны, а, напротив, сопровождалось большой тратой времени, материальных и духовных сил, уходивших на борьбу с внешним врагом - степными кочевыми племенами в условиях господствовавшего натурального хозяйства.

С XVI по XIX век Россия превращалась в империю, завоевывая и присоединяя к себе Казанское, Астраханское ханства, Сибирь, Украину, Крым и другие земли. Преобладало не интенсивное, а экстенсивное развитие, так как российская политическая власть стремилась к решению проблем укрепления страны за счет расширения земель. Это повлекло создание поместий и нового служилого класса. В свою очередь, расширение земель, условия борьбы с боярами, тяжелые условия социально-экономического развития страны и потребности защиты границ постоянно требовали укрепления государственной власти.

Московское государство расширяло территории, на которых устанавливались положение и взаимные отношения между классами. Учащение внешних войн, по свидетельству В.О. Ключевского, требовало напряжения социальных сил народа, не оставляя простора для развития духовных интересов народа, формирование национального государства опережало общественную мысль, мешало ей уяснить себе новые задачи. Российская политическая элита изначально не формировалась как усваивающая общие интересы народа, не создавались постоянные политические связи, заменявшиеся семейными или временными. Падение же общих интересов всегда влечет за собой приход к власти или властному влиянию политических сил, действующих во имя личных интересов[3]. Централизация власти не исключала в истории Российского государства децентрализующих моментов: казаче-

[3] Ключевский В.О. Указ. соч. С. 329, 52.

ства и вольных городских общин в Великом Новгороде, Пскове и его колонии Вятке, но они уже не имели общего значения. Демократия сохранялась общинная, на низовом уровне и под контролем государства.

Историческими особенностями российского политического процесса являлось своеобразное сочетание действующих условий и отношение к власти народного сознания. Централизация власти поддерживалась народным сознанием. Возникшая еще в XI - XII веках в Киевской Руси идея единства была идеей общего отечества - Русской земли. По мере укрепления Московского княжества она становится идеей укрепления национального государства. Политическое единство страны выстраивалось на признании его народом, объединяемым общими интересами борьбы против внешнего врага и в процессе присоединения новых земель. Московские государи, собирая земли вокруг Москвы и действуя во имя династических интересов, вынуждены были сливать свои интересы с народными в борьбе за веру и народность[4]. Ценность князя определялось умением водворять общественную безопасность и тишину, что выводило население из подавленности внешними обстоятельствами. Князь в народном сознании являлся борцом за независимость Руси, национальным героем и старшим сыном русской церкви. Москва становилась центром религиозно-нравственных интересов всего русского народа. Политическое движение осуществлялось в сторону достижения независимости от Орды, усиления концентрации власти (сбор земель), заключения договоров, освящения власти московского князя в народном сознании как ближайшего друга российского патриарха[5]. Формировалась особенность российского правления - своеобразная властная технология пространства: распространяемая из одного центра и охватывающая всю территорию страны[6].

Географическое положение, огромные пространства, требовавшие совместного труда и общежития в преодолении тягот взаимодействия с природой, впоследствии - появление торговых путей, необходимость сбора дани Орде и постоянная угроза извне, борьба с внешними врагами - были основными факторами концентрации политического процесса с определившимся постоянным центром - Москвой. Высшим и бесспорным двигателем была воля государя, народный

---

[4] Ключевский В.О. Указ. соч. С. 116.

[5] Там же. С. 27.

[6] Королев С.А. Бесконечное пространство: Гео- и социографические образы власти в России. М.: Ин-т философии РАН, 1997.

интерес подразумевался и реализовывался как интерес общий. Материальное благосостояние не было высшей целью этого движения: в государственном устройстве страны не находилось ни места, ни времени для обеспечения народного благосостояния, но последовательно и мощно осуществлялось российское державостроение, ставшее тем самым «общественным благом», о котором мечтали российские либералы уже в XIX веке. Б.Н. Чичерин, пытаясь, как русский либерал, найти среднее между частным и общественным интересами, утверждал, что только в том случае, когда реализуется общественное благо, получает реальную возможность реализоваться и частный интерес[7]. Поддержка общественного начала в виде устройства сильной государственности, способной противостоять разрушительной силе извне, преобладала над личным началом: гражданское на Руси никогда не соединялось с представлениями о частном праве и личной выгоде. В этом плане можно утверждать, что в России не был сформирован рациональный тип личности и российскому сознанию был скорее свойственен иррационально-эмоциональный подход к миру с предъявлением ему не прагматических, а нравственных требований. Поэтому и деятельность российских царей встречала поддержку там, где, по мнению народного сознания, был соблюден обычай и проявлена забота об «обществе». Усвоенное из Библии изречение о богатом царствии небесном и верблюде, проходящем через игольное ушко, вечное народное презрение к «толстосумам», другими словами, и православная конфессиональность и традиция могли служить опорой русским правителям - реформаторам там, где российское общество замечало заботы о сохранении и приумножении богатства целого. Петра I народ назвал Антихристом, не простив того, что видел в нем иноземного, но в фольклоре сохранилось уважительное отношение к Иоанну Грозному - мощному «традиционному» царю, заботившемуся об устроительстве земли русской, воевавшего Казань и Астраханское ханство. Следует также заметить, что российские бунты и восстания поднимались либо за «истинную веру» (раскольничество), либо против помещиков (восстание Ивана Болотникова), но никогда не были направлены против царской власти как государственного института России. Стрельцы, повернув с Азова, куда Петр послал их на тяжелый ратный труд, шли не против царя, а против Петра за Софью, обещавшую вернуть их к легкой службе, в Москву, к своим подворьям. Степану Разину нужная была казацкая вольница - возвращение вольных прав казаков, Емельян Пугачев смог поднять массы казачества и си-

[7] Чичерин Б.Н. Курс государственной науки. Ч. 1. М., 1908.

бирского люда, предъявив «царские знаки», подняв бунт в качестве царя Петра III.

Особое место в исторической динамике российского политического процесса занимали реформы. Отличительной их особенностью явился ярко выраженный модернизационный характер: все российские реформы своей целью имели ускорение развития общества. Цикличность развития, характерную для стран восточного типа, российские реформаторы, начиная с Петра I, пытались пробить преимущественно одним способом – «вестернизацией», прямолинейно заимствуя элементы западного пути, перенося их на российскую почву, не считаясь с многолинейностью, вариативностью истории. При этом действовала тенденция к самосохранению традиционных ценностей (конфессионных, национальных, культурных), а также низовое сопротивление жестким государственным способам европеизации России.

Российские модернизации охватывали длительный период с Петровских реформ до конца XX - начала XXI столетия. Все они были правительственными реформами. По свидетельству ярославского ученого А.В. Ефременко, только однажды в России была создана уникальная ситуация противопоставления реформам «сверху» инициативы «снизу». Речь идет о деятельности земских органов местного самоуправления, альтернативной столыпинской приватизации общинных земель и перехода от общинного землевладения к частному. Используя большое количество архивных (в том числе и неизвестных), статистических и других материалов и источников, автор убедительно раскрыл смысл и последствия столыпинской реформы, на которые неоднократно ссылались российские политики как на образец, доказывающий правомерность и необходимость в России приватизации земли: столыпинская реформа осуществлялась в интересах немногочисленной богатой верхушки крестьян, которая и так уже выходила из общины, и полностью игнорировала интересы огромной массы крестьянства и зарождающихся земских агрономических организаций, которые в состоянии были противопоставить ущербной столыпинской реформе свою организацию и агротехническую культуру подъема крестьянского хозяйства с использованием органично свойственной российской агротехнической культуре общинного землевладения[8].

Политическая история России демонстрирует, таким образом, достаточно четко определяемую направленность политического про-

[8] Ефременко А.В. Земская альтернатива столыпинской приватизации. Ярославль: Изд-во ЯГСХА, 1999. 267 с.

цесса в сторону концентрации и централизации власти, глубокого расхождения властных и социальных интересов - интересов индивидуальных и групповых субъектов власти и индивидуальных и групповых социальных субъектов. Последнее не исключало совпадения интересов общества и государства как целостных образований, особенно в периоды, критические для страны: так было во время монголо-татарского ига, борьбы против немецких рыцарей, польских захватчиков, в 1812 и 1941 годах. В то же время следует обратить внимание на тот факт, что это объединение происходило при возникновении внешних конфликтов.

Тема 5. Проблемы модернизации и демократизации современного российского общества

Начало преобразований российского общества, обозначенных на разных этапах как «ускорение», «перестройка», «реформы», преподносилось советской, затем и российской политической элитой обществу как объективный, необходимый процесс. Общественное сознание активно подготавливалось к признанию правомочности будущих политических решений, к легитимизации тех политических сил, которые придут на смену существовавшим в советское время. Наступление на советский строй и созданную систему отношений началось с критики материально-экономической базы общества: указывалось на снижение в последнее десятилетие эффективности общественного производства, на отставание научно-технического развития от ведущих стран Запада, что в условиях усиливающейся борьбы за сырьевые ресурсы и положение в мировой системе хозяйства грозило стагнаций, переходом в число отстающих стран. Была создана программа ускорения научно-технического прогресса, перестройки управления промышленностью и всем народнохозяйственным комплексом страны, в разработке которой принимали участие М.С. Горбачев, Н.И. Рыжков, В.И. Долгих. Приход М.С. Горбачева к власти в качестве Генерального секретаря КПСС постепенно привел к ликвидации партии и слому существовавшей системы государственного управления. Разрушение аппарата КПСС, смену высшего руководства страной А. Зиновьев назвал «советской контрреволюцией».

Активные мероприятия по наведению порядка в партийных органах, борьба против региональной элиты позволяли М.С. Горбачеву в марте - декабре 1985 года укреплять свои позиции и производить

кадровые перестановки[9]. За период 1985 – 1986 годов происходило стремительное освобождение от обязанностей и назначение новых лиц: от обязанностей заместителя Председателя Совета Министров СССР и Председателя Госплана СССР освобождается Н.К. Байбаков, его сменяет Н.В. Талызин, в ноябре 1985 года заместителем Председателя Совета Министров СССР назначается И.С. Силаев, первым заместителем Председателя Совета Министров СССР становится В.С. Мураховский. От обязанностей Председателя Государственного Комитета СССР по телевидению и радиовещанию освобождается С.Г. Лапин. Министром внутренних дел СССР назначается А.В. Власов вместо В.В. Федорчука.

От обязанностей Чрезвычайного и Полномочного Посла СССР в США освобожден А.Ф. Добрынин и назначен Ю.В. Дубинин. Начиналась борьба в партии, шла решительная чистка в верхних эшелонах партийного и государственного аппарата.

Подготавливается и трансформация общественного сознания: в общественно-политических и художественных изданиях интенсивно критикуются «отдельные недостатки», но постепенно раздаются голоса, обвиняющие партию, «административно-командную систему», а затем и государственный строй в разрушительном воздействии на общество.

Происходит смена руководства творческих союзов. В 1986 году Элем Климов избирается первым секретарем Союза кинематографистов СССР, секретарем Союза театральных деятелей избирается сторонник реформ М. Шатров, главным редактором журнала «Новый мир» - С. Залыгин, «Знамя» - Г. Бакланов, «Огонек» - В. Коротич. М.Н. Полторанин в ноябре 1986 года назначается главным редактором газеты «Московская правда». «Толстые» журналы активно формируют общественное мнение в пользу скорейших и кардинальных перемен.

24 декабря 1985 года вместо В.В. Гришина секретарем МГК партии выбран Б.Н. Ельцин. 24 января 1986 года он выступает с докладом на Московской партийной конференции, а 18 февраля того же года выбирается кандидатом в члены Политбюро, проявляя себя при этом борцом против «обюрократившихся» членов партии. Таким образом подготавливался и будущий политический лидер «нового образца».

---

[9] Кодин М.И. Россия в «сумерках» трансформаций: эволюция, революция или контрреволюция? М., 2001. С. 13 - 14.

Стремясь заручиться поддержкой мирового сообщества и прежде всего стран - членов СЭВ, новое правительство начинает активно подписывать соглашения об экономическом и научно-техническом сотрудничестве с ПНР, ГДР, СФРЮ, СРВ, НРБ, ЧССР. Организуются встречи стран - участников Организации Варшавского Договора, проводятся советско-американские консультации по проблемам нераспространения ядерного оружия, запрещения химического оружия, освоения космоса. В 1986 году М.С. Горбачев выступает с Заявлением, где провозглашается комплекс внешнеполитических инициатив по программе освобождения Земли от ядерного оружия, рассчитанной на 15 лет, с полной ликвидацией ядерного оружия к 2000 году[10].

Весь период второй половины 80-х и начала 90-х годов наполнен бурными проявлениями общественных инициатив - развертыванием общественно-политических движений.

Зарождаются новые политические институты, новые формы политических отношений, в целом положительно воспринимаемые общественным сознанием.

Перемены, происходившие в России с начала XX века, продолжали общий модернизационный путь страны, хотя реализован он был не эволюционным, а революционным способом. Несомненные успехи модернизации (индустриализация, формирование новой интеллектуальной и политической элиты, всеобщая грамотность, невиданный рост социальной, в том числе и трудовой, активности населения) совмещались с громадным потенциалом в виде территории, людских и природных ресурсов и с идеологической оснащенностью власти идеями социализма и коммунизма. Этот идеал, принятый народным сознанием и воплотившийся в веру по аналогии с христианской, идеи мессианизма и великодержавности, а также социальные достижения в виде гарантированного труда, бесплатных форм социального обеспечения, роль СССР в установлении мирового баланса сил способствовали поддержке власти населением даже в самые трудные для властной легитимизации 30-е годы, обеспечили победу во второй мировой войне.

Начавшиеся в 80-е годы XX века перемены с самого начала свидетельствовали о продолжении действия сложившейся традиции в политическом процессе: производимые с 1985 года мероприятия - от ускорения социально-экономического развития до перестройки и «демократических реформ» сопровождались изменениями в полити-

[10] Современная политическая история России (1985 - 1998). Т. 1. Хроника и аналитика. М.: РАУ-Корпорация, 1999. С. 8.

ческой системе общества - уходом старых (КПСС, Советы) и появлением новых политических институтов (президентство, парламентаризм в его европейском варианте, многопартийность). Подталкиваемые бурными общественными движениями 80-х годов (народными и национальными фронтами) социально-экономические, социально-культурные и политические перемены осуществлялись властными «верхами». По мере углубления перемен углублялось противоречие между властью и социумом, государством и обществом, политический процесс все в большей степени приобретал традиционные очертания - централизации и концентрации власти (в период правления Б.Н. Ельцина - авторитарной формы власти Кремля, в настоящее время - авторитарной власти глав регионов).

Рассматривая российский политический процесс, необходимо выявить современные факторы его развития. К внешним факторам относится влияние цивилизационных процессов конца XX века. Через Россию проходят противоречия между старой и новой, традиционной и модернизирующейся цивилизациями. Жизненно важные для всего человечества изменения, закладывающие облик будущего мира, трансформируются в условиях каждой страны в виде экономических, социальных, политических и идеологических потрясений, кризисов, как правило воспринимаемых общественным сознанием как мировая катастрофа, конец света или предел национальному существованию.

Происходящие в мире изменения описываются в терминах «модернизация», «Третья волна» (Э. Тоффлер), «волны модернизации», «демократизация». Втянутым в мировой процесс разделения труда странам, естественно, необходимо определить свое место и роль в этих мировых движениях, занять свою, так сказать, «нишу» в мировом развитии. Тем более остро эта проблема стоит перед странами, проходящими период самоопределения и уже совершающихся социальных переломов. К таким странам в середине века относились бывшие колонии и полуколонии, освобождавшиеся от зависимости от метрополий и осуществлявшие выбор политического и экономического устройства. Вопрос самоопределения стоит ныне перед странами Восточной Европы и бывшим СССР. Практика и в том, и в другом случае показала, что в трансформационных процессах действуют, как минимум, три фактора: влияние примера, влияние воздействия и влияние традиции. В зависимости от действия политических сил, силы и влияния политической элиты, гражданской культуры населения приоритетное значение получает либо тот, либо иной фактор, либо их совокупность в разной последовательности.

Современное российское общество, по мнению ряда авторов, - модернизирующееся общество.

Проблемам российской модернизации посвящены работы В. Федотовой, А. Панарина, В. Капустина, В.А. Красильщикова, Э. Баталова, М.Н. Руткевича, В. Гельмана, М.В. Ильина, Н.Н. Моисеева.

Э.Н. Скакунов, трактуя российскую модернизацию как переход от традиционного общества к современному, считает, что Россия пережила три волны модернизации, каждой из которых соответствовала своя система политических институтов, изменения их функционирования и политической активности граждан. Потребность в третьей по счету волне преобразований горбачевского периода была неизбежной, поскольку надвигался распад российской государственности.

Он, в частности, выявил необходимость интеграции личности с культурной системой общества.

Э.Н. Скакунов считает, что модернизующееся общество исторически прошло фазы: ранней модернизации (идеологическая), где происходил выбор обществом единой стратегии развития, зрелой модернизации (политическая) - создания современного государства как механизма реализации стратегии развития, поздней модернизации (экономическая фаза) - материальной реализации стратегии развития. В настоящее время, по мнению автора, Россия находится на переходе от идеологической фазы модернизации, в которой средствами длившейся все нынешнее столетие борьбы определялась стратегия будущего развития страны, в политическую фазу, нацеленную на формирование современного государства[11]. Позиция автора не бесспорна, так как выпускается целый период развития - социалистический, несомненно модернизационный в силу стремления российских политических руководителей от И.В. Сталина до Н.С. Хрущева вывести страну в число наиболее развитых в Европе. Возникает вопрос и относительно сведения модернизации к становлению новой государственности, ибо это можно обозначить лишь как приоритетное направление в общем процесс выхода России из кризиса. Тем не менее справедлива мысль автора о самом факте модернизации, если понимать под ней стремление современных российских политиков к развитию по европейскому образцу.

Важной проблемой изучения российского политического процесса всегда была проблема выбора: она остается одной из наиболее

---

[11] Скакунов Э.Н. Политическая оппозиция в период модернизации России // СОЦИС. 1999. № 8. С. 13 - 19.

острых и по настоящее время, перейдя из сферы рассуждений о предпочтениях идейно-политического характера - социализм или капитализм - в сферу дискуссий о самобытном пути развития. Это вызвано осознанием того факта, что современные демократии не снимают с общества необходимости решения задач экономического, социального и духовного развития, обнаружили свою несостоятельность в ликвидации глобальных проблем, возникновение которых приходится уже на период существования обществ, так называемых развитых демократий. Человечество существует несколько десятков тысячелетий, а демократические общества насчитывают едва тысячелетие. Распространение демократии ограничено не только во времени, но и территориально - лишь США и небольшое число стран Западной Европы можно отнести к демократическим. Возникновение демократических режимов во всех других странах - не органическое, а искусственное, вторичное, явление. Так, жесткие иерархические социальные структуры средневековья просматриваются в Турции и Японии. Есть страны, демонстрирующие солидные экономические успехи, не имея ничего общего с демократическим политически режимом (Тайвань, Сингапур)[12]. Создавалась и альтернатива в виде социалистической демократии, анализ которой выходит за рамки нашего исследования, но опыт которой несомненно нуждается в изучении.

В современном научном обиходе этот вопрос не поднимается, хотя в период, получивший название «горбачевской перестройки», начало возникать соединение демократии с социализмом, ибо начала гласности, плюрализма, открытости экономических отношений начинали проявляться тогда, когда существовали социалистические общественно-экономические отношения, советская конституция и имевшийся опыт обеспечения социально-экономическими и культурными правами и гарантий прав. Резкое замедление темпов экономического развития, рост национализма и сепаратизма в республиках СССР, иллюзии возможности быстрого и безболезненного прыжка в «европейскую семью» приостановили, а затем и разрушили процесс становления социалистической демократии. Обсуждение совместимости этих понятий в настоящее время может иметь практический смысл лишь при восстановлении социалистических отношений, что в настоящее время не представляется возможным.

Привнося в российскую реальность западный вариант демократии, мы должны иметь в виду, что открытие демократии - не сча-

---

[12] Философия и политика (материалы «круглого стола») // Вопросы философии. 1996. № 1. С. 11 - 12.

стливая случайность, а естественный результат его индустриального развития, развития его производительных сил. Опыт буржуазных революций, свергнувших абсолютизм и создавших условия для развития производительных сил, потребовавших новой системы управления производством и обществом, - тому подтверждение. Нельзя отрицать успехи Запада в создании мощной социально-экономической системы, обеспечивающей относительную экономическую стабильность и благосостояние граждан, что в мировой общественной мысли сформировало идею о безальтернативности развития, утверждавшуюся в течение почти двухсот лет. И только опыт стран, существенно отличающихся от западных сочетанием традиционных и современных начал - Японии и Китая - заставил вновь поднять вопрос о путях развития современных обществ, содержании демократии, возможности ее осуществления в западном варианте и необходимости такого осуществления. В этой связи Д.А. Растоу подчеркивал: «Чтобы прийти к демократии, требуется не полирование конституционных законов или парламентской практики некой, уже существующей демократии, а способность честно взглянуть на свои специфические конфликты и умение произвести или позаимствовать эффективные механизмы их разрешения»[13].

Западноевропейский вариант политических институтов - становление оптимальных форм для наиболее эффективного выявления регулирования и реализации интересов, проявляющихся в принятии решений, воплощении их в жизнь, регулировании спорных вопросов и наказании нарушителей общепринятых правил (институты законодательной, исполнительной и судебной власти, принуждения)[14]. Другими словами, все институты демократии - это наличие, конфигурация и функционирование власти, государства, партий, движений, политических лидеров, элиты с точки зрения интересов социума и человека, установленный и постоянно возобновляемый порядок. Опираясь на положительный и отрицательный опыт современных демократий, можно утверждать: чем в большей степени формируемые институты соответствуют социальным функциям власти (принимаемые решения способствуют удовлетворению социальных потребностей), тем в большей степени в политическом процессе осуществляются цели производства и воспроизводства общественного бытия - приведения в соответствие политических институтов, политических процессов и

[13] Растоу Д.А. Переходы к демократии: политика динамической модели // ПОЛИС. 1996. № 5. С. 9.

[14] Политическая наука: новые направления. С. 149 - 150.

т.д. Общеисторическая тенденция, развивающаяся по мере развития общества, социальных интересов и способов их регулирования, остро проявляется в периоды трансформаций социального организма, когда идет поиск институтов, наиболее адекватных задачам власти в эпоху перемен.

Создание одних политических институтов, разрушение и уход с исторической арены других - составляющая динамики политических процессов в контексте той или иной цивилизации.

Другой составляющей является общественно-политическая, гражданская активность индивидов и социальных групп в политическом процессе.

Общеизвестные формы политико-институциональных изменений - трансформация и модернизация, которые осуществляются как революционным, так и эволюционным путем. Преобразование существующих организационных форм, норм и политических отношений в результате глубинных внутренних и внешних катаклизмов, наиболее проявленными из которых являются войны и революции. И в первом и во втором случае происходящие изменения формальных признаков могут не означать в то же время исчезновения самого института как такового: уход с исторической арены одной или ряда партий не означает исчезновения института партий, если он уже появился в ходе исторического развития политики, так же, как изменение норм партийных отношений и «правил игры» (общепринятых в данном политическом процессе процедур) внутри той или иной партии или положения ее в политическом процессе (функционирование ее представителей в парламенте, правительстве).

В ходе буржуазных революций в Западной Европе были ликвидированы абсолютные монархии, однако сам институт сохранился и продолжает существовать в странах Азии, Африки и Ближнего Востока. Сохранение определенного политического института, таким образом, объясняется содержащейся в нем возможностью соответствовать тому типу реализации социальных потребностей, который создан традицией, обычаем, сложившимися в обществе социально-политическими отношениями, способом легитимизации власти. В силу этого деление политических институтов на «правильные» и «неправильные», уходящее корнями в «Политику» Аристотеля, носит достаточно механистический характер. И в «неправильных» политических институтах - тирании, диктатуре, тоталитаризме - эксплуатация подвластных групп в собственных интересах не отрицает поддержку режима обществом в целом из соображений порядка, форми-

руемых соответствующей политической культурой и традицией[15]. Следовательно, и по уровню общеисторических институциональных политических организаций, в рамках которых осуществляется политический процесс - государства и власти, и на уровне особенных форм политических режимов, правления, государственного устройства, и на уровне специфических форм (типа государства, партий, избирательной системы, структуры правительства, соотношения центральной и региональной власти, обустройства местной власти, вооруженных сил, типа политической культуры) - политические институты представляют собой ту или иную организационную форму регулирования общественных отношений с целью реализации определенных интересов - общесоциальных, кооперативных, групповых, индивидуальных.

Применяя данное рассуждение к демократическим и недемократическим институтам, мы можем констатировать их относительность в политическом процессе с точки зрения позитивности и негативности, эффективности и неэффективности реализации социальных интересов. В современных направлениях западной и отечественной науки вырисовывается неоднозначное отношение к демократическим институтам и идеалу демократии в целом. Проявляются, как минимум, три направления. В одном - ценность демократических политических институтов признается безусловной, хотя уже содержится определенная научная рефлексия по поводу демократии как общечеловеческой ценности. В частности, отмечаются возникшие в конце тысячелетия мировые экологические, экономические, демографические проблемы, мировое неравенство, в возникновении которых - немалая доля участия развитых демократических стран. Признавая значение демократических институтов (выборов, партийной, парламентской борьбы), подвергают сомнению ценность демократических идеалов. Другое направление рассматривает демократию как западный институт, распространяемый в мировом пространстве. Мир представителям этого направления видится построенным по западному образцу. Наконец, в последнее время возникает новое направление, оценивающее события в России в русле решения проблем демократизации. Разброс мнений относительно возможностей демократизации России выражается в концепциях транзитологии и либерализации[16].

---

[15] Ротстайн Б. Политические институты: общие проблемы // Политическая наука: новые направления. С. 150.

[16] Лукин А.В. Переходный период России: демократизация и либеральные реформы // ПОЛИС. 1999. № 2. С. 134.

При всей эффективности и разработанности демократических институтов в западноевропейских политических процессах, резюмируя аргументацию современной политической науки, следует, очевидно, констатировать, что демократия - определенная стадия развития европейской цивилизации, пришедшая на смену абсолютной монархии, форма организации политической жизни общества в условиях существования частной собственности. В эпоху индустриального развития, формирования капитализма и класса буржуазии и возникает сложный механизм представительной власти, осуществляемый как общественный договор между субъектами и объектами власти. Существовавшие элементы демократии в древнем мире (при переходе от родо-племенных отношений к классовым, государственно-организованным) относятся к протодемократии, когда закладываются основные элементы механизма реализации социального интереса, сначала проявляемого в виде интереса большинства, затем - класса, затем - масс - общностей, содержание социальных интересов которых имеет конкретно-исторические характеристики. К этим элементам относятся: институты выборов, представительства власти, ее законодательного обеспечения, гражданственности личности. Начала демократии, связанные со становлением личностных качеств, обусловленных местом и ролью его в общественной организации труда и осознанием своего природного социального статуса, в то же время проявлялись в праве большинства, в значимости которого для решения социальных проблем сомневался еще Аристотель.

Нельзя не видеть различий в социально-экономических, политическом и культурном фоне демократии античности, Нового времени и XX века, настолько сильно влияющие на личностные, социальные и глобальные последствия подобной формы организации, на содержательную сторону демократического института в целом, что, при условии соответствия формы и содержания, заставляет говорить об очевидно совершающемся на наших глазах глубинном процессе трансформации демократии.

Следуя закону возврата на новую ступень развития в качественно ином виде, можно утверждать, что политический процесс будущего может являть собой плюрализм институтов, на подобие аристотелевой политии, отбирающий наиболее эффективные способы и формы выражения социального интереса.

Нет правильных и неправильных политических институтов, есть политический процесс, в котором осуществляется производство и воспроизводство общественного бытия посредством реализации общественных интересов - поиска наиболее эффективных способов их

выявления и создания механизма, способствующего их осознанию и репродуцированию.

Определение теоретических основ политического процесса позволяет перейти к анализу динамики современной российской политики.

Тема 6. Динамика российского политического процесса в период реформ

Российский политический процесс 90-х годов продемонстрировал действие закономерностей, свойственных всем переворотам. Они начинаются при поддержке населения, на базе народных чаяний энтузиастами, которые умеют приподняться над средой, породившей их как лидеров, но продолжаются авантюристами-демагогами, расчищающими дорогу тем социальным группам, положение которых требует легализации и всей полноты власти. В российском варианте - это секретари партийных и комсомольских организаций, среднее звено, в чьем распоряжении находились финансы и материальная база партии и комсомола, и быстро оформившаяся группа олигархов, приватизировавшая национальное достояние.

Поэтому этапы российского политического процесса периода 90-х годов - это вехи становления и укрепления российских политических институтов, формирования российской политической и финансовой элиты, дезорганизации существовавшего и начала конструирования нового общественного бытия, переход на новую систему ценностей.

Этапы политического процесса в российской и западной литературе ставятся в зависимость и от экономических факторов развития, хотя отмечается непрямая зависимость политических изменений от экономических.

В этапах развития российского политического процесса обнаруживается логика его развития. Каждый из них фиксирует «точку» очередных изменений, движение вперед или откат назад, динамику внешних условий политических изменений (экономики, социума, культуры) и внутреннего содержания - действия политических субъектов, направленные на выявление и реализацию социальных интересов. В зависимости от внешних и внутренних факторов, активности политических субъектов создаются те или иные типы, формы политических процессов - революции и эволюции, конструктивные и деструктивные, постоянные и дискретные, и т.д. Организационная сто-

рона политического процесса фиксируется в категории «политический институт». От степени соответствия процесса и созданного в ходе его развития института зависят характер и глубина преобразования общественного бытия. Появление политических институтов в историческом аспекте было вызвано социальной потребностью в создании более или менее устойчивых форм функционирования власти - регулятора социально-политических отношений. Другими словами, наличие демократических политических институтов закладывает возможности появления в будущем демократических отношений в обществе, реализация которых будет зависеть от многочисленных внутренних и внешних факторов, и в частности от способности и готовности общества освоить ценности демократии.

Содержательная сторона российского политического процесса не исчерпывается становлением демократической формы правления и механизма паритетных отношений между населением и властью, государством и обществом (последнему вопросу будет посвящен отдельный параграф). Динамика российского политического процесса, разворачивающегося во времени российской истории и на обширном российском геополитическом пространстве, представляет собой изменения российской политики, имеющие определенную направленность, периоды, фазы и этапы, способы и формы этих изменений, определяемые внутренними и внешними условиями развития страны. Динамика российского политического процесса - это взаимодействие двух основополагающих факторов - становления и развития политических институтов, их структуризации и функционирования, с одной стороны, колебаний политической активности масс и индивидов - с другой. В результате этих изменений происходит актуализация социальных интересов и их реализация в той или иной форме, теми или иными политическими субъектами, теми или иными способами, с той или иной степенью интенсивности. Политический процесс отражает трансформации российского общественного бытия и способствует дальнейшему развертыванию этих трансформаций в обозримом будущем.

Характеризуя динамику российского бытия, мы исходим из того факта, что она уходит корнями в российскую историю, следовательно - российский исторический опыт и традицию, важной составляющей которой является активное усвоение наличного мирового опыта. Политический процесс, отражающий динамику общественного бытия через человеческую деятельность, как было сказано выше, воспринимает все изменения, происходящие в экономической, социальной, духовной жизни общества, в свою очередь способствуя этим изменени-

ям. Особенностью российского исторического пути можно считать то обстоятельство, что каждая историческая фаза России - это фаза выбора, имеющая определяющее для судеб страны и народа значение. Это придает особый смысл российским переходным периодам, концентрирующим в себе все напряжение накопленных противоречий. Разрешение их не только требует всех социальных сил страны, но и осуществляется непримиримо остро и болезненно, когда ни одна из противоборствующих сторон не удовлетворяется достигнутыми результатами, что закладывает еще большую остроту конфликтов в будущем. Строго говоря, к концу XX века Россия подошла со сложнейшим переплетением социальных проблем, не решенных в историческом прошлом страны и усугубленных глобальными проблемами современности. Российские точки бифуркаций, как правило, были точками взрывов, переломов, роста социальной напряженности, обостряющихся конфликтов. В силу относительной самостоятельности политики политический процесс получал возможность развиваться более ускоренными темпами, нежели экономический, социальный и культурный (ядро которого вообще мало поддается изменениям) и оказывать влияние на состояние общественного бытия более непосредственно, нежели другие сферы общества. Персонификация власти и отчуждение ее от общества не только существенно влияли на вызревание социальных конфликтов, но и провоцировали их обострение на разных этапах российской истории. Перестраиваемые политические институты, как правило, носили незавершенный характер, инновационная форма преобладала над содержанием, а активизация населения в сфере политики происходила по радикальным моделям - бунта, восстания, мятежа, революции.

После эйфории массовых надежд, вспыхивавших каждый раз, когда страна вступала на очередной виток развития, между вновь образовавшимися политическими институтами и населением устанавливалось взаимное недоверие, возобновлявшее постоянно тлеющий конфликт между населением и властью. Социальная активность населения становилась деструктивной по отношению к политической власти и принимаемым ею решениям. В этом смысле можно утверждать, что политическая власть в России носит хронически нелегитимный характер. Политическая же активность населения («политическое участие») либо не имела достаточной степени интенсивности, либо осуществлялась в традиционных формах, либо падала до такого низкого уровня, что практически превращалась в политический нейтралитет или политическую индифферентность. Опираясь на многочисленную историко-политологическую литературу, посвященную рос-

сийской политической истории, теории и практике, можно обозначить ряд проблем, вокруг которых сосредоточены основные дискуссии, касающиеся характера и направленности российского политического процесса: может ли демократизация стать его основным содержанием, имеется ли в России собственный опыт демократического развития, возможно ли становление демократии в России, и если да, то какова специфика ее пути к демократии как традиционного общества, каков механизм и политические силы, способные его осуществить. Эта политологическая проблема связана с еще более общими вопросами развития современной цивилизации и ее перспектив, места и роли нашей страны в сообществе цивилизаций, тенденций ее развития на рубеже XX – XXI веков, цивилизационными возможностями современной демократии, и т.д. Вспоминается (и делаются попытки повторения!) давний спор славянофилов и западников, определяются методологические основы аргументации каждой из сторон, вступающей в дискуссию. Обнаруживается необходимость взаимодействия ученых разных политологических, философских, социологических и исторических специализаций, привлечения обширного материала российской истории и современной практики, чтобы в развернувшихся спорах могла родиться истина, дающая в руки практикам теоретическую базу обоснования политического процесса.

Выполняя функции производства и воспроизводства общественного бытия и являясь составляющей общественного развития, политический процесс воссоздает и присущие ему ритмы и циклы. Проблема ритмики исторической динамики - это проблема понимания содержательности и направленности хода истории, не случайно поэтому социальная философия и философия истории, экономическая и политическая теории постоянно возвращаются к вопросу о его «конфигурации», к поиску «узлов» и «точек», в которых осуществляется накопление переменных факторов наряду с уточнением самих характеристик процесса. Эволюция общества как сверхсложной системы являлась предметом анализа Дж. Вико, А. Тойнби, Ф. Броделя, К. Маркса, А.М. Шлезингера, К. Ясперса, Фрэнка Э. Клинберга, И. Валлерстайна, Р.Дж. Коллингвуда, Р. Камерона, в русской социально-политической мысли - Н.Я. Данилевского, Н.Д. Кондратьева, Н. Гумилева, в более позднее время - А. Ахиезера, В. Пастухова, М. Мамардашвили, Ю. Яковца, А. Панарина, В.И. Пантина и др.

Как уже было показано, с античности в западноевропейской мысли преобладала идея линейно-поступательного развития: движения от простого к сложному, от низшего к высшему - движения к прогрессу - в сторону увеличения материальных и духовных богатств

в результате расширения рыночного хозяйства, накопления промышленно-технологического потенциала, растущей информатизации, формирования систем социального регулирования, или к регрессу - от «золотого века», полного слияния человека с природой, - к промышленной цивилизации, испортившей естественного человека - дитя природы (Ж.-Ж. Руссо). К. Маркс рассматривал развитие как поступательно-возвратное движение, которое по существу представляло собой спираль, где осуществляется повторение, но на новом уровне и в новом качестве. Пересечения витков спирали являются точками накопления социально-экономической энергии, за которой следует взрыв и переход в новое качество, снятие предыдущих отношений и становление новых. Поступательность движения обеспечивается детерминированностью развития, складывающимися в обществе социально-экономическими и культурными условиями.

Современный взгляд на развитие общества как цикличный или циклично-волновой процесс связан с представлением об обществе как сложном и многомерном явлении, развитие которого носит эволюционно-революционный характер.

Отсутствие единого критерия членения, что в свою очередь вызвано и отсутствием единой идеи, объединяющей российских политиков и общество. Отсюда - и многообразие критериев периодизации российского политического процесса. Основами периодизации являются: модернизация общества, стабилизация политической системы и становление демократии, создание условий появления новой российской государственности, многопартийной системы, формирования ценностных ориентаций россиян, отражающих складывающиеся отношения между властью и гражданами современного российского общества.

В западной литературе широко распространена периодизация этапов политического процесса как этапов становления демократии, так как политический процесс рассматривается как процесс становления демократии - ее институтов, их функционирования и активизации гражданской политической активности. Д.А. Растоу к этапам перехода к демократии относит создание предварительных условий, подготовительную фазу, фазу принятия решений[17]. Под решением при этом подразумевается содержание деятельности организованной демократии - административно-правовых институтов.

[17] Rastow D.A. Transitions to Democracy. Toward a Dynamic Model. Comparative Politiko. 1970. Vol. 2, № 3. P. 337 - 363).

Этапы становления и функционирования российских политических институтов, форм и способов политического поведения классов, масс, индивидов связаны с решением специфических российских задач общественного развития, которые практически не носили демократического характера и исторически осуществлялись в виде реформ и контрреформ, революций и контрреволюций, продолжая развитие внутренних и внешних политических, экономических, социальных и культурных условий существования страны.

Политический процесс, как продолжение перестройки, уже имеет свою историю, следовательно, поддается периодизации. Учитывая, что любой процесс имеет стадии начала, развертывания и завершения, а также принимая во внимание направленность российского политического процесса, заключающуюся в формировании демократически оформленного социального бытия, мы можем констатировать преддемократическую стадию российской политики (формальную демократию). Свидетельством тому является характеристика основных структурных признаков демократизации, имеющих место в настоящее время в России: произошедшие изменения в социально-политической активности населения, приобщение населения к элементам демократических свобод, в создании политических институтов, символизирующих новый облик власти, - институт президентства, институт нового парламентаризма, многопартийности, становление избирательной системы, формирующей представительную власть. Появление форм процесса не означает в настоящее время наполняемости их соответствующим демократическим содержанием (хотя следует учитывать действие закона соответствия формы содержанию и содержания форме). Демократические институты выборов, гласности не смогли взять на себя всю тяжесть демократизации, поскольку их организация осуществляется в соответствующей социокультурной среде. Это продемонстрировали выборы 1995 - 1996, 1999 - 2000 годов в Государственную Думу и президента, губернаторские выборы: предопределенность персональной кандидатуры - неизменно побеждает имеющийся или «предложенный» президент и губернатор, существующая вакханалия «черного пиара», проведенная приватизация, и т.д. Неиспользованные возможности «золотой осени» 1991 года для новой российской политической элиты, созданные после поражения ГКЧП, объясняются неподготовленностью демократических процедур, популистской торопливостью перехода. Особенности российского процесса демократизации явно обозначились в период 3 - 4 октября 1993 года: власть продемонстрировала свою недемократичность, впервые проявив, ясно обозначив свою нелегитимность.

Существенным для нынешнего этапа развития событий является решение проблем кризиса и конфликта. Рождение кризисов в обществе связано с характером и темпами происходящих изменений. Если согласиться с тем, что общество представляет собой систему - взаимодействие иерархично расположенных элементов, создающих структуру, подчиненное определенным нормам и создающее качественную определенность, то политический процесс по отношению к этой системе играет роль устроителя и определителя устойчивости системы. Динамика политического процесса, т.е., как было сказано выше, происходящие в нем изменения, вызывают определенные изменения в общественной системе. Попытка начать модернизацию экономики путем ускорения научно-технического прогресса в 80-е годы повлекла за собой политические реформы, так как стала очевидной невозможность гибкого и эффективного развития экономики в условиях существования бюрократически-административной системы управления и жесткой централизации власти. Быстрые темпы политических реформ - в предельно сжатые сроки произошел уход КПСС с политической арены, перестал существовать Советский Союз, появились принципиально новые формы политического правления - потребовали, в свою очередь, ускоренных темпов преобразования в экономической и духовной сферах. Однако, как отмечает А.А. Галкин[18], российская модернизация - дискретный процесс: торможение в нем сильнее ускорения и происходящие изменения должны совершаться в короткие сроки, что приводит к увеличению напряжения сил и усилению социальных колебаний, а следовательно, к кризисам. Торможение вызвано консервативностью сознания населения, медленно осознающего свои коренные интересы. Разнообразие и дифференциация интересов, таким образом, лишь закладывают потенциальные основания социальных конфликтов, осуществлению их способствуют внешние факторы, приводящие эти основания в движение.

Современные исследователи все более склоняются к мысли о том, что общество вполне в состоянии развиваться достаточно динамично, но без конфликтов в условиях сосуществования в нем разнородных элементов, полярных сил[19], которые при благоприятных обстоятельствах образуют единство многообразия. Конфликт вызревает

---

[18] Галкин А.А. Социальные устои общества под натиском перемен // Полития. Зима, 1999 - 2000. № 4. С. 133.

[19] Динамика культурных и социальных связей: Сб. статей / Отв. ред. С.Я. Матвеева; Ин-т философии. М.: ИФРАН, 1992. 131 с.

и осуществляется в условиях формирования социальных асимметрий, «перекосов» в развитии, разорванности в функционировании разных институтов, управляющих процессами, разновременности и разноуровневости действия и «вызревания» для действия различных социальных сил, консервативности системы, в которой не могут активно взаимодействовать классы и социальные группы, приобретать социальный и политический опыт и, тем самым, осознавать свои социальные интересы. В России процессы модернизации происходили на фоне отсутствия общенациональной идеи, национального государства и власти, ориентированной на общество, которые могли бы сыграть роль объединяющей силы. Консервативное отношение населения к реформам уже в начале 90-х годов было вызвано и слабым представлением об их смысле и содержании, и знакомством с отрицательными последствиями «шоковой терапии». Все вышеуказанные причины привели к конфликтности российского общества. Нерешенность и углубление конфликта создало кризисную ситуацию.

Развертывание гласности - первого показателя эпохи перестройки - послужило мощным фактором дискредитации социалистических ценностей, деятельности существовавших политических институтов с целью расширения социально-политической базы реформистских сил. Вторым показателем явилось создание территориальных общественных организаций, проведение выборов первых секретарей партии с участием рядовых коммунистов, что было свидетельством начала реорганизации КПСС. Для ослабления позиций консерваторов было принято решение о выборах в Советы под лозунгом начала революции - возвращения им всей полноты власти. Поддержка реформаторов в социалистических странах Восточной Европы, отказ от вмешательства в их внутренние дела привели к стремительному развалу социалистической системы. Стала очевидной неустойчивость существовавшей модели социализма, основанием которой явились партийная бюрократия и советская номенклатура.

Совершавшийся в России процесс преобразований шел сверху, от руководителей-реформаторов, выражавших интересы части правящей элиты, поддерживающей преобразования, в борьбе с другой, консервативной ее частью, и являлся, по сути, не демократизацией, а либерализацией. Балансируя между силами, обеспечивающими сохранение режима и их непримиримыми противниками, реформаторское руководство в конце концов пришло к кризису государственности, идеологии, экономики, сопровождавшемуся резким падением жизненного уровня населения. Начавшись в 1989 году, кризис разрастается и углубляется.

Немаловажную роль в этом процессе сыграл распад КПСС, что вначале лишило реформаторов опоры, а затем всю управляющую систему преемственности. Политическая конъюнктура, которая постоянно приводила реформаторов к поспешным и необоснованным решениям, возможно, более всего сказалась в этот период, когда реформы еще сохраняли капитал общественной поддержки. В этот период еще сохранялась возможность обеспечения этой преемственности и перехода к реформам на основе народной поддержки, учитывая приверженность населения к социалистическим ценностям и начавшуюся перестройку КПСС, предпринявшей попытки совмещения элементов рыночного хозяйства с плановым руководством. О том, что в условиях СССР это могло привести к положительным результатам, говорит опыт Китая.

Время, прошедшее со дня избрания нового президента, показал, что во властной части российского политического процесса не произошло осознания необходимости заключения договора с обществом: в политических решениях с 2000 года закладывается новый, более глубокий, конфликт между обществом и властью. Об этом свидетельствуют реформы жилищно-коммунального хозяйства, образования и новый трудовой кодекс. Российская политика приобретает все более асоциальный характер со стороны деятельности властных структур. Это чревато дальнейшим отчуждением населения от политики, торможением процесса создания гражданского общества.

Исторический анализ российского политического процесса показывает зависимость его динамики от циклов российской истории, социологический - от уровня экономического развития и социальной структуры, политологический - от типа и формы государственного правления и политического режима. Характерной особенностью российского политического процесса являются периоды резкой активизации власти (реформы) и населения (восстания, бунты, революции), такие же резкие периоды спада политической активности и длительные периоды «застоя».

Исследователи обнаруживают непрямую связь экономического развития общества и политического процесса: во-первых, экономические циклы имеют свойство периодичности и частота их смены ниже, чем частота смены политической власти - смена правительств может совершаться с быстротой, намного превышающей перемены в экономической сфере, длительные экономические циклы (циклы Кондратьева) могут включать в себя несколько политических циклов; во-вторых, экономические перемены могут не являться причиной политических колебаний, которые совершаются и под воздействием соци-

альных, культурных, психологических и других факторов, либо их совокупности. В то же время политическая власть в лице государства и его служащих может оказывать довольно существенное и даже решающее влияние на протекание экономических процессов. Этим фактором вызвано в истории политической мысли стремление определить роль государства в регулировании экономикой и политических партий и общественных объединений как посредников между государственным и рыночным регулированием. Российская бюрократическая управленческая элита, в переходный период увеличиваясь численно, сохранила контроль за экономическими процессами[20] и оказалась, в свою очередь, зависимой от экономических олигархов, управляющих этой элитой. Сведена к минимуму общесоциальная функция государства, которое не приобрело и правового характера. Оказались неуспешными мероприятия «шоковой терапии» в силу своей антисоциальной направленности при ослаблении государственного влияния и деморализации населения. Наконец, в настоящее время у правительства отсутствует конструктивная теория экономического развития.

Если же рассматривать не локальные периоды, а соотношение политического процесса и экономического развития, осуществляющееся в длительный промежуток времени, то определенному типу экономических отношений и связанных с ними форм собственности соответствует и определенный тип политического устройства (общественной собственности, общине соответствовал восточный тип государств с централизацией власти и развитой бюрократией, а частнособственническим отношениям - западный с развивающимся парламентаризмом и конституционализмом). Что же касается политической динамики, то экономические условия лишь в конечном счете являются ее основанием: обнаруживаемые тенденции в развитии экономических отношений предвосхищают появление нового, по отношению к предыдущему, типа власти.

Рассмотрение вопроса о российском политическом процессе в период реформ (с 1992 года по настоящее время) позволяет прийти к некоторым ***выводам.***

В развертывании политического процесса в современной России обнаруживаются следующие особенности. Он осуществляется как неравномерный, дискретный, содержит элементы механицизма, минимально конструктивен, противоречив, персонифицирован и денацио-

---

[20] Григорьев Л. К новому этапу трансформации // Вопросы экономики. 2000. № 2. С. 4.

нализирован. В нем отражены продолжающие углубляться противоречия между властью и социумом, государством и обществом. Государство в российском политическом процессе минимально выполняет функции управления, отчуждается от общества, увеличивается разрыв между государственными структурами и акторами (чиновниками) и населением, чьи интересы они должны репродуцировать в своей деятельности. В деструктурированном обществе с аморфной социальной структурой не могут сформироваться интересы, имеющие общесоциальный характер, а происходящие нарушения прав человека, увеличивающаяся общественная пассивность, политическая индифферентность населения не позволяют сформироваться осознанным индивидуальным интересам.

Главной потребностью российского общества в настоящее время является формирование гибкого и разностороннего политического процесса с государством социального типа, партиями, способствующими выявлению и реализации социальных потребностей и интересов и широким спектром общественно-политических движений, другими словами, основной направленностью российского политического процесса должно стать формирование политических институтов национально-социального и правового типа и рост гражданской активности населения, способного осознавать свои общественные интересы и отстаивать их в общественно организованной деятельности. На этапе трансформации российского общественного бытия большую роль может сыграть технологически организованная, находящаяся под общественным контролем власть, гибко использующая арсенал властных методик для мобилизации населения с целью преодоления существующего кризиса и формирования гражданского согласия для профилактики нового.

Тема 7. Осуществление политической власти в современной России

Перемещение российского политического процесса во властные сферы, усиливающаяся социальная асимметрия, в которой отсутствует передача части власти обществу, а в отношении между субъектом и объектом власти объекту отводится роль подчиняющаяся и исполнительная, неизбежно приводит к технократичности политического процесса и технизации власти.

Основу политического процесса составляет деятельность людей, организационной стороной которой выступают технологии - способы

и методы воспроизводства общественного бытия, достижения общественного результата путем обретения, углубления и закрепления поддержки со стороны широких народных масс. Если же целью деятельности является достижение частного или ближайшего результата при игнорировании общих и долговременных последствий принимаемых решений, расчет на сиюминутный и меркантильный результат, формирование иллюзорных объектов, как это происходит в России в настоящее время, то речь идет об антитехнологиях. Мы можем утверждать, что современная российская политическая власть в том смысле, в котором мы ее понимаем, не технологична, а техницизирована, так как в действиях российских политических лидеров отчетливо вырисовывается стремление не столько решать социальные задачи, сколько совершенствовать систему самосохранения и самореализации, о чем свидетельствуют, в частности, совершенствуемые год от года приемы работы со средствами массовой информации, используемые при проведении избирательных кампаний.

Властная деятельность - направленная деятельность, неравно распределенная между разными субъектами: она может быть сосредоточена в руках одного субъекта (сверхвласть), а может быть уполномоченным действием от имени группы. В первом случае власть рождает систему, а во втором - система порождает власть[21].

Заимствованное из производственной сферы понятие в своем содержании несет не только представление о наилучших способах достижения результатов в деятельности, но об изменении объекта в процессе воздействия на него извне. При этом целью воздействия может быть стремление при помощи объекта получить наилучший результат или укрепить позиции субъекта. Последнее является неотъемлемым признаком власти: действенность власти предполагает установление отношений взаимодействия субъекта и объекта: воздействия и влияния на объект, обратное воздействие объекта на власть в процессе подчинения или отправления части функций власти (легитимизация власти), а также самоутверждение власти, без чего ее социальная роль немыслима. Абсолютизация задач властного самоутверждения, выражающаяся в процессе достижения, реализации и удержания власти, превращает властное действие в техницизированный процесс. В российском политическом процессе по-прежнему преобладают манипулятивные действия властных структур.

---

[21] Технология власти: философско-политический анализ. М.: Ин-т философии РАН, 1995. С. 7.

Перерастать в техницизированное явление российской власти помогает усиливающаяся зависимость общества от властного субъекта. Основным субъектом властных технологий в России является государство, стоящее во главе политического процесса, властная деятельность которого простирается на все социально-политическое пространство. В рамках таких технологий решаются стратегические задачи достижения и удержания власти путем ее легитимизации, создания прочной и долговременной социальной поддержки. При этом государственные технологии опираются на традицию, закон, идеологию, мобилизационные, манипуляционные и правовые техники. К технологиям второго типа относится политический менеджмент - локальные технологии, осуществляемые специалистами в области политической рекламы, организации и проведения избирательных кампаний, формирования общественного мнения, мобилизации населения на какое-либо конкретное массовое действие или поддержку решений власти. В этом случае используются различные техники создания образа кандидата, политической рекламы, лозунгов, выбор каналов средств массовой коммуникации, и т.д. Характер властных технологий свидетельствует о типе государственного политического режима - способе образования представительных органов власти, роли и полномочий главы государства, места, значения, функций органов карания и насилия, функционирования партий и общественно-политических организаций, об отношении власти к оппозиции, действенности лоббирующих групп и групп давления, имеющихся в обществе свободы, и т.д.

Особое значение в действенности властных технологий имеет господствующая в обществе политическая культура, политические и общекультурные традиции. Учитывая, что каждая технологическая система имеет качественную определенность, так как создается в каждой данной среде, характеристики субъекта и объекта власти складываются в зависимости от характеристик этой среды и тех действий, которые они совершают в этой среде. Сегодня, когда условия, складывающиеся в России, по-прежнему ограничивают активное участие членов общества в делах государства, субъект власти присваивает себе наибольшие возможности властвовать, а объект в лице основной массы населения остается, по сути, подданным, пассивно воспринимающим большинство мероприятий власти. К таким условиям в настоящее время следует прежде всего отнести тяжелое социально-экономическое положение населения, массированное воздействие средств массовой информации и традиционную политическую культуру россиян.

Технология власти - это материализация возникших в обществе потребностей, норм и ценностей, которые реализуются в определенных действиях власти. В последующих темах мы более подробно рассмотрим этот вопрос, здесь же обратим внимание на тот факт, что либеральные ценности, под флагом которых происходили российские реформы, не стали теми ценностями, которые смогло осознанно принять большинство населения, так как они не вызревали в недрах общественного сознания, а были привнесены извне.

Объективно власть должна обеспечивать минимальные условия жизни граждан, их права и/или защиту. В противном случае она теряет легитимность, а общество не может нормально функционировать. Неизбежный приоритет самосохранения власти в обществе соединяется с ее ориентацией на социум, что обнаруживает регулятивные способности власти и обеспечивает относительную стабильность общества[22]. Способность власти резюмировать те потребности, которые уже сложились в обществе, формировать и институциировать общественные отношения, В.А. Подорога называет «бессознательным власти»[23].

Формируясь в рамках определенных политических режимов, технологии, в свою очередь, оказывают влияние на эффективность функционирования режима, его института и процессов, каждый из которых, используя общие технологические приемы, накапливаемые властью на всем протяжении ее исторического существования в качестве регулятора социальной жизни, корректирует их, приспосабливая к реалиям политической практики данного общества. Так, любая власть стремится к самоувековечению, к созданию привлекательного образа власти для укрепления связи граждан и государства, однако методики решения этой проблемы, создание и выбор средств, позволяющих осуществить эти задачи, зависят от возможностей власти освоить эти приемы, методы и способы и способности общества воспринять то или иное властное действие и подчиниться ему.

Конкретное сочетание методик создает определенные техноструктуры, архитектонику данной власти. Российский властный технологический процесс малодинамичен в силу постоянного стремления власти к самосохранению. В нем, в сущности, определился набор ряда приемов, касающихся в основном избирательных кампаний и под-

---

[22] Королев С.А. Бесконечное пространство: Гео- и социографические образы власти в России. С. 72-73.

[23] Подорога В.А. Бессознательное власти // Бюрократия и общество. М., 1991. С. 56.

держания имиджей политических лидеров. Тем не менее его развитие опережает экономическое и политическое: россияне знакомы, главным образом, с драматургией власти, где есть свои сценаристы, режиссеры и актеры, наблюдают ее зрелищную и эмоциональную сторону, в то время как в целом властная деятельность на уровне принятия решений остается «непрозрачной» для среднего россиянина, например в той ее части, где речь идет о причинах принятия того или иного решения. В этом отношении наиболее показательна так называемая жилищно-коммунальная реформа, в которой не определены критерии 100-процентной оплаты жилья, не обнародованы расчеты, на основании которых определяется стоимость того или иного вида услуг. Это же касается и предельно запутанной системы начисления пенсий, что создает благоприятные условия для всевозможных злоупотреблений.

Известно, что при переходе от одной системы власти к другой происходит смена структуры и функций власти. Степень этих перемен зависит от характера социально-экономических изменений общества. Эволюционный и революционный пути социального развития содержат разные формы изменения властных структур - от слома до постепенного видоизменения основных элементов, наполнения их новым содержанием. Речь идет именно об элементах властных структур: основные политические институты - государство, партии - могут сохраняться.

Функционирование системы власти, взаимодействие ее различных структур, таким образом, меняется с изменением социальных условий, в рамках которых она формируется. Применяемые ею средства, способы, приемы, методы также меняются[24]. В то же время очевидно, что стремление власти к самоорганизации и самосохранению позволило ей на протяжении всего периода ее исторического существования выработать определенный комплекс мер, вариации и сочетания которых менялись в зависимости от типа политической системы, в связи с чем создавались определенные типы технологических систем.

Как вид человеческой деятельности технология власти представляет собой систему взаимодействия целей, средств, техник, операций, мотивов действия[25]. Понятие «технологическая система», следова-

---

[24] Халипов В. Власть: система и механизмы // Деловой мир. 1995. № 22. С. 52.

[25] Атаманчук Г.В. Теория государственного управления: Курс лекций. М.: Юридическая литература, 1997. С. 15.

тельно, включает в себя обусловленные типом политической системы общества соединения и взаимодействия целей, средств, операций и техник, осуществляемые в соответствии с определенными принципами, подчиненные определенным нормам (правилам). Иерархия элементов внутри этой системы определяется задачами власти на данный момент ее функционирования. Таким образом, выделяются технологические системы монархической и республиканской форм правления, тоталитарного, авторитарного и демократического режимов, федеративного, конфедеративного и унитарного государства, элементов политической системы (партий, СМИ, политических элит, групп давления, лобби, оппозиции). Целью любой технологической системы является самоспроизводство власти на каждом историческом отрезке времени, мотивы субъектов властных техник определяются задачами, которые стоят перед властными структурами данной политической системы в данных условиях. При создании благоприятных условий властная деятельность может быть сведена к операциям и техникам по самоудержанию или достижению.

Вопрос о системах властных технологий до сих пор не ставился в отечественной литературе. Так, В.Ф. Халипов характеризует технологию власти как умение власти строить свое поведение, но не ставит вопрос о системности властных технологий[26]. Впервые о властных технологиях как системах говорит Г.В. Атаманчук, однако специфику этих систем не обозначает[27]. Эта специфика, на наш взгляд, заключается в том, что властные технологические системы выстраиваются как оптимальное сочетание властных техник и операций для воздействия на объект с целью властного самоутверждения и легитимизации власти.

Поскольку любой вид деятельности нуждается в организации, технологии можно рассматривать и как организационную сторону деятельности. Особенность всех технологий составляет материально-техническая деятельность, результатом которой является преобразование объекта. В зависимости от характера объекта, целей воздействия на него и среды, в которой осуществляется технологический процесс, различаются различные виды и системы технологий, которые в широком смысле слова являются социальными технологиями, так как осуществляются социальными по своему характеру субъектами, в различных социальных сферах и на разных уровнях социальной среды.

---

[26] Халипов В.Ф. Введение в науку о власти. М., 1996. С. 322.

[27] Атаманчук Г.В. Указ. соч. С. 15.

Формируясь в разных сферах общества - производственной, политической, культурно-идеологической, технологии могут оказывать друг на друга взаимное влияние, что, очевидно, коренится во все большей взаимозависимости составляющих современного мира - природы и общества, человека и общества, общественных сфер и т.д. - и элементов их организации, способов осуществления деятельности.

Новые технологии власти имеют материально-экономические и технические основы в виде новой системы производства, сферы труда, изменения положения человека на производстве, сформированных в эпоху НТР. Произведены новые технологии, главные принципы которых начали использоваться в социальной и политической жизни. Ю.А. Васильчук выделяет несколько базовых систем отношений, порожденных эпохой НТР, каждое из которых свидетельствует о переходе от фабрично-заводского мышления к постиндустриальному - к новому качеству труда, жизни и, следовательно, политики[28].

В наиболее развитых странах произошла перестройка работника и потребителя, выросла роль людей и науки. Все эти процессы привели к возрастанию материального благосостояния, социального развития и роста самосознания личности, вызвали к жизни новые представления о социальной справедливости. Новое расслоение трудящихся, условия труда и отдыха, мобильность рабочей силы, новые квалификации, основанные на общей и профессиональной культуре, а также ускорение темпов жизни - привели к развитию инициативы и творчества, свободы и самостоятельности людей. Эти процессы создали базу для осмысленного участия людей в политике.

На основе данных изменений в процессе властной деятельности вырабатываются, как минимум, две цели властных технологий. Одна группа технологий (назовем их технологиями осуществления) ставит перед собой задачу «делопроизводства» власти - разрабатываются методы, средства, способы достижения результата в рамах гигантских социально-экономических, материальных, технических и культурных достижений человечества. Эти технологии, несомненно, включают принципы экономичности (максимального достижения результатов минимальными средствами), действенности, коллегиальности и организованности власти.

Принцип действенности предполагает реалистичность поведения политика, сочетания в этой деятельности учета действительных усло-

---

[28] Васильчук Ю.А. Эпоха НТР: новые основы массового производства и общество // ПОЛИС. 1996. № 2.

вий, в которых протекает деятельность политика, и идеалов, а также результативности политического решения и действия.

Коллегиальность во властных отношениях связана с оптимизацией партнерства внутри властной элиты с ее низшими звеньями, массами. Приоритетное значение приобретает принцип «со-»: сотрудничества, соучастия, согласия. Особое значение этот принцип приобретает в политических условиях современного российского общества, так как российские политики в руководящих структурах всех уровней строят свою деятельность на противоположных принципах: несогласия, не-сотрудничества, не-участия. Сохраняются отношения, характерные для родо-племенных организаций: субъекты, не относящиеся к данной корпорации, учреждения, организации-недруги, явные или потенциальные. По-прежнему сохраняются отношения по принципу: те, кто не с нами, те против нас.

В то же время современное (цивилизованное) понимание конкуренции включает и конструктивное взаимодействие, в котором участвующие в процессе зависят друг от друга, каждый представляет собой элемент цепочки, обрыв которой приводит к распаду если не всей цепи, то, по крайней мере, значительной ее части. От конструктивного взаимодействия зависит конечный социальный результат (национальное благосостояние, развитие личности и т.д.). От этого же зависит и эффективность властного действия как обеспечивающего управление социальными процессами.

Социальное партнерство с массами предполагает поддержку власти, опирающуюся на демократические отношения, прежде всего - соучастие во власти населения страны. Это обеспечивает легитимность власти, прочность и перспективность общественных преобразований и стабильность общества в будущем, обеспечение социальной справедливости.

Широко понимаемая коллегиальность властных отношений предполагает создание в обществе постоянного взаимодействия, в котором каждому будет отведена соответствующая активная роль, собственная доля возможностей в принятии решений, их реализации и контроля за их реализацией, завершающим результатом которой должно стать осуществление социальных потребностей.

Поскольку технологический процесс не подчиняется правовому нормированию, возникает необходимость обеспечить его нравственным контролем или использовать возможности национальных традиций и обычаев для поддержания и использования таких способов властной деятельности, которые позволили бы ей осуществлять цели «общественного блага».

Сегодняшняя политическая власть в России конъюнктурна и признает только систему взаимных уничтожений (частые смены приближенных к власти, рокировки в аппарате власти и др.). Политическое долголетие политика определяется в большей или меньшей степени зависимости от личных связей, нежели от его компетентности. Личный и корпоративный интерес замыкает политический процесс в узкие рамки дворцовых переворотов. Сохраняющийся номенклатурный (закрытый) характер власти создает дисбаланс во взаимоотношениях субъекта и объекта власти, выражающийся, в частности, в стремлении субъекта к неограниченной свободе принятия решений.

Принцип организации власти предполагает системность политических действий, последовательность и преемственность в политической властной деятельности, а также соразмерность целей, средств и обеспечения власти.

Организованность власти достигается программированием и планированием политической деятельности с выделением как целесообразности политических решений, так и ресурсов власти. Данный технологический принцип реализуется при условии соединения науки и политического процесса, позволяющего осуществлять программирование в интересах общества, а не исключительно власти, и согласовывать их интересы.

Политическая власть несомненно представляет собой политическую и общесоциальную ценность: общество по своим знаниям, опыту, умениям, которые накопило человечество в ходе политического развития, совершенствования политических процессов и их регулирования. Это же, очевидно, будет справедливо для каждого общества на каждом отдельном этапе его исторического развития, особенно тогда, когда власть способствует общественной стабильности и общественному прогрессу. В то же время в своей технологической деятельности политическая власть нередко заявляет о себе как о главной социальной ценности. В этом случае все силы и ресурсы власти сосредоточиваются на ней самой, и уделом общества остается выносить тяжесть последствий такой позиции. Тогда начинают реализовываться такие цели, которые «уводят» власть от насущных потребностей граждан и общества. Стремительный рост научного и информационного обеспечения современных технологий создал опасность применения в социальной сфере методов, найденных в промышленности, опасность технократизации власти. Исторически это продемонстрировали тоталитарные режимы, в которых человек рассматривался как часть, «винтик» социальной машины и воспринимался только функционально.

Двадцатый век обнаружил огромные возможности социальных технологий. От уровня господствующих в обществе технологий зависят: качество товаров и услуг, способ потребления природных ресурсов, характер общественных связей, воспитание, образование, досуг[29], уровень и степень властного влияния. Политической функцией технологии становится достижение политической активности граждан в политическом процессе, гражданского согласия, реализации прав и свобод личности. Кроме нее социальные технологии выполняют и информационную, и собственно социальную, и культурные функции. Их реализация позволяет социальным технологиям выполнять социальную роль, заключающуюся в достижении высокого уровня гармонизации общественных отношений, ориентации на человека как самоцели общественного развития, согласованности и сбалансированности различных отраслей человеческой деятельности, сохранении в обществе позитивных традиций, обычаев, ценностей и норм.

В российском политическом процессе происходили изменения и во властных технологиях. Настоящее время отмечено стремлением отказаться от технологий власти тоталитарного типа и внедрить в общественную и политическую практику технологии избирательных кампаний, государственного управления, взаимодействия различных политических партий друг с другом, с обществом, с оппозицией, гуманизировать властные технологии (отказываясь, в частности, от такого вида технологических приемов, как смертная казнь, на чем настаивала, например, Г. Старовойтова на одной из дискуссий «Темы», ОРТ). При этом принципиально важным является определить суть властных технологий ушедшего режима для определения меры преемственности в действиях власти и выхода на технологические приемы демократического политического режима.

В досоветский период сформировалась технологическая система политической власти, истоки которой - в организационной работе В.И. Ленина и его соратников по созданию партии, подготовке и совершению социалистической революции: четко обозначаемые цели (программа-минимум и программа-максимум революции, планы пятилеток, программа строительства коммунизма), анализ ресурсов - экономических, социальных, культурных, идеологических. В распоряжении партийного руководства находился мощный аппарат советников, консультантов, пропагандистов и агитаторов. Уникальной организацией, разработавшей уникальную методику планирования, яв-

[29] Ракмитов А.И. Будущее России: социально-технологическая модель // Общественные науки и современность. 1996. № 2.

лялся Госплан. От населения требовалось неукоснительное соблюдение заданных правил с целью получения нужного управляющим структурам результата. Власть контролировала все подчиненное ей пространство (Дальний Восток, Сибирь, Север, Центр, южные, западные и северо-западные республики). Жесткая иерархия во властных структурах, отработанные техники и операции достижения целей мобилизовывали и стимулировали ответное поведение населения, являвшееся главным исполнителем планов партии и государства. В известном лозунге советского периода: «Планы партии - планы народа» - нашла отражение существенно важная в то время для России модель властного поведения - применение мобилизационной технологии при помощи отождествления народа с властью. Технологический прием вырастает из идеологической установки, взятой на вооружение еще либеральной теорией и запечатленной в демократических конституциях о народе как источнике власти. Однако формализация в ходе реализации этого принципа, свойственная советской власти, создание гражданского общества на Западе, отошедшего от прямого воплощения принципа народного правления, - всё в большей степени делает его манипулятивным фактором, нежели реальным действием власти.

Эффективность властного воздействия обеспечивалась опорой на традицию, на особенность российского менталитета, что позволяло власти формировать и поддерживать настроения сопричастности великим историческим свершениям. Последнее подчеркивалось прежде всего в той сфере деятельности, которая более всего была причастна к эмоционально-чувственной сфере человеческой деятельности - искусству: ленинский план монументальной пропаганды, стиль социалистического реализма, в центре которого - образ положительного героя - строителя и созидателя, расцвет таких жанров, как историческая опера и драма, роман-эпопея и др. Дискуссии 50 – 60-х годов о положительном герое в литературе, критика «безыдейного искусства», вся система образования и воспитания обнаруживали стремление власти к созданию атмосферы повышенного требования к человеку, постоянной подготовке его к напряжению и сверхнапряжению сил. Технология «гигантизма» - отличительная особенность власти в обществах, которые в короткие сроки решают проблему индустриального развития и вынуждены осуществлять масштабные мероприятия при минимуме технических и максимуме людских ресурсов. К таковым относилась и Россия.

Политический процесс в советский период был представлен функционированием политических институтов в лице КПСС и совет-

ского государства (преимущественно министерств) при неполно реализованной роли Советов. Социальная активность населения представляла собой поддержку и защиту действий власти и была массовым явлением. Несогласные представляли собой незначительную часть населения (диссиденты), около 0,03%, и, не отрицая существующей системы, выступали как правозащитники. Развивавшаяся уже к 60-м годам «кухонная демократия», немногочисленные выступления несогласных с действиями правительства (голодные бунты 30-х годов на Украине, выступления шахтеров в 60-е годы, всплески молодежных выступлений на целине) также не касались основ государственного режима и системы в целом, а касались проблем локального характера.

Следовательно, в советский период властные технологии, игравшие в политическом процессе роль фактора, закреплявшего и усиливавшего тотальное действие власти, основывались, как минимум, на двух основных принципах - сопричастности и страхе, противоречивое единство которых обеспечивало устойчивую легитимизацию власти. Попытки объяснить массовую поддержку тоталитарного режима психологией масс и лидеров, на наш взгляд, не дают возможности создать полную картину отношений, складывавшихся в этот период. Важен как исторический, так и социокультурный аспект проблемы. Выше мы показали сложность выстраивания в российском политическом процессе отношений государства и общества, власти и населения. Несмотря на колебания этих отношений, в целом население принимало державностроительные функции государства - те действия, в которых проявлялось стремление укрепить силы власти, которая ориентирована на национальные интересы. В истории страны они были связаны с решением проблем обороны и безопасности.

Начавшиеся изменения определили новое направление политического процесса - трансформации политических институтов, властной деятельности и социально-политической активности масс, которые, в свою очередь, оказывают влияние на темпы, формы и эффективность протекания современных российских процессов. Подрыв экономической системы, международных связей, разрушение среднего класса в самом начале его формирования, разрушение социальных связей, расшатывание нравственных устоев, явившиеся результатом «ельцинского этапа» власти, снова поставили вопрос и ее легитимизации. Несмотря на усиливающееся отчуждение власти от народа и его социальных потребностей, разгосударствления и персонификации власти, а, вернее, вследствие этого, российская политическая власть заново создает свой электорат. Техницизм этого процесса обусловлен

не только использованием черного PR и глубоко распространяемого политического манипулирования. Не получая признания у населения, о чем свидетельствовали рейтинги Ельцина в 1996, 1999 годах, политическая власть стремилась заручиться голосами избирателей, с каковой целью и использовались антитехнологии. Техницизм процессу придает и отсутствие у избирателей «демократического автоматизма» - привычки к выборным процедурам и соблюдению тех правил игры, возможность которых обеспечивается соответственной правовой и политической культурой и действенностью правовой системы страны.

Динамику властного действия в России, появление новой системы властной технологии и причины легитимизации власти при помощи использования антитехнологий можно объяснить, используя теоретический инструментарий теории выбора (public choice theory), сформулированной лауреатом Нобелевской премии по экономике 1896 года Джеймсом Бьюкененом (Бьюкенен Дж. Границы свободы. Между анархией и Левиафаном) и разрабатываемой Г. Таллоком, Д. Блэком, Р. Вагнером, Г. Бренаном[30]. Под институтом подразумевается взаимодействие индивидов в определенных рамках, подчиненное определенным «правилам игры»[31]. Развивая положения теории общественного договора, Дж. Бьюкенен стремится определить границы свободы в поведении людей и роль государства (проводника формализованного порядка) в обеспечении общественного равновесия. Создавая модели поведения индивидов на разных стадиях развития общества, Дж. Бьюкенен выявляет механизм распределения ресурсов и произведенных благ, в основе которого лежит индивидуальное природное неравенство людей. Рациональный человек стремится к максимизации полезности в потреблении ресурсов и на стадии естественного распределения сам определяет, сколько ресурсов он может захватить и защитить.

Появление частной собственности и усиливающееся многообразие индивидов, их интересов («вкусов и предпочтений») при расширении числа участников распределения ресурсов вызывает потребность в конституционном договоре - определении структуры прав и

---

[30] Киселева Е.А., Сафрончук М.В. Государство и общество: конституция ограничений // Коллектив авторов. Государство, экономика, общество: аспекты взаимодействия. М.: Московский общественный научный фонд; 000 «Издательский центр научных и учебных программ». 136 с. (Серия «Научные доклады», вып. 105).

[31] Норт Д. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. С. 19.

защите прав посредством выявления и наказания нарушителей договора, т.е. - деятельности государства. Платой индивида за жизнь в обществе и выбор эффективного порядка (режима) является ограничение свободы. Согласно рассмотренным Бьюкененом этапам заключения общественного договора, в российском варианте распределения ресурсов преобладает модель защищающего, а не производящего, по терминологии Бьюкенена, государства, стадия конституционного договора, на которой возрастает необходимость в государстве и государственном насилии над индивидами, нарушающими договор. Мотивами поведения индивида в данном случае является страх перед наказанием или стремление остаться в обществе, что заставляет его мириться с навязанными ему правительственными решениями. Действие фактора времени, когда отдельный человек должен подчиняться договору, принятому до него, и, кроме того, чувствует себя потенциальным объектом наказания, отчуждает его от договора.

К характеристике динамики властных технологий в российском политическом процессе можно применить мысль Бьюкенена о стадиях общественного договора, в которых необходимость государственного насилия возрастает, однако содержанием его остается правовое начало (договор между населением и властью). Российские властные технологии в этом отношении сегодня оказывают решающее влияние на политический процесс, не набирая, однако, демократического, правового содержания.

Так, технократизм власти в XX веке - общее свойство стран индустриальной эпохи, на Западе всеобщая технизация, в том числе и человека, долгое время нейтрализовалась демократизацией, правовой основой человеческого существования в обществе. Режим советского государства, начавший создавать систему всеобщего национального нормативного порядка, изначально был режимом власти, основанной на технической рациональности в нерыночной стране с массой в основном сельского населения с низким уровнем грамотности и культуры, не соответствовавшим задачам индустриализации. Поэтому насилие - основной технологический прием государства, в западных странах наполнявшийся содержанием воздействия на проступок, а не личность, в советском варианте власти наполнялся страхом перед произволом.

Переход от периода власти М.С. Горбачева к периоду Б.Н. Ельцина, наконец, формирование новой системы власти В.В. Путиным показали, что смена президентов обусловливает режим власти, новый этап развертывания отношений власти и основной массы населения и новый этап легитимизации. Однако механизм госу-

дарственного насилия наполняется тем же содержанием страха наказания и/или угрозой его. Очевидно, поэтому по-прежнему настойчиво раздаются голоса российских политиков против смертной казни, несмотря на перемещение функций насилия из рук государственной власти в руки криминальных структур.

Наряду с произволом в насилии и технократизацией власти в российском политическом процессе важным средством легитимизации остается роль мифологизации и слухов, усиливающаяся средствами массовой информации.

Период М.С. Горбачева - стремление на начальной стадии соединения «социализма с демократией», а в целом - традиции и новаторства, консерватизма и модернизации. Он сопровождался общественной поддержкой, инициируемой личностью Горбачева. Тем не менее, процессы народных движений и действий власти идут параллельно, решения, принимаемые Горбачевым по поводу событий в Тбилиси, рижского телецентра, - свидетельство тому. Действия советского президента демонстрируют противоречивые стремления соединить демократические согласительные начала и авторитарные методы правления, что наиболее отчетливо проявляется в руководстве заседаниями Верховного Совета СССР и в вышеприведенных позициях. Формирование новой власти осуществляется прежде всего в центре, провинция «запаздывает» в силу разной удаленности территории и большого территориального пространства, а также распада централизованных «технологий пространства», формировавшихся на Руси с VI века. Мероприятия В.В. Путина, касающиеся разделения России на президентские зоны влияния, - скорее сохранение старых связей с региональными отделениями ФСБ, нежели установление централизованного контроля над территорией страны или договорных контактов с региональной властью. Тенденции централизации пространства прослеживаются в настоящее время в регионах, что свидетельствует о распаде российского политического процесса на две ветви - центральную и региональную со своими способами и методами легализации власти, представлениями о ее эффективности.

Властные технологии советского периода воплощалась в пропаганде, которая накопила большой опыт и создала значительный арсенал средств воздействия на массовое сознание. Значительно в большей степени власть в России техницизируется в период либеральных реформ. В советское время главной задачей российских политических субъектов было вхождение в жестко структурированную систему власти и продвижение по номенклатурной лестнице, что совершалось в рамках установленных процедур. В постсоветский период политиче-

ское пространство, в котором могут проявляться политические технологии, значительно расширилось в силу активного функционирования избирательных кампаний и систем, появления конъюнктуры политического рынка. Резко возросла потребность в специалистах по политическому менеджменту и маркетингу. Осваивая в начале деятельности опыт западных технологов, отечественные специалисты активно разрабатывают новые политические технологии, адекватные российским условиям формирования власти, в свою очередь, оказывая довольно сильное воздействие на процесс ее формирования. Об этом свидетельствует высказывание одного из крупнейших российских «пиаровцев» Глеба Павловского в программе И. Киселева «Итоги» от 21 декабря 1999 года, после выборов в Государственную Думу, о том, что он может за три месяца «раскрутить» любого кандидата в президенты. Возросшее значение властных технологий для политической элиты можно проследить в деятельности КПРФ, эволюционизирующей в сторону социал-демократии. М. Дмитриев не без оснований замечает преобладание популизма в ее программах, что выражается, по мнению экономиста, в количественных несоответствиях ее макроэкономических параметров, в нерыночном ее характере, что, в частности, проявляется в нерыночном отношении к социальной политике, в нежелании считаться с изменениями в экономическом положении страны после августовского кризиса[32].

Однако нельзя не заметить тактический характер поведения КПРФ в предвыборных кампаниях и в работе с населением и стратегический характер ее программ, устойчиво сохраняющих идеи равенства, социальной направленности экономики, планового хозяйства. Как оппозиционная партия, подвергающаяся прямой и косвенной критике со стороны политических противников, КПРФ активно заимствует различные приемы завоевания популярности, что во многом способствовало тому, что в настоящее время это одна из крупнейших по численности партий в России. Так, сегодняшнее обращение Г. Зюганова и партии к защите православия в условиях засилья продвижения в Россию западных миссионеров и влияния восточных религий (от ислама до буддизма) является серьезной составляющей национально-патриотической идеи КПРФ.

Другой автор подчеркивает, рассматривая проблемы экономического развития России, что, создавая в своих программах экономические модели, российские политические партии, как правило, акценти-

[32] Дмитриев М. Эволюция экономических программ ведущих политических партий и блоков России // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 35, 37.

руют внимание лишь на какой-то одной стороне экономического развития в угоду политической конъюнктуре - еще одно свидетельство технологичности поведения российской политической элиты[33].

Техницизация российской политической власти определяется ее бюрократическим характером. Бюрократия, как правило, являлась тормозящим фактором российской политики, власть в России - административно-аппаратная, а не правовая, поэтому она в большей степени технократична, нежели технологична. Номенклатура (советская бюрократия) - иерархичная структура власти: каждый чиновник занимал строго отведенное место в российской иерархии, в силу занимаемой должности пользовался определенными привилегиями и бесконтрольной властью, что неминуемо приводило к злоупотреблениям. Номенклатура действовала в рамках жестких правил, правила другого порядка, но не менее жесткие, навязывались и обществу. Л.И. Семенникова подчеркивает тот факт, что советские чиновники имели в основном техническое и военное образование. Это тоже придавало политической власти техницизированный характер[34]. Этот же факт отмечает О. Крыштановская[35], специалист по вопросам формирования советской и российской политической элиты: 2/3 брежневской управленческой когорты состояло из выпускников провинциальных политехнических вузов. Большинство российской элиты вышло из советской номенклатуры, административно-советского аппарата, становление политической власти в России происходило путем перехода от партийных структур к советским, а из советских - к главам администраций. Характеризуя российскую политическую элиту периода политической трансформации, О. Крыштановская обнаруживает признаки интеллектуализации элиты, выражая надежду на то, что к власти приходит новая политическая группа молодых инициативных политиков, у которых обнаруживается и политический профессионализм, в перспективе обеспечивающий выход страны из структурного кризиса. Однако интеллектуализация российских политических лидеров «нового образца» свидетельствует не об интеллектуализации российского политического процесса, а об усилении его элитарности и техницизации - разделении интересов общества и власти и направле-

---

[33] Нуреев Р. Теории развития: кейнсианские модели становления рыночной экономики // Вопросы экономики. 2000. № 4. С. 137.

[34] Семенникова Л.И Россия в мировом сообществе цивилизаций: Учеб. пособие для вузов. М.: Интерпракс, 1994. С. 543, 545.

[35] Крыштановская О. Трансформация старой номенклатуры в новую российскую элиту // Общественные науки и современность. 1995. № 1. С. 51-65.

нии всех интеллектуальных усилий власти на свое укрепление и легитимизацию.

В целях деятельности российской бюрократии минимизировано социальное начало: российская бюрократия, в силу своей коррумпированности, более ориентирована на свои корпоративные цели, нежели на социальное целое. Техницизм российской бюрократии усиливается в «период Ельцина»: высокий уровень образованности молодых российских политиков и рационализация их деятельности придают российскому политическому процессу свойства элитарности и дегуманизируют его в своем стремлении достигать близких результатов, подменять стратегию действия тактикой. Ю. Болдырев, возглавлявший первую Кремлевскую комиссию по борьбе с коррупцией в правительстве, первым определил коррупцию как основную болезнь современного российского общества. Ориентация исключительно на конкретные цели не может быть объяснена тем, что деятельность современных российских политиков, находящихся у власти, осуществляется в обществе с децентрализируемой властью, перераспределяемой среди различных политических сил - партий, лоббирующих групп, групп давления, лидеров, ветвей власти. Период трансформации, сопровождающийся концентрацией противоречий, происходит в аморфном обществе, где новые экономические отношения не сформировались ни юридически, ни фактически, в силу этого слабо представлены классы и социальные группы, несущие структурообразующее начало, отсутствует национальная идея, способная создать единство нации и осуществить мобилизационные функции тогда, когда необходим общероссийский подъем для выхода из общероссийского кризиса. Отдельному человеку в советском обществе властью отводилась роль «винтика». Это вообще характерно для любой страны догоняющего развития (идея С.М. Соловьева) в ходе разворачивающейся индустриализации, когда общество мыслится механизмом, все части которого, в том числе и человек, должны функционировать налаженно и согласованно. Зависимость человека в тоталитарном режиме от произвола власти и в переходный период - от произвола анархии создает простор властному деспотизму и технократическому отношению к человеку.

Если рациональность поведения власти в российском политическом процессе выражается в борьбе кланов за власть и постепенной коррумпированности власти, то рациональность населения - в ценностных ориентациях и постепенном осознании своих интересов. Отсюда - усиливающееся манипулятивное воздействие средств массовой

информации, ангажированных российскими ветвями власти и олигархами, на сознание россиян.

Раздел III. Государственное управление: процессы принятия решений в условиях модернизации политического режима

Тема 8. Государственная власть и механизм ее совершенствования в современной России

Динамика российского политического процесса усиливается в обществах, где существует механизм взаимодействия между обществом и властью, в котором власть ответственна перед обществом, а общество выполняет веления власти. Когда все общество находится под контролем политической власти в лице государства, динамика политического процесса минимальна, увеличиваясь многократно в политических системах «реализованного конституционализма». Идея подобного механизма впервые была обоснована Монтенем в его «Опытах» и составляет содержание концепции общественного договора Ж.-Ж. Руссо, и по сей день составляющего основу либерализма.

Однако, несмотря на достаточную разработанность вопроса о сути и значении теории общественного договора для западной демократии и споры вокруг его содержания и приемлемости для других стран теорий, создаваемых на его основе, представляется нелишним акцентировать внимание на некоторых сторонах этой концепции. Прежде всего, в силу того влияния, которое она оказала на политологическую науку современности (многие авторы не отрицают, что эта теория - безусловно историческая научная ценность и работающая концепция). Затем, в силу того влияния, которое оказало на современную российскую науку и практику либеральная теория и идеология и тех искажений, которые допускаются по отношению к этой теории в идеологии российского политического процесса. Кроме того, в со-

временной западной политологии намечается крен в создании социальных теорий политики, в которых свое место находит и теория общественного договора. При этом надо иметь в виду принципиальную разницу социальности западной и российской политики. Следует, по всей видимости, учитывать, что политический процесс в странах Западной Европы исторически опирался на формируемые в течение нескольких столетий теоретические представления о сущности права и закона как универсальных нормах, которым подчиняется власть и гражданин, о представительности власти - как основах общественного договора. Начало этих представлений - в теоретических интенциях Аристотеля, возрожденных и развитых в теории общественного договора и связанных с ней идеях либерализма. Социальность политики опиралась на универсальность закона, отражавшего сущность права, заключавшуюся в формуле: «народ является источником права». Социальность политики в ее российском варианте заключается в традиционной легитимизации власти: народом признается та власть, которая формируется и функционирует традиционным порядком. Покушение на традицию чревато большими социальными возмущениями - бурями, революциями, смутным временем. Отсюда - и своеобразие представлений о демократии в общественном сознании как о власти народа в ее прямом выражении. Отсюда - и вторичность российского либерализма по отношению к западному. Российские либералы являлись «хроническими» западниками в силу того, что в российской политической культуре социальность определяли традиционные ценности, а не правовые, поэтому естественно, что в поиске справедливого общественного устройства российская политическая мысль обращалась к уже накопленному российской историей опыту и наиболее привлекательному образцу.

Это породило и особую форму и содержание российской государственности - монархо-авторитарную, и особое состояние власти, определяемое сочетанием ее легитимных (юридически полновластных) и нелигитимных (не имеющих юридического статуса) форм, что в периоды перехода от самодержавной формы правления к советской и от советской к демократической формирует фазы политического процесса, включающие: единовластие (самодержавие, КПСС, Президент СССР, а затем Президент РФ), становление двоевластия (отречение монарха, формирование Временного правительства, лозунг «вся власть Советам» - начало социалистической революции. (Ликвидация монополии на власть КПСС, возвращение к лозунгу «вся власть Советам» в конце 80-х годов XX века, двоевластие (Временное правительство - Советы; КПСС - Советы; Верховный Совет РСФСР -

Президент РСФСР, Государственная Дума РФ - Президент РФ), борьба за власть между двумя видами власти (90-е годы - легитимными ветвями - парламентом и президентом) и переход к новому единовластию.) По верному наблюдению И. Клямкина, сохраняющаяся традиция полновластия сочетается с логикой борьбы за власть. В новых условиях это требует соблюдения демократической формы: прежде всего для легитимизации власти, которая начиналась под демократическими лозунгами, а затем для их использования в процессе раздела и передела власти. Таким образом, формируется противоречивая двойственность российской политической власти и формирования новой государственности, когда традиция властной монополии в периоды трансформаций воспроизводит характерные фазы цикла политического процесса. «Непреодолимое двоевластие» И. Клямкин связал с деградацией российской государственности и неэффективностью российской политической системы в целом, что составляет особенность российской политической модернизации[1]. Можно утверждать, что содержание российского двоевластия в 90-е годы нелегитимно и асоциально по своему содержанию.

Возможности социализации власти были заложены в западной политической науке в теории общественного договора, разработанной в Новое время, но берущей начало еще в античной философии, в демократических идеях Платона и Аристотеля. Общество представляется в органах выборной власти, несущих тем самым ответственность за принимаемые решения перед гражданами, осуществляющими добровольный выбор, в силу чего принимающими на себя обязательства подчиняться. Поскольку между гражданами и властью стоит постепенно универсализирующийся закон, постольку обеспечивается объективная социальность власти: власть носит общественный характер, формируясь выборным способом из числа представителей общества, состоящего из граждан, власть отвечает перед выбравшими ее гражданами за принимаемые решения. Просветители подчеркивали необходимость и возможность такой ответственности в силу самой логики формирования власти. Общество через своих представителей делегирует и представляемый к реализации интерес, добровольно предоставляя им возможность выражать и реализовывать этот интерес во властных решениях. В силу добровольной передачи права на власть общество как бы обязуется выполнять все веления власти. Выбранные же таким образом субъекты, согласившиеся с необходимостью

[1] Клямкин И. Российская власть на рубеже тысячелетий // Pro et contra. Весна. 1999. С. 68 - 69, 71, 76.

реализовывать общественные интересы, ответственны перед обществом за реализацию интересов его граждан. Осуществляется этот процесс в рамках закона - универсальной нормы, по отношению к которой равны и граждане, и власть. В механизме этого договора предусмотрена свобода выбора гражданами тех, кто будет ими управлять. Представление во властных структурах самих граждан создает потенциальные возможности формирования гражданского самоуправления. Привилегии власти создаются тем, что выбор организуется из числа лучших, которые вознаграждаются в зависимости от степени эффективности деятельности (профессионализма). Чем богаче общество, тем больше у него возможности создать политическую элиту, обеспечивающую социальность государства в полном смысле этого слова.

Вместе с тем, в механизме, прорисованном теорией общественного договора, не предусмотрено, что реализация интересов общества может обернуться реализацией групповых, корпоративных интересов в ущерб общественным, а практика политического процесса продемонстрировала относительность выражения подлинно народного мнения и волеизъявления граждан. Кроме того, нельзя отрицать, как доказала практика советского государства, что возможна реализация социальных потребностей граждан и в тоталитарных режимах, которые не способны реализовать политические права граждан, но в состоянии обеспечить минимум социального благополучия своих граждан в виде бесплатного образования, охраны здоровья граждан, досуга. В целом создавались условия для воспроизводства рабочей силы и нормальной жизнедеятельности людей.

Следовательно, теория общественного договора в ее классическом варианте уже не может служить образцом для практики государственного и политического строительства, так как указывает лишь на принципы отношений между властью и обществом.

Теория общественного договора явилась своеобразной реакцией науки Нового времени на абсолютизм. Главным стремлением просветителей являлась потребность создания царства разума в противовес произвольной, иррациональной, по их мнению, монархической власти. Отсюда - замысел логически обоснованного механизма образования власти, создание своего рода логико-структурной схемы власти. Несвобода человека в абсолютистском государстве - несвобода буржуа, стремящегося к освобождению от сковывающих его пут сословных отношений для обращения капитала. Создание эффективно функционирующей власти становилось возможным благодаря увеличению общественного богатства и росту частного капитала: общество

получало возможность содержать профессиональную власть, обеспечивать повышение ее квалификации и доходов.

Анализ российской власти, действующей в современном российском политическом процессе, показывает, в какой степени возможно применение в России принципов теории общественного договора в механизме государственной власти и управления, а выявление динамики государственного управления в период российских реформ конца XX - начала XXI века позволит определить содержание и перспективы выхода из социально-экономического кризиса и развития российского общества.

Отношения, складывающиеся между российским государством и обществом, в настоящее время определяются переходной формой самого государства - от традиционного к модернизационной (либерально-демократической). Это требует определения качества трансформируемых государственных институтов, содержания их взаимодействия с институтами общественными и политическими, которые складываются в общественном организме по мере происходящих перемен, государственных функций, которые объективно необходимы в период реформ и реально осуществляемы. Принципиальное значение приобретает вопрос о роли государства в различных сферах общества - экономической, политической, социальной и культурной, характер отношений, складывающихся между экономическими, социальными, политическими и культурными институтами и государством. В ходе данного анализа конкретизируется вопрос политической динамики общества в период реформ, их направленности. Отказ от тотальной роли государства в период социалистической перестройки, популистская «демократизация» в начале 90-х годов, постепенное ослабление государства, потеря его значения в тех сферах общества, которые имеют жизненно важное значение для производства и воспроизводства социальной среды и самого человека, формирование и усиление авторитарного характера государственного правления, усложнение его взаимоотношений с общественными структурами - эти показатели государственного функционирования на современном этапе являются наглядным свидетельством того, что у российской политической элиты отсутствует четкое представление о тех социальных потребностях, которые должны актуализироваться в реформируемые периоды.

Наиболее острой на данном этапе является проблема взаимоотношения основных участников современного российского политического процесса, в котором наряду с государством и его структурами выступают основные активные силы российского политического про-

цесса - предприниматели, олигархи (бизнес-элита), директора промышленных предприятий, руководители местных органов самоуправления. Однако с учетом стратегии развития российского общества существенное значение имеют взаимоотношения, складывающиеся между государственными структурами и основной массой населения, социальная активность которого в настоящее время носит, в основном, потенциальный характер. Анализ содержания процесса государственного управления в России в переходный период к капиталистическим общественным отношениям включает выявление ряда факторов: механизма действий субъекта власти в лице государства для достижения главной цели - выхода из кризиса, стабилизации общества; определение условий, которые либо позволяют оптимально использовать потенциал государственной власти для решения этих целей, либо тормозят процесс управления, делая государственных акторов невосприимчивыми к требованиям социальной среды.

В общей динамике российского политического процесса основные этапы обозначились как вехи властных, социальных, экономических и духовных изменений. В России центральное место в них принадлежит властным трансформациям и возрастанию роли властных субъектов, являющихся инициаторами российских перемен. Институтом, сосредоточивающим основной ресурс политической власти, в котором осуществляется организация власти, оформляется деятельность власти, является российское государство.

Механизмы государственной власти и государственного управления не идентичны. Первый представляет собой реализацию воздействия субъектов власти на общество, второй - организацию социальных процессов, направленную на достижение определенных результатов. Государственное управление носит стратегический и тактический характер. Цикл стратегического управления включает: определение целей социального развития, выявление средств их достижения, анализ возможностей, содержащихся в природных, людских, научно-технических, военных, охранных, коммуникативных, информационных ресурсах общества, определение рисковых зон, степень воздействия внешних факторов, тенденций, перспектив развития общества. В целом - это выявление наиболее благоприятных возможностей и потенциальных опасностей, которые подстерегают управляемые объекты, их сильные и слабые стороны. Тактика государственного управления предполагает отбор наиболее эффективных действий по регулированию связей между субъектами и субъектов власти с социальными объектами в конкретных ситуациях управления.

Стратегическое и тактическое управление также соотносятся как общее и частное в управлении: без общего (определения основных направлений развития общества) нет частного (выявления оптимальных средств и способов управления) и без частного нет общего. Применительно к государству это означает наличие стратегии управления обществом, обладание комплексом ресурсов и способность реализовывать их в практической деятельности по организации общественного бытия. Следовательно, государство выполняет в обществе общесоциальную функцию диагноза, контроля, оценки результата и наблюдения за тенденциями развития. В условиях демократизации основная проблема, стоящая перед исследователями и практиками, - определение меры государственного воздействия и формирования оптимального механизма государственного управления. Различение направлений деятельности государства составляет, на наш взгляд, основную проблему современной политической теории и практики, вызывающую многочисленные политические спекуляции. Призывая на помощь идеологию, сторонники и противники государственного влияния упускают тот факт, что изначально государство формируется не только как аппарат угнетения, дубинка, которую правящий класс использует против трудящихся масс, но и аппарат учета и контроля социальных ресурсов и приведения их в действие в общенациональных интересах.

Государственное управление, как процесс, определяется типом политической власти (политическим режимом), государственной властью, которая осуществляется в данном обществе и определяется, в свою очередь, совокупностью условий экономического, социального и политического плана.

Выявление динамики государственного управления в России переходного периода предполагает, на наш взгляд, анализ основных «срезов» этих процессов - исторического (изучения прошлого опыта), взаимодействия государства и общества, общества и человека и социокульрутных оснований этого взаимодействия, влияния экзогенных и эндогенных факторов на происходящие изменения в этих взаимодействиях и институтах, ими порожденных, с тем чтобы определить возможные пути выхода из кризиса.

История российского государственного управления еще не написана, однако в ряде исследований сделана попытка проследить определенные закономерности отдельных этапов его развития (Азиехер и др.).

Наибольший интерес представляет недавнее прошлое российской политической и государственной власти. Здесь можно назвать

несколько причин. Во-первых, в силу негативной преемственности власти, вобравшей основные силы ушедшего режима - партийно-бюрократическую номенклатуру. Во-вторых, потери, которые понесла управленческая система страны в результате реформ, заставляют вновь обращаться к советскому опыту управления, но уже без политико-идеологической предвзятости. Государственное управление в Советском Союзе создало жесткую систему власти. Динамика процесса государственного управления в СССР была связана с попытками преодолеть монолитность системы в реформах 60-х годов, которые были прерваны в силу невозможности, как считает Г. Дерлугьян, совмещать цели развития с методами их осуществления[2].

Советский период характеризовался массовой поддержкой советского государства и партии в силу очевидности результатов их управления. Массовая активность населения, осуществлявшего индустриализацию и коллективизацию, восстанавливавшего хозяйство в послевоенный период и осуществлявшего «стройки пятилетки», не могла быть поддержана только страхом лагерей, психиатрическими лечебницами и идеологическим воздействием, если бы эти мероприятия не отвечали социальным потребностям, корнями, уходящими в толщу российской истории, - видеть свое государство и свое общество державой, мощной и великой. Идея величия общего, а не рациональности индивидуального - отличительная черта российского общественного сознания.

Парадигмой российской политологии является рассмотрение современного российского общества как переходного, а общественных отношений как модернизирующихся. Модернизация в целом предполагает, как показывает опыт северо-западной Европы и США, переход от феодальных методов управления, основанных на традиционализме, к новым управленческим технологиям, основанным на индивидуализме, светском образовании, на базе функционирования среднего класса, либерализации и плюрализме общественных отношений[3]. Модернизация политики рассматривается как рационализация власти, которая выражается в демократизации процессов прихода и осуществления власти, при которых государство превращается по отношению к обществу в социального партнера[4]. Данные определения

---

[2] Дерлугьян Г. Крушение советской системы и его потенциальные следствия: банкротство, сегментация, вырождение // ПОЛИС. 2000. № 3. С. 18.

[3] Василенко И.А. Политические процессы на рубеже культур. М.: Эдиториал УРСС, 1998. С. 4.

[4] Хорос В.Г. Модернизация как общемировой процесс // Политическая наука в России: интеллектуальный поиск и реальность: Хрестоматия / Отв. ред.-

требуют, в частности, ответа на вопрос: имеются ли в современной России потребности и предпосылки модернизации государственного управления, сможет ли этот процесс приобрести социализированный характер или общество еще длительное время будет заложником частных интересов российской политической элиты.

Поскольку процессы российской трансформации формальны[5] и не завершены, а следовательно, не завершен процесс становления новых политических институтов - государственное управление на современном этапе достаточно сложно поддается анализу.

Российская государственная власть на протяжении десяти лет постсоветского развития претерпела глубокие изменения в структуре, организации управления, связи с другими элементами российской политической системы, с обществом. Это вызвало дискуссию в научной литературе о роли государства в социально-экономических преобразованиях и его месте в политическом процессе - дискуссию, в которой с новой силой выявилась необходимость определить упорядочивающие начала российского общественного бытия. Либерализация российского научного сознания шла в направлении свертывания роли государства. Однако своеобразным итогом десятилетней дискуссии и девятисотлетнего существования российского государства явилось осознание его значимости в российской истории, обществе и политической практике. Становится все более очевидной потребность в переводе проблемы с идеологических позиций на социологические и политологические - выявлении сущности государства как института политической власти и социального регулятора. Тем более что и в мировой практике не отмечается снижения роли государства, что подчеркивают исследователи политической науки эпохи глобализации. Так, Теодор Лоуи пишет, что, вопреки надеждам радикальных социалистов, анархистов и сторонников laisser-faire, нет никаких признаков угасания государства, так же, несмотря на модернизации государств, сохраняются и их традиционные функции[6]**.** Называя формы деятельности государства, которые должны предшествовать рыночной экономике, он указывает в их числе: обеспечение закона и порядка, гарантии для собственности, надзор за соблюдением контрактов, создание условий для обеспечения обмена, создание возможности

сост. А.Д. Воскресенский. М.: Московский общественный научный фонд; ООО «Издательский центр научных и учебных программ», 2000. С. 320 - 335.

[5] Замятина Н.Ю. Модели политического пространства / ПОЛИС. 1999. № 4. С. 39.

[6] Лоуи Т. Глобализация, государство, демократия: образ новой политической науки // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 112 - 113.

для перехода государственной собственности в частные руки, обеспечение избыточного общественного капитала, создание условий для удовлетворения потребности в рабочих местах - меры, обеспечивающие ответственность и компенсацию за имущественный ущерб, направленные на снижение риска в обществе[7].

Таким образом, государству отводится роль органа, обеспечивающего правовую составляющую реформ и создающего условия их эффективного осуществления. Эта позиция, характерная для ученого, чьи взгляды сформировались в среде с устойчивой политикой и экономикой, и в которых преобладает уважение к законодательной деятельности государства как приоритетному фактору управления в трансформационный период, достойна всяческого уважения. Вместе с тем, нельзя не учитывать, на наш взгляд, следующего. Россия в переходный период представляет собой социальную систему, специфика связей в которой определяется действием нескольких факторов. Прежде всего - это объективно действующие в каждой социальной системе традиционно устойчивые связи, которые подвергаются воздействию эволюционных факторов. Как уже неоднократно отмечалось, сама система при этом стремится к самосохранению, которое может осуществиться путем самоорганизации. Традиционно постоянное выполнение каждым элементом системы своих функций регламентирует ее содержание и позволяет сохраняться ей как устойчивой системе, действие эволюционных факторов приводит систему в дестабилизированное состояние. Баланс стабилизирующих и дестабилизирующих факторов достигается деятельностью социального субъекта, осознающего свои цели как цели общественные, что превращает его деятельность в деятельность структурообразующую. В то же время любая общественная система - это совокупность огромного числа объектов, действующих вместе, имеет множество решений, которые могут служить множеству целей, а поведение одного или нескольких элементов воздействует на поведение других элементов[8].

Легко представить, насколько усложняется подобное взаимодействие в условиях, когда на традиционно устойчивые взаимодействия элементов системы накладывается новые взаимодействия, образующиеся появлением новых институтов и формированием новых функций этих институтов. Отличительной особенностью эпохи перемен

---

[7] Лоуи Т. Указ. соч.

[8] Акатова Е.Ю. Политическое прогнозирование как фактор повышения эффективности социального управления / Дис. ... социол. наук. Ярославль, 1998. С. 24.

является значительный фактор неопределенности в функционировании системы и ее элементов. Результатом действия этой неопределенности становится появление так называемых «мерцающих» элементов - недолговременных институтов и явлений, которые, однако, могут оказывать достаточно сильное влияние на функционирование системы в трансформационные периоды. Такими элементами, которые приобретают статус структурообразующих, в России в настоящее время являются российские олигархи и криминальные элементы российской экономики и политики. Выполняя не свойственные им функции политического и социального управления, эти группы российского общества, лишенные общественных интересов, вносят дестабилизирующее начало в российскую социальную систему, способствуя углублению социального кризиса. Это придает их положению в обществе неустойчивый и временный характер. Такой же характер имеет и осуществляемое ими управление. Поскольку сложность системы связана не столько с ее структурными характеристиками, сколько с поведением системы, из этого следует необходимость учета взаимозависимости тех изменений, которые происходят в общественном сознании и поведении, а также используемых ресурсах и технологиях[9].

Множественность взаимодействий предполагает и вариативность принимаемых решений. В условиях дестабилизации системы такая множественность не может отличаться симметричностью и устойчивостью, следовательно, может приводить только к дальнейшему углублению неустойчивости системы. До тех пор, пока новые институты и формы сознания и поведения людей будут приходить в соответствие в потребностями модернизующейся системы, возникает необходимость в централизованном политическом управлении, которое должно сочетаться с различными формами экономического, социального и культурного управления в организациях и на местах. Задача этого периода - приведение в соответствие различных форм управления. Следовательно, основной проблемой является не просто формирование правовой системы, соответствующей переходному периоду и подготавливающей этап дальнейших преобразований, сколько конкретизация в этой системе основных взаимодействий, складывающихся в ходе этих преобразований. Следовательно, правовая система переходного периода не может соответствовать такой, которая устанавливается в правовом государстве, и может носить только переходный характер. Такой же переходный характер может только иметь и формирующаяся государственность. Государственное управление пе-

[9] Акатова Е.Ю. Указ. соч. С 23.

реходного периода может выступать как форма государственной власти, устанавливающей не паритетные отношения с обществом и его элементами, а иерархичные, в которых участвует профессиональный слой управленцев, приобретающих соответствующий статус государственных служащих. Роль этих служащих в обществе должна быть приоритетной как осуществляющих профессиональное и эффективное управление. Усиление статуса государственных служащих должно происходить при ослаблении роли криминальных управленческих элементов, а затем и исключении их из общественного управления. Достичь этого можно при сохранении государством его функции организованного насилия, направленной на криминальные группы и лидеров.

Обнародовав точку зрения правительства на роль государства на новом этапе российской трансформации, Е. Строев не исключает необходимости расширения государственного присутствия в экономике, что, по всей видимости, указывает на новый этап российской политической динамики. Он же подчеркнул и важность эффективной долгосрочной государственной политики (стратегии) и краткосрочных действий (тактики)[10].

Российское государство утратило механизм управления, основанный на планировании, использовании мощного идеологического арсенала, системы обороны и безопасности. Уход государства из сферы культуры привело к расколу духовной жизни общества - отказ от коммунистических ценностей и советского политического устройства сопровождался деформацией нравственных принципов в сознании россиян, медленным, но неуклонным разрушением значимости традиционно важных для российского общества ориентаций на образованность, взаимную поддержку, доброту, доверие, происходил отказ от ценностей любви, брака, семьи. Иначе говоря, общество, потерявшее государственные «скрепы», оказалось перед угрозой распада, в свою очередь государство, лишившись мощного рычага управления в лице КПСС и традиционных механизмов власти, не смогло приобрести прочную опору в лице общества.

Утратив партию, выполнявшую функции государства, российская государственность должна была наполниться новым содержанием. Прежде всего это относится к появлению нового механизма управления, основными принципами которого становятся гарантии сотрудничества и компромисса, защиты и обороны в проведении

[10] Строев Е. О новых ориентирах экономической политики // Вопросы экономики. 1998. № 5. С. 6.

внутренней и внешней политики. Россия входит в мировое разделение труда в качестве страны с сырьевой экономикой, особенно подверженной колебаниям мировой конъюнктуры, что придает обществу неустойчивый характер; формирование новой социальной структуры российского общества и участие Запада в процессе российской модернизации с самого начала таило угрозу социально-экономического кризиса и международной зависимости. Конфликт между Азербайджаном и Арменией, события в Тбилиси и Латвии в первые годы перестройки явились аналогами начинающегося сепаратизма и появления нового противостояния - между советскими республиками. Разрушение СССР и трудный путь российского федерализма - свидетельство того, что формирование новой государственности сопровождалось разрушением пространства государственной власти, распадом территории, что повлекло перераспределение населения в бывших республиках, поток мигрантов и территориальные споры, угрозу дальнейшего разрушения территориальной целостности России, которую несут стремящиеся к суверенитету субъекты Федерации: Татарстан, Башкортостан, Республика Марий Эл, Ханты-Мансийский и Ямало-Ненецкий национальные округа, республика Саха (Якутия).

Ликвидация Госплана дала простор развитию локальных форм управления экономическими структурами. Образовались крупнейшие монополии и экономическая олигархия, которые вступают в отношения со слабеющим государством, эксплуатируя и подчиняя его себе, с одной стороны, и лоббирующие свои интересы - с другой. В то же время, как отмечает С.П. Перегудов, отношения между государством и олигархами носят нестабильный и фрагментарный характер. Это создается и характером самой олигархической группы, и тем, что между государством и олигархической корпорацией идет борьба за власть, и тем, что ресурсы, которые вырабатываются олигархами, потребляются самими олигархами. Трастовые договоры - доверительное управление пакетами акций, находящимися в собственности государства, приносят казне 0,5% прибыли в год. Бизнес-группы активно проводят политику завладения государственным имуществом и средствами, причем эти действия официально санкционируются самим государством. Государство, чей властный ресурс не распространяется на элиту, не может направить на благо общества часть дохода, получаемого монопольными компаниями типа «Газпром», а следователь-

но, реализовать свою общенациональную, общесоциальную функцию[11].

С 1993 по 1995 год в России происходил процесс формирования политической элиты, которая должна была гарантировать стабильное развитие страны через демократический процесс выборов, обеспечивающий, по мнению либерально настроенных представителей российской политической власти, устойчивый диалог между элитой и обществом. Однако, отмечает В.В. Лапкин, произошла лишь консолидация политической и экономической элит, которая противопоставила себя массовым слоям населения[12]. В силу последнего, а также дезинтеграционных процессов в «партии власти» это взаимодействие российских элитных групп приобрело нелегитимный характер, результатом которого явились кризисы власти в период 1995 – 1999 годов. А.С. Панарин отмечает: главная слабость российских реформ заключается в том, что их отличает односторонняя экспансия «верхов» и закабаление «низов»[13].

Демократия предполагает общественный договор между властными элитами о соблюдения правил игры, которая и позволяет обществу сохранять устойчивость, так как проигравшим обеспечиваются гарантии, а общество не сотрясается беспредельными битвами за власть. В таком случае обнаруживается связь между господствующим в стране политическим режимом и государственным управлением на уровне осуществления государством общесоциальной функции: в процессе управления первостепенное значение в условиях перехода имеет процесс организации и консолидации правящей элиты, взаимодействия элиты и общества.

Рационализация политического процесса включает на данном этапе организацию, структурирование власти, выявление ресурсов для обеспечения ясно осознаваемых субъектами власти целей, способности власти использовать эти ресурсы, а общества - выстраивать свои отношения с системой власти в лице государства. Находясь в положении «управляемых», общественные группы должны получать возможность выражения своих интересов, а государство - контролировать совместимость этих интересов по отношению их друг к другу и обществу, осуществлять социальную интеграцию. По справедливо-

---

[11] Перегудов С.П. Новый российский корпоративизм: от бюрократического к олигархическому? // ПОЛИС. 1998. № 4. С. 115, 116.

[12] Лапкин В.В. В поисках России политической // ПОЛИС. 1998. № 6. С. 172.

[13] Панарин А.С. Реванш истории: российская стратегическая инициатива в XXI веке. М.: Изд-во корпорации «Логос», 1998. С. 58.

му утверждению М.Н. Афанасьева, это предполагает интеграцию, идентификацию и коммуникацию самого государства[14].

Нигилизм по отношению к значащим периодам и элементам управления советского времени, сыгравшим свою положительную роль в решении широкомасштабных задач выживания и укрепления государственности, недооценке этого опыта чревата потерей национальных приоритетов. Как известно, идея Госплана, откорректированная применительно к реалиям противоположной системы Леонтьевым, как новация применяется в американской производственной системе. Из отрицания советского опыта логично вытекает признание обрыва в постепенности российской истории, образования некоего вакуума, времени, когда «ничего не происходит». В таком случае преемственность должна создаваться связями с дореволюционной историей России. Однако ускорение темпов развития, характерное для XX века, не обошло Россию советского периода, следовательно, искать новации в прошлом, в конце XIX - начале XX века, какими бы успешными шагами в формировании капиталистических отношений оно ни ознаменовалось, значило бы неминуемое возвращение на исходные позиции. В сложно взаимодействующем современном мире это означает и отрицание заимствованного опыта, и возможности его положительного влияния на внутренние российские процессы.

Еще менее успешной, на наш взгляд, является попытка искать причины российских кризисов в особенностях российского сознания[15]. Не отрицая значимости психологического фактора, мы тем не менее не можем согласиться с признанием его определяющей роли в возникновении российского кризиса, хотя можем согласиться с тем, что в его развертывании и углублении установки, мнения, оценки людей могут сыграть свою роль. Общая содержательность социальной динамики определяется комплексом факторов, в которых немаловажное место отводится и таким, как географическое положение, климатические условия, сыгравшие свою существенную роль в истоках российской государственности и проявляющиеся при возникновении соответствующих условий. Это убедительно продемонстрировал энергетический кризис зимы 2000/01 года, когда, брошенные на произвол судьбы, а точнее - управления Газпрома, районы Приморья и

---

[14] Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность: Исследование клиентарных отношений, их роли в эволюции и упадке прошлых форм российской государственносоти, их влияния на политические институты и деятельность властвующих групп в современной России. 2-е изд., доп. М.: Московский общественный научный фонд, 2000. Серия «Монографии». Вып. 9. С. 6.

[15] Атаманчук Г.В. Указ. соч. С. 9.

Крайнего Севера оказались на грани замерзания. Это активизировало деятельность ряда правительственных комиссий, подключило к решению проблемы Министерство по чрезвычайным ситуациям. В феврале 2001 года появилась серия заявлений правительства и президента относительно дифференциации оплаты жилья для разных групп населения к 2003 году, о социально-демографической ситуации в стране и необходимости принимать государственные меры для балансирования процессов рождаемости и смертности: увеличения рождаемости и сокращения смертности населения.

Рассматривая российское государство в качестве субъекта власти («управляющих»), а общество - объекта власти («управляемых»), М.Н. Афанасьев характеризует отношения между ними как отношения патроната и клиентелы, оспоривая, как он утверждает, «миф» о стремлении россиян сохранять традиционные отношения, сосредоточивающиеся в понятии «государственный порядок»: «Социологические опросы и результаты выборов показывают, что россияне постепенно привыкают и довольно быстро обучаются действовать в новой институциональной среде»[16]. Однако и это утверждение, на наш взгляд, нуждается в корректировке. Между действием и его осмыслением, как известно, может существовать несоответствие: если по результатам опросов россиян принимается новый тип власти, появление новых институтов власти и социально-экономических отношений, то далеко не все россияне выступают в новых видах деятельности. В 1994 году, как показали социологические опросы, 24% россиян желали начать собственное дело, и только 4% предприняли реальные шаги к осуществлению этого желания[17]. Как отмечают исследователи, «новые участники» социально-экономического процесса, социальные группы нетрадиционного для России типа (деловые люди, или, согласно политологическому сленгу, – «бизнес-элита») в процессе своей деятельности вынуждены участвовать в господствующих в обществе традиционных отношениях - явление, отмеченное в нашей литературе А.Ю. Эудиным[18].

Подобное состояние общества и социальных групп приводит к раздвоению сознания как «верхов», так и «низов» общества. Формируется «традиционная нетрадиционность» элиты и «нетрадиционная традиционность» «низов». Действия социальных групп в новой среде

---

[16] Атаманчук Г.В. Указ. соч. С. 7.

[17] Косова Л.Б., Кларк Г. Субъективные оценки благополучия и поддержка реформ // СОЦИС. 1998. № 5. С. 48.

[18] ПОЛИС. 1998. № 4. С. 122.

довольно быстро приобретают криминальный или асоциальный характер. В.Б. Пастухов пишет по этому поводу: «При ближайшем рассмотрении выясняется ... что так называемые институты гражданского общества являются превращенной формой института власти», благодаря чему российская политическая власть остается единственным реальным политическим игроком на политическом поле[19].

Отношения, складывающиеся между российским государством и обществом, в настоящее время представляют собой переходную форму от традиционных к модернизирующимся.

В вертикальных связях, которые в России преобладают над горизонтальными, приоритетное положение принадлежит государству. Однако причиной этому является не тот факт, что государство выражает общенациональные интересы, а тот, что государственная власть по-прежнему обладает значительными ресурсами самосохранения, в то время как механизм государственного управления ослабевает, что проявляется в рассогласовании деятельности Центра и регионов, усилении устремленности субъектов Федерации к суверенизации; усилении роли региональных элит. Администрирование в решении проблем по мере удаленности от Центра теряет свое значение, так как государство теряет свою власть над территорией. Наибольшим потенциалом влияния обладают администрация, бизнес-элита и директорский корпус.

В правящих региональных группах растет влияние финансово-промышленных кругов, почти во всех региональных законодательных собраниях фигурируют руководители акционерных обществ, унитарных предприятий, банков и т.д. На выборах побеждают новые предприниматели. В период президентского правления Б.Н. Ельцина главы государственной власти в большинстве субъектов Федерации назначались Президентом РФ. В настоящее время главы государственной власти на местах выбираются, что существенно усиливает возможность влияния на власть людей с капиталами. Наименее представлены в депутатском корпусе формирующееся гражданское общество, общественные и профессиональные организации, институты образования, науки, культуры, средства информации. Последнее время депутатами чаще становятся главврачи районных, городских и областных больниц. Преобладание олигархов и представителей руководящих структур в органах законодательной власти на местах - свидетельство усиливающейся децентрализации и ослабления государст-

[19] Пастухов В.Б. Власть и общество на поле выборов, или Игры с нулевой суммой // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 6 - 17.

венного влияния на регионы. Причины этого - материальная и правовая необеспеченность граждан, продолжающаяся скупка голосов на выборах, отсутствие федерального закона об основах организации государственной власти в субъектах РФ, в результате чего олигархи получают возможность активизировать законодательную, контролирующую и распорядительную деятельность.

Прослеживая формы отношений государственной власти и бизнеса, складывающиеся в России в 90-е годы, М.Н. Афанасьев выделил три циклические модели:

1990 - 1991 годы - неформальное сотрудничество;

1992 – 1994 - стратегия сдерживания;

1995 год - частичное ослабление сдерживания и перевод взаимоотношений в стадию сращивания[20].

На нынешнем этапе эти отношения можно определить как попытки установления консенсуса и сотрудничества. Однако в целом отношения между государством и социальными группами носят нестабильный и фрагментарный характер. Последнее, как отмечает С.П. Перегудов, создается характером самой социальной (у автора - олигархической) группы, борьбой за власть, которая ведется между государством и влиятельными социальными группами, отчего значительные ресурсы, вырабатываемые этими группами, используются только олигархами. Государство, чей властный ресурс не распространяется на элиту, не может реализовать свою общенациональную функцию, направляя на благо общества части дохода, получаемого монопольными кампаниями типа «Газпром» (трастовые договоры - доверительное управление пакетами акций, находящимися в собственности государства, - приносят казне всего 0,5% прибыли в год), модернизированными производствами, банками. Более того, бизнес-группы активно проводят политику овладения государственным имуществом и средствами (чубайсовская приватизация), причем эти процессы официально санкционированы самим государством[21]. Обзор мнений ведущих российских специалистов по проблемам согласования интересов и государственной политики России, представленных на заседании секции «Модели согласования социальных интересов и государственная политика России», проведенном в рамках V Международного симпозиума «Куда идет Россия? Трансформация социальной сферы и социальная политика» (1998 г.), опубликованный в журнале «ПОЛИС», показал, что в стране отсутствует ограничение

[20] Афанасьев М.Н. Указ. соч. С. 122.

[21] Перегудов С.П. Указ. соч. С. 115-116.

реализации частных и корпоративных интересов. Политическая власть и экономическое могущество сосредоточены в одних руках. Ослаблен или отсутствует общественный контроль за принятием политических решений, и устанавливается собственный контроль исполнительной власти. Не хозяйственники, а хозяева управляют Россией. Публичную власть приватизировали, по утверждению М.Н. Афанасьева, частные клиентелы и финансово-политические группировки, что позволило закрепить бюрократический, монополистический характер российской экономики и не дает возможности создавать профессиональный региональный депутатский корпус. Выход автор видит в разделении бизнеса и государственной власти в Центре и регионах, ускорении принятия законов об основах государственной власти в субъектах Федерации, закреплении профессионального характера работы представителей[22]. Однако эти меры не будут носить эффективного характера, если не будет осуществлено разделение функций в масштабах всего государства и его структур, создание общественного контроля за легислатурами. Последнее может быть реализовано путем принятия законов, обеспечивающих ответственность депутатов перед избирателями вплоть до отзыва депутатов.

Как указывают В.В. Лапкин и В.И. Пантин, в процессе перехода простых систем к сложным, динамическим политическим системам нарастают циркулирующие потоки власти. «Критическое условие такого перехода - готовность коллективности и ее членов принять новые связывающие обязательства помимо тех, что уже в силе»[23]. Стремлением усиления власти в настоящее время отличаются региональные политические элиты. Поэтому Н.Ю. Замятина замечает, что роль Федерального Собрания должна состоять не в представительстве регионов в Центре, а в корректировке межсубъектных противоречий, вызываемых перераспределением власти[24].

Функционирующая сторона государства проявляется в политическом режиме, основная цель которого - стабилизация существующей политической системы и созданных в ее рамках политических отношений. Политический режим заинтересован не в формировании или реализации социальных интересов, а в том, чтобы, применяя различные методы управления, опереться на уже сложившиеся интере-

---

[22] Афанасьев М.Н. Формирование представительных собраний правящих региональных групп // ПОЛИС. 1998. № 4. С. 116 - 119.

[23] Лапкин В.В., Пантин В.И. Геополитическая политика: предмет и понятия (к постановке проблемы) // ПОЛИС. 1999. № 4. С. 45.

[24] Замятина Н.Ю. Модели политического пространства // ПОЛИС. 1999. № 4. С. 39.

сы[25]. При этом политический режим представляет собой способ и метод организации власти в стране с целью самосохранения власти и стабилизации социума. Любой политический режим опирается на сложившуюся в обществе систему ценностей и интересов, которые он в той или иной мере активно использует для осуществления вышеозначенных целей. Поскольку политический режим - это осуществляемое политической властью укрепление или ослабление существующих социальных отношений, он смыкается с политическим управлением. Политическое управление представляет собой направленный процесс организации политической системы, обеспечение упорядоченности и координации взаимодействия ее элементов друг с другом и социальной средой. Государственное управление представляет собой ту часть политического управления, которое ориентировано на общество как целое, осуществляя в нем деятельность, которая позволяет функционировать всем элементам социальной системы. Этот процесс, в свою очередь, зависит от совокупности властных структур, позволяющих государству реализовывать свои функции в рамках данного конституционного устройства.

Решая проблемы макросоциального плана, политический режим раскрывает динамический аспект политической системы. В том, что в политическом режиме отражаются интересы и ценности данной социальной среды, которыми он руководствуется и которые, в свою очередь, с большей или меньшей степенью активности формирует.

Формировавшиеся в России особенности правления существенно отличаются от тех демократических форм, которые сложились в европейских странах развитой демократии. Это в настоящее время создает проблемы поиска нового механизма государственного управления. Проблемы эти носят на себе отпечаток как далекого, так и недавнего исторического прошлого.

Подводя итоги сказанному, можно подчеркнуть следующее. Выстраивание прогнозирующих моделей государственного управления в своих принципиальных основаниях предполагает:

- определение теоретической базы исследования существующего состояния;

[25] Цыганков А. Современные политические режимы: структура, типология, динамика. М.: Интрепракс, 1995. Гл. 4; Харитонова О. Генезис демократии (Попытка реконструкции логики транзитологических моделей) // ПОЛИС. 1996. № 5.

- анализ существующего состояния: выявление наличных природных, материальных, духовных, людских ресурсов, технической базы, кадрового потенциала, построение стратегии и тактики действий;

- перечень исторических факторов и анализ соотношения прошлого и настоящего, учет господствующих теоретических представлений о будущем;

- определение иерархии ресурсов в процессе решения проблем и выявление приоритетов, основного звена в принятии решений;

- учет факторов внешнего влияния и меры этого влияния по отношению к действию внутренних факторов; и в связи с этим -

- изучение соотношения объективных и субъективных факторов в государственном управлении.

Модель государственного управления этапа перестройки 1986 – 1990 годов имела черты социалистической с сохранением существовавших структур управления, в основном - кадрового потенциала (номенклатуры). Анализ существующего состояния был проделан группой, созданной по указанию Ю.В. Андропова, в которую входили М.С. Горбачев и ведущие специалисты в области народного хозяйства.

В 1988 году на XIX Всесоюзной партийной конференции определились два варианта реформ - движение к рынку и сохранение плановой социалистической экономики с существующей политической системой. Второй вариант предполагал либо ужесточение централизации (сталинский вариант), либо предоставление некоторой свободы предпринимательства (косыгинский вариант 1965 года).

Свои варианты содержало и первое предложение: создание «чистого» рынка, регулируемого рынка, непоследовательного рынка.

Известно, что политические события конца 80-х - нач. 90-х годов привели к победе варианта «чистого», открытого, неконтролируемого рынка, инициатором которого был Б.Н. Ельцин, а теоретиком - Е.Т. Гайдар, обосновавший свою концепцию «чистого рыночника» в работе «Государство и эволюция».

Характерно, что утопизм этих представлений отмечался еще в начале 90-х годов, когда наиболее дальновидные социологи и экономисты предостерегали от принятия решений, не учитывающих действия совокупных факторов - исторического, геополитического, социокультурного, психологического. Глубокие изменения, происходящие в социальном положении людей, социальных групп и регионов, идеологический плюрализм перестройки, сопровождавшийся политическим и теоретическим плюрализмом, разъединил российских иссле-

дователей. В отечественной науке стали формироваться противоречивые оценки складывающейся ситуации, расходящиеся не только с официальными оценками, но и друг с другом. Встала насущная проблема определения критериев оценки ситуации общественно-политическими силами и государственными институтами, преодоления субъективизма. Формирующееся разнообразие социальных интересов и связанное с ним многообразие появляющихся новых общественно-политических движений страны, лоббирующих групп и влияющих на поведение политических лидеров, граждан, социальных групп, в том числе и национально-этнических.

В теоретическом анализе роль государственного управления стала определяться с учетом совокупности действующих факторов. Десятилетняя практика реформ выявила ряд негативных сторон создающей модели государственного управления:

- стремление политических лидеров пользоваться готовыми моделями, заимствованными из арсеналов западной науки и практики;

- исключение из совокупности факторов, подлежащих учету, исторических, социальных, социокультурных, социально-психологических;

- снижение уровня научного подхода, замена его конъюнктурными соображениями политических лидеров и сформировавшихся вокруг них научно-исследовательских объединений, что существенно затрудняет выявление степени субъективности проводимых исследований;

- криминализация управления в условиях закончившегося раздела собственности между российскими олигархами и начинающегося передела собственности между старыми и «новыми» собственниками;

- отсутствие длительное время внятных программ экономического и социального развития страны, полное исключение основной массы населения из обсуждения перспектив развития, отсутствие информации не только у населения, но и у специалистов о планах президента и правительства, нереалистичное представление о возможностях экономического развития страны у основных политических партий;

- зависимость принимаемых управленческих решений от международных финансовых организаций, в частности МВФ;

- несогласованность стратегических и тактических действий в процессе управления;

- действие в период реформ по принципу «движение - все, конечная цель – ничто», ориентация на решение частных проблем в ущерб общим.

Тема 9. Проблемы создания новой российской государственности

Изучение динамики политических и социальных процессов в России предполагает анализ становления правового государства и гражданского общества - политико-правовой аспект социальной трансформации в России. Теоретический уровень изучения проблемы предполагает анализ понятий «социальное право», «социальное государство», «социальная политика», а также факторов, оказывающих влияние на изменения в социальной политике, ее правовое обеспечение и реализацию прав человека в реформируемой России.

Государство в целом создает условия выживания и непрерывного развития общества. Социальное государство в рамках социальной политики осуществляет политико-правовое регулирование социальных отношений и взаимодействие общества и природы.

Социальную политику можно рассматривать как совокупность политико-правовых действий государства, цель которых - выживание, сохранение и воспроизводство народонаселения, удовлетворение основных социальных потребностей населения и предотвращение социальных конфликтов. Основная функция государства в этом процессе - антропоцентрическая, что означает концентрацию внимания на человеке, его выживании и жизнеобеспеченности в мире, где господствуют перенаселение, экономические, демографические и другие проблемы, как рожденные естественными процессами, так и являющиеся результатами развития индустриального и постиндустриального обществ. Еще в конце прошлого века Мальтус вывел прямо пропорциональную зависимость роста рождаемости и сокращения природных ресурсов, ведущих к нарушению баланса и, в конечном счете, к планетарной катастрофе. Кризисы эволюции, однако, как показали современные исследования, вызваны действием более сложного закона техно-гуманитарного равновесия - внутреннего баланса технократической и гуманитарной культур. Угроза глобального самоистребления снижается при создании щадящих внутреннее разнообразие общества технологий производства, совершенствования культуры, права, т.е. - в росте творческого фактора развития[26]. Для российской теории и практики важным является ряд обстоятельств. Во-первых, статичный и динамичный аспект социальной ситуации; во-вторых, изучение рос-

[26] Назаретян А.П. Демографическая утопия «устойчивого развития» // СОЦИС. 1996. № 2. С. 150 - 151.

сийской социальной трансформации в ряду глобальных движений мировой цивилизации; в-третьих, выявление собственных причин и направленности динамики социальной структуры; и, наконец, разработка основных параметров эффективной государственной социальной политики, ее правового обеспечения и гуманитарных целей.

Эта работа требует междисциплинарного подхода - усилий со стороны историков, философов, культурологов, социологов, политологов, антропологов, психологов и т.д. для формирования комплексного представления о современном российском обществе и путях его развития.

Мы же останавливаем внимание на одном из аспектов проблемы - социально-правовом. Это требует включения в анализ наряду с категориями «социальное государство» и «социальное право» понятий «социальность государства» и «социальность права», рассмотрение проявления прав человека как постепенного развития социальности права.

Создание нового российского государства и переход общества к демократии - единая проблема, центральное место в решении которой занимает процесс правотворческой деятельности государства и обеспеченности человека правами. Российские реформы не оснащены на настоящий момент должной правовой базой, а разрушенные механизмы стабильности делают неустойчивым существование человека, лишившегося защиты государства, не получающего социальной и правовой защиты. Не гарантированы не только благосостояние, карьера, но и сама жизнь. В свете этого, проблемным становится не только возрождение и полноценное осуществление законотворческой деятельности государства, но и изменение содержания этой деятельности в направлении к человеку и готовность человека к осознанному пользованию правом.

Государство является норморегулятором социальных отношений, формирует и универсализирует право в законе. С тех пор, как общество становится социально дифференцированным, власть оформляется в государство - аппарат, бюрократию, армию, объективно выполняя роль регулятора стабильности и жизнеспособности общества. Поскольку традиция уже не способна выполнять задачи такого масштаба, а нравственность еще не стала внутренним стимулом, заставляющим человека уважать человеческое достоинство и соблюдать элементарные нормы общежития, внешнее воздействие с применением принуждения становится неотъемлемой составляющей цивилизации, не всегда желанным, но постоянным спутником человеческого сообщества. За тысячелетия существования государства как по-

литического института оно поворачивалось к обществу множеством ликов - то милостивых, то грозных, поражая не одно поколение людей своими возможностями. Сокрытие от глаз простых смертных рычагов управления, многочисленные мифы, окружавшие земных правителей, мистифицировали государственную власть, отчуждая государство от общества, а человека от государства.

В то же время из общественного материала государство конструирует одну за другой части своего целого, взаимодействуя с другими сферами общественной жизни, с другими политическими институтами. Любое государство, независимо от режима, формы правления, формы устройства, объективно ориентировано на общество как целое. Интегративный характер социальной функции государства, которое различными способами соотносится с социальными классами и группами общества, требует сложного механизма осуществления государственной власти, использования всех имеющихся в его распоряжении рычагов, ресурсов, средств. «Государство оформляется там и тогда, где и когда объективизируется потребность институциализации проявлений общественного целого»[27].

Происхождение государства, формирование государственного аппарата, определение его функций, статуса и роли агентов характеризует государство как явление в высшей степени социальное. В то же время, проявления социальности государства обнаруживают свой предел уровнем развития экономики, политики, культуры. Чем большими ресурсами обладает общество, тем большая вероятность осуществления государством интегративной функции.

Известно, что в исторической практике объективная социальность государства реализовывалась с разной степенью осуществимости: были периоды, когда на первое место обозримо выходила дезинтегративная деятельность, неразрешимые конфликты - внешние и гражданские - приводили к социальной деструкции. Противоречие между должным и сущим - сути государства и реальной практикой - изначально заданная естественно-историческим развитием роль государства и реализация этой роли нашли отражение в противоречивом отношении населения к государству: недоверии ко всему государственному и ожидании от государства защиты и гарантированного существования. Теоретически это обосновывалось как противопоставление государства-цели и государства-средства в многочисленных этатистских и неэтатистских концепциях.

---

[27] Ильин В.В., Ахиезер А.С. Российская государственность: истоки, традиции, перспективы. М.: Изд-во МГУ, 1997. С. 6.

Как сказано выше, начала государства - институционализация сложно дифференцированной человеческой коллективности: в развивающихся человеческих связях устанавливается и закрепляется процесс социальной интеграции, что приводит к возникновению проблемы отношения человека к государственной власти. Социальность человека сопровождается индивидуализацией, которая начинает возникать с переходом к цивилизации, когда происходит его обособление от природно-социальных связей.

Разные уровни правового обеспечения власти - от сословно-кастового до универсально-нормативного - означали и разные этапы продвижения по пути решения проблемы, обозначенной выходом общества из системы кровнородственных связей и индивидуализацией человека - это определение меры свободы и осуществление справедливости общественного бытия.

Право в контексте социальности государства воспринимается как воплощение общественного опыта и общественного бытия человека. Следовательно, социальность права - такое же естественно-историческое явление, как и социальность государства.

Получая различные интерпретации в исторических, теоретических и идеологических контекстах, право и закон, как нормализация права, всегда оставались социальной ценностью, идентифицируемой с основными ценностями, являвшимися ядром культуры конкретного общества. Естественно, что осознаваемая ценность отдельного индивида не могла сразу получить фиксированного выражения в праве, носившем длительное время сословно-классовый характер. Выход личности на авансцену истории получил правовое оформление и признание с ликвидацией монархии, когда впервые был поставлен вопрос о политической свободе и политико-правовом статусе человека-гражданина, добившись права на самостоятельное определение собственной судьбы. В праве сосредоточилась политическая практика индивида, его своеобразный договор с государством относительно распределения власти: представительная демократия - двустороннее соглашение субъектов и объектов власти по поводу обязательств по отношению к соблюдению законов и взаимной ответственности. Право формируется как безлично-личностное - абстрагированное от конкретного человека и направленное на безлично каждого. В период буржуазных революций политическая свобода гражданина, получившая правовое обеспечение, соединялась с уже существовавшей и осознанной свободой частного собственника. В своих истоках политические права формируются как некий моральный стандарт, находящий отражение в национальных законодательствах, что впоследст-

вии определяет динамику развития правовой системы современной демократии: воплощение морального начала в международных правовых документах, превращение его в международный правовой стандарт, все большая универсализация прав, приемлемость их для каждого человека[28].

По мере развития правовых систем происходило стирание в праве экономических, социальных, политических, национальных различий на фоне усиливающейся дифференциации прав на политические, социально-экономические и социокультурные, что позволяло все более приближаться к идеалу реализации полной свободы личности, основанной на предоставлении ей условий для саморазвития, самосовершенствования, позволяющих ей проявить в своей активной жизнедеятельности все творческие возможности, богатство своего духовного мира.

Особое значение приобретают проблемы становления прав человека в транзитных обществах, в процессе перехода к демократии, когда происходит выбор той или иной модели с сохранением уже осуществленной в западных странах последовательности: права гражданина, человека, личности. Права человека - конкретизация в данном обществе, данных исторических условиях прав гражданина и приближения к идеалу - правам личности. В правах гражданина формируется мировой и международный опыт признания политических свойств человека, его необходимости участия во власти. Эта стадия правового обеспечения человека определяется целями политического режима и его возможностями создавать условия для реализации гражданских свобод. Это - период конституционного строительства, определения гражданского статуса человека, положения его по отношению к государству. Как показывает российский опыт, в это время идет и процесс демократического «обучения»: привитие уважения к закону, отстаиванию своих прав со стороны граждан, гражданский контроль за соблюдением законов государством. При этом разработка и осуществление сложной совокупности прав, отражающей человеческую жизнедеятельность в ее многосторонности, требует кропотливой работы личности, общества, государства, т.е. создание правовой системы страны, обеспечение гарантий и защиты прав, согласованности их с мировыми стандартами, опытом других стран. В той мере, в какой формируются политические, социально-экономические и куль-

[28] Серкова В.В. К вопросу о действенном характере прав человека // Власть силы: сила власти: Сб. науч. трудов Московской государственной юридической академии / Отв. ред. и сост. В.В. Серкова. С. 62, 64.

турные права, должна быть создана и база их реализации, которая обеспечивается национальными ресурсами и правовой культурой масс.

Право глубоко связано с экономикой, политикой и моралью. Создание системы прав человека предполагает, во-первых, охват правовым регулированием всех сторон жизнедеятельности человека - политических, социально-экономических, гражданских, культурных; во-вторых, определения той базы, на которой будет выстраиваться основной закон, подзаконные и другие юридические акты; в-третьих, привлечение к законотворчеству действительно профессиональных юристов; и, наконец, осуществление хорошо организованного гражданско-правового просвещения.

Права человека взаимосвязаны: политические обеспечивают социально-экономические, культурные права - предоставлением человеку возможности участия в делах государства, другими словами - в управлении обществом. Экономические права определяют базу, на которой строится возможность осуществления всех прав, культурные права создают возможности сознательного пользования всеми правами. В социальных правах фиксируются устанавливаемые связи и отношения с точки зрения действия принципа социальной справедливости.

Социальные явления и отношения - реальное содержание права, которое оформляется в законе, регулирующем поведение людей. Следовательно, эффективное правовое регулирование социальным поведением людей возможно лишь при улучшении общественных отношений и законотворческой деятельности государства, что на практике предполагает упорядочение социального поведения людей путем изменения социально-экономических, политических и культурных условий его бытия, совершенствования и развития государственно-правовых форм, норм и принципов. Разрабатываемые с XIX века концепции права, социальные факторы включают в число основополагающих в праве. В начале века В. Эрлих в работе «Основы социологии права» (1913 г.) указывает, что источником развития права является общество. Немецкий юрист XIX века Р. Йеринг рассматривал право как результат борьбы различных интересов, как интерес, защищенный государством, закрепленный законодательством.

Социальная природа прав должна соответствовать специфике общественных отношений. Потребность соотнесения общественных и личных интересов рождена стремлением социальной системы к стабильности, балансу и составляет основную направленность развития правовых систем.

Право - одна из социальных норм наряду с обычаем, моралью, социальный регулятор, находящийся в прямой зависимости от государственной власти и связанный с реальными общественными отношениями.

Создание новых прав вызывается к жизни общественными потребностями и возможностями их осуществления. К последним относятся определенный уровень развития экономики, разнообразия социальных интересов, требующий своего выражения и закрепления в законах. Статус личности должен быть подтвержден социально-экономически, в законах же закрепляется общественное требование к сохранению упорядоченности общественных отношений, ликвидации диспропорций в обществе.

В транзитных обществах, каковым является и Россия, стабилизационно-регулятивные начала права реализуются в противоречивых социально-экономических условиях: возрастает социальная ориентация на обеспеченность совокупностью политических, социально-экономических и социокультурных прав, их гарантию государственной политикой в сфере экономики, социальной жизни и культуры, в то время как резкое имущественное расслоение населения и лоббирование олигархическими группами своих интересов в верхних эшелонах власти приводит к принятию антисоциальных по своей направленности законодательных актов. Таковым является, например, новый трудовой кодекс РФ.

Защита прав человека социальной политикой государства имеет глубокие корни в прошлом и настоящем государства. Социальные права должны отражать, закреплять и защищать социальный статус личности, ее достоинство, свободу и личную неприкосновенность, неприкосновенность жилища, свободу передвижения, совести, слова, вероисповедания, регулировать социальные отношения собственности, трудовые, семейные, национальные, социальную жизнь в целом.

Перестроечная и постперестроечная литература содержит достаточно критики в адрес советской правовой системы и соблюдения прав человека в СССР. Речь идет в основном о декларативности прав граждан, систематическом нарушении их политических прав. Однако проблема этим не исчерпывается. По существу правовая система, регулировавшая общественные отношения в советское время, в конечном счете отразила потребности самой власти в ее утверждении и укреплении с этой целью общественной дисциплины. Унификация общества, при которой осуществлялись цели власти, по определению не допускала выражения в праве разнообразия интересов, исключала борьбу за их реализацию (что заставляет власть уважать человека и

его права). Западное общество отвоевывало свои права в многочисленных социальных движениях - феминистских, пацифистских, экологических, профсоюзных и др. Можно утверждать, основываясь на опыте демократически развитых стран, что в них создан не только механизм защиты прав человека, но и механизм, предоставляющий гражданам возможность отстаивать свои права, что является свидетельством наличия гражданского сознания, сформированности и проявленности разнообразных интересов.

Задача социальной политики государства - защитить социальную сферу от экономического меркантилизма. В России социальная среда, как и человек, были презираемы властью, и все попытки экономических реформ не давали социального эффекта, ибо ни цели, ни результаты не соотносились с общественными ожиданиями. Это касается реформ Александра I, Столыпина, Витте и др. В советское время социальная политика была направлена на большие социальные группы и нацию в целом. Изменения в социальной сфере напрямую связывались с успехами в экономике. Судьба отдельного человека, соединенная с судьбой класса и социальной группы, могла быть реализована через благополучие коллектива. Подразумевалось, что успехи на основе роста экономического потенциала страны повышали благосостояние советского человека, его реальные доходы, улучшали жилищно-бытовые условия.

Нельзя отрицать эффективности социальной политики советского государства, о социальном благополучии человека в котором можно судить по примерам быстрого восстановления страны после гражданской и Великой Отечественной войн, по ликвидации карточной системы, постепенной ликвидации коммунальных квартир, переходу к обязательному среднему образованию, бесплатному здравоохранению и образованию, охране материнства и детства, строительству и функционированию широкой сети санаториев, пансионатов, домов отдыха, детских лагерей, расширению жилищного строительства и т.д. Контроль за соблюдением законности осуществлялся разветвленной сетью партийных и государственных органов, юридическими работниками.

Происходящие в России изменения коснулись всех сфер общества, произошли они и в социальной сфере. Прежде всего они связаны с нарушением прав человека на жизнь, на сохранение человеческого достоинства. Как отмечает М.Н. Руткевич, происходит деградация, вырождение человеческого фактора. В системе производства господствует безработица, разрушается кадровый потенциал производства и научно-исследовательских коллективов, сокращается численность аг-

рариев, нерационально организована торговля, происходит маргинализация миллионов рабочих, служащих, НТР. За десять лет численность занятых в науке и научном обслуживании сократилась с 3,4 до 1,5 миллиона человек, 1/10 уехали за границу. Углубляется разрыв между тонким слоем богатых и нищающим большинством общества. Девять из десяти человек - бедные и нищие, а один из четырех пребывает в полной нищете. Ухудшается состояние здоровья, снижается продолжительность жизни: мужчин - ниже возраста выхода на пенсию (60 лет), а в ряде областей - до 55 – 57 лет[29]. Сравнительно обеспеченных в стране насчитывается, по разным данным, от 8 до 13%.

Массовый характер приняла уголовная преступность - до 10 млн. преступлений в год: от дорожных происшествий до мелкого мошенничества. Условия содержания в СИЗО и отсутствие, в сущности, возможности социальной реабилитации амнистированных и вышедших на свободу приводит к повторяемости преступлений, появлению все большего числа сформировавшихся рецидивистов. Вследствие разворачивающегося кризиса растет число люмпенов, деклассированных элементов, людей «дна».

Стремительно ухудшается социально-демографическая ситуация в стране. В 1995 году население России составляло 147,9 чел., в 1999-м - 145,6 чел. Тенденция к сокращению населения отмечается и на региональном уровне. Так, в Центральном районе на конец 1985 года естественный прирост населения составил 0,9, начиная же с 1990 года население постоянно убывает: в 1990 году убыль составила 2,0; в 1995 - 9,6; 1996 - 8,7; 1997 - 8,5; 1998 - 8,4; 1999 - 9,9 человека на 1 000 чел. населения (по Российской Федерации небольшой прирост 2,2 - в 1990 году и далее соответственно по годам - естественная убыль: 5,7; 5,3; 5,2; 4,8; 6,4.).

Россия переживает период начальной стадии капитализма - пиратского и разбойничьего по своей сути. Европа и Америка проходили капитализацию в течение столетий, что давало время на постепенное сглаживание острых социальных конфликтов путем выработки правового механизма регулирования социальных отношений, формирования правовой культуры населения, создания среднего класса, обеспечивающего социально-экономическую поддержку действия права, «наращивания» его социальности. Ускоренные темпы российской капитализации несут в себе опасность необратимости социальной деградации. Сильное внешнее влияние, тектонические сдвиги со-

[29] Руткевич М.Н. Процессы социальной деградации в российском обществе // ПОЛИС. 1998. № 6. С. 6.

циальной почвы, изменение социальных статусов, увеличение пропасти между социальными группами и паразитизм новой буржуазии, стремительное уменьшение основных производительных сил (людей и техники, занятых в производстве), криминализация общества, сращивание преступности с бизнесом, руководством некоторых политических партии и бюрократией - даже эти признаки регресса российского общества не были бы так опасны, если бы они не соединялись с проявлением духовного кризиса нации - падением нравственности, потерей социальных смыслов и идеалов, объединяющих нацию. Некоторые политические силы, в том числе и в верхних эшелонах власти, стремятся к возобладанию этнической фрагментарности над федеральным целым, тем самым подрывая основы российского феодализма.

В таких условиях ждать соблюдения прав человека - чистая утопия, во всяком случае, - дело весьма отдаленного будущего. Цели реформ, провозглашенных политическими лидерами, с самого начала обращены к человеку, реализация же реформ, постоянно переживающая периоды реставрации, уводит человека всё дальше даже от удовлетворения его первичных потребностей. Права человека превращаются в права «верхних десяти тысяч».

В современной России можно наблюдать разделение прав человека и гражданина: получение населением политических прав не сопровождается гарантией и реализацией прав социальных, экономических и культурных. Воспроизводится начало исторической последовательности признания прав граждан: как политических на этом этапе, когда стоит вопрос о преодолении зависимости бывшего подданного от власти и подключения его к осуществлению власти. На этом этапе прорабатываются основные гражданские права и прежде всего те, которые позволяют укрепиться новым формам правления и государственноправовому режиму. Человек свободен в той мере, в которой он имеет возможность выбора тех, кто будет представлять его интересы. Право на политическое, и прежде всего электоральное, участие сыграло свою роль в осуществлении демократии и обеспечило политическое достоинство личности. Подлинную же независимость человеку западного общества придала экономическая самостоятельность, позволяющая ему реально распоряжаться своей судьбой, возможность, которая предоставлялась правом частной собственности. Появление социальных государств во второй половине XIX века - гарантированное государством обеспечение основных прав на жизнь, труд, отдых наименее защищенных слоев населения.

Осмысление правовых норм, которое создает возможность нормальной жизнедеятельности личности, происходит в зависимости от поведения, предпочтений, ориентаций, господствующих и наличествующих в данном обществе. Этому способствует дифференцированный подход к разным слоям населения и отражение его в праве. Провозглашенные в Конституции Российской Федерации свободы человека и гражданина основаны на принципах неотчуждаемости непосредственного действия, равности перед судом и законом, равенства прав между мужчинами и женщинами, охраны достоинства личности государством, неприкосновенности (частной жизни и жилища), национальной самоидентификации, свободы (передвижения, совести, мысли и слова, получения, производства и распространения информации, объединений, использования своих способностей), государственно-политического участия, владения, пользования и распоряжения частной собственностью (ст. 17 - 36), государственной защиты, заботы, социального обеспечения наиболее уязвимых в социальном и экономическом плане слоев населения.

В то же время следует отметить, что гарантия прав дается не только законом. Если и такие жизненно важные права, как право на труд, отдых, охрану здоровья, образование, не получают в обществе социальных и экономических гарантий, то невозможно «организовать мирное и справедливое сожительство людей»[30]. Следовательно, проблема реализации прав заложена уже в тексте Основного Закона страны.

Проблема заключается также и в том, что россияне плохо информированы о том, какие конституционные права им предоставлены, какие права являются приоритетными[31].

Среди существующих моделей социальной политики, формирующихся в обществах разного уровня социально-экономического развития, выделяются: социальная политика переходного периода как вынужденно вариативная социальная политика; социальная политика, обеспечивающая прожиточный минимум за счет стимулирования частных благотворительных фондов (Великобритания); государственное обеспечение полного объема необходимых благ и услуг, гарантирование свободного доступа к ним всех членов общества, независимо от

[30] Ильин И.А. О сущности правосознания / Подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. С. 18.

[31] Власов В.В., Власова А.В., Мартынов А.А. Право на жизнь в предпочтениях граждан // СОЦИС. 1999. № 7.

взносов в фонды страхования и платежеспособности населения (Швеция).

Создание системы правового обеспечения личности предполагает: наполнение прав человека реальным содержанием путем создания условий удовлетворения его потребностей разного уровня - от базовых (жизнеобеспечивающих) до высших; постоянную работу над законодательной системой страны; развитие правосознания граждан. Наиболее благоприятные возможности для реализации прав человека создаются в социальной политике государства, если человек является основной целью государственных мероприятий. Осуществляя социальную политику, государство смягчает неравенство, ослабляет дифференциацию доходов и имуществ, сглаживает противоречия и тем самым способствует предотвращению социальных конфликтов в обществе и реализации принципа социальной справедливости. Вместе с тем, немаловажную роль играет способность человека пользоваться предоставляемыми ему правами, направлять свои жизненные усилия на самореализацию и самосовершенствование, осознавать непреходящее общественное значение своей деятельности.

Результатом социальной политики государства в 90-е годы в России прежде всего явилось продолжение и углубление отчуждения человека от общества. Снизился интерес к производительной деятельности, она постепенно уступала место спекулятивной и криминогенной. Коммерциализация сферы досуга ограничила возможности основной массы населения культурно организовать свободное время. Произошла резкая дифференциация населения по отношению к способам проведения свободного времени: выделились значительные группы населения, не занятые в общественном производстве. Их основным времяпрепровождением стали алкоголизм, наркомания, воровство. Уделом многих в настоящее время является изнуряющий труд с одновременным сокращением периода полного или хотя бы частичного восстановления сил. Наконец, появляется проблема культурного досуга бизнес-групп, наполняемых значительным количеством лиц, обладающих низким интеллектуально-нравственным потенциалом. Превращение досуга из сферы, где осуществляется самосовершенствование человека, в сферу развлечений и удовлетворения низших потребностей (восстановления физических сил и/или получения удовольствий) существенно снижает духовно-интеллектуальный и нравственный потенциал нации. Опыт, накопленный Россией в советский период, а также существующий в развитых странах, показал смысл государственной политики в сфере организации досуга: путем создания соответствующей экономической базы - налоговых отчис-

лений и вложения средств в соответствующую статью бюджета - создаются возможности демократизации культуры, превращения досуга не только в сферу отдыха, но и развития человека. Правовая «оснащенность» досуга и наличие контроля за соблюдением законов создают препятствие для проникновения в эту сферу порнографии, насилия, криминала. В то же время нельзя не признать, что возможность становится действительностью при решении общесоциальных задач образования и воспитания человека, которой позволит ему наполнять смыслом свое свободное время. Следует также отметить связь между трудовой и внетрудовой деятельностью человека: эти две стороны деятельности человека составляют единое целое в общем процессе жизнедеятельности: недостаток одной влечет за собой ущербное состояние другой.

В качестве ***вывода*** следует подчеркнуть следующее. Периоды кризисов требуют усиления роли государства, как это продемонстрировали аналогичные ситуации в США и Западной Европе во времена Великой депрессии. Как показывает уже накопленный в последнее десятилетие XX века в России опыт, существенное ухудшение социально-экономического положения общества и, следовательно, основной массы населения углубляющаяся социальная дифференциация приводит к увеличению численности социально ущемленных групп людей. Происходящая смена социальных парадигм, продолжающийся переход существенной части населения из престижных социальных групп в группы более низкого социального статуса, падение статусов прежде престижных социальных групп привело к ухудшению не только экономического, но и социально-психологического состояния населения, демографической ситуации в стране в целом. Сокращение рождаемости, увеличивающаяся смертность населения, рост числа заболеваний, постепенное сокращение времени на восстановление физических и психических сил, рост стрессовых факторов, «омоложение» болезней, возвращение болезней, которые считались преодоленными в прошлом, угрожающий рост сердечно-сосудистых заболеваний - все это позволяет констатировать сокращение возможностей основной массы людей самостоятельно реализовывать восстановительные функции своего организма, а в целом - уменьшение количества жизнеспособного населения. В условиях, когда население не в состоянии или не успевает накопить собственные адаптационные возможности, общество должно использовать адаптационный механизм в лице государства, которое является единственной силой, способной в этот период сосредоточить в своих руках организационные, правовые и материальные ресурсы для решения наиболее острых со-

циальных проблем. С этой целью необходимо проведение целенаправленной социальной политики с учетом происходящей дифференциации населения. Составными частями этой политики должны стать: миграционная политика, проведение оздоровительных мероприятий, организация сферы досуга, совершенствование системы образования и воспитания, координация межрегиональной социальной политики и социальной политики Центра и регионов. Средства массовой информации вновь могут взять на себя решение задачи пропаганды здорового образа жизни, а в учебных заведениях страны необходимо повсеместно вводить программы, обучающие не только способам выживания в экстремальных условиях (ОБЖЧ), но и оптимальным способам жизнедеятельности. Взять на себя руководство и организацию этого процесса в масштабах всей страны способно только государство.

Тема 10. Государственная политика России в условиях многопартийной системы

Актуальность исследования взаимодействия государства, партий и общественных организаций в политическом процессе современной России обусловлена современным состоянием российского общества, переживающего сложный период социально-экономических политических преобразований.

Существовавшая политическая система с ее институтами, ценностями и установками оказалась разрушенной, но не исчезнувшей, создание новой политической системы осуществляется неравномерно, противоречиво, неопределенно, в острой борьбе. Становление и развитие многопартийной системы является одним из важнейших факторов реформирования политической системы общества в целом.

Новая партийная система в России на рубеже 80 - 90-х годов является отражением перемен, происходящих в социальной и политической жизни общества. Это связано с изменениями во властных отношениях, роли государства в обществе, ценностных ориентаций, формирующихся в общественном сознании. Ослабление государства, которое призвано выполнять в российском политическом процессе роль регулятора социальных интересов, потребовало формирования институтов, которые смогут выполнять функцию организации социальных групп для осознания ими своих социальных и политических интересов, выявления этих интересов и передачи их в структуры власти. От того, какова при этом стратегия и тактика власти в лице государства,

объективно зависит состояние уровня социальной организации и развитость общественного сознания. Системность такого рода организаций, способы, которыми они осуществляют свое вхождение во власть, выстраивание отношений с государством на разных уровнях государственной иерархии, возможности контроля государства, которые они приобретают в данной политической системе, определяет способность общества к стабильности, а в условиях возникновения конфликтов - быстрого и относительно безболезненного выхода из них. В целом, наличие контролирующего и организовывающего института «низов» способствует эффективности воспроизводства общественного бытия через проведение социальных интересов и поддержание жизнеспособности власти. Одной из укоренившихся новых ценностей, которая определяет направление осуществляемых политических реформ, является многопартийность.

Современные западные исследователи политических партий, такие, как К. Липсет, С. Роккан, С. Бойме, К. Майер, П. Далтон, Р. Сартори, Д. Ньюмен, рассматривают процесс становления и функционирования партий, механизмы трансформации партийных систем в условиях современного информационного общества.

В отечественной обществоведческой литературе проблема функционирования политических партий пока не получила должного освещения. В основном, существующие работы посвящены либо анализу становления многопартийности в России, либо конкретизации деятельности отдельных партий. Среди современных ученых, занимающихся данной проблемой, можно выделить Ю.К. Абрамова, А.Ю. Юдина, Т.В. Шмачкову, С.Н. Пшизову, А.Н. Кулика, В.В. Лапаеву, М.Н. Афанасьева, С.А. Марю. К сожалению, работы этих ученых нельзя отнести к фундаментальным исследованиям данной проблематики[32].

Еще в XIX веке М. Острогорский рассмотрел в своей работе «Демократия и политические партии» проблемы взаимодействия политических партий с демократическими режимами, сформировавшимися на Западе. М. Острогорский подметил тенденцию нарастания роли партийного аппарата в ущерб рядовому членству, бюрократизации партийных объединений, падения роли идеологий. По Острогорскому, сформировался так называемый «кокус», т.е. закрытая бюро-

[32] Абрамов Ю.К. Политические партии и движения России. М., 1998; Юдин А.Ю. Политические партии и право в современном государстве. М., 1998; Шмачкова Т.В. Теории коалиций и становления российской многопартийности // ПОЛИС. 1996. № 5; Пшизова С.Н. Какую партийную модель воспримет наше общество? // ПОЛИС. 1998. № 3.

кратизированная партийная верхушка. Его анализ позволяет пристальнее вглядеться в изменения, происходящие в российском политическом процессе, и выявить связь между бюрократизацией государственного и партийного аппарата, являющуюся способом отчуждения и государства, и партий от российского социума.

Отсчет современной истории российской многопартийности следует, видимо, начинать с XIX Всесоюзной конференции КПСС (июнь 1988 г.), когда Генеральный секретарь ЦК КПСС М.С. Горбачев провозгласил курс на демократические свободы, и прежде всего так называемый «плюрализм мнений». Это решение отразило два важных явления в российском политическом процессе: инициатором изменений в политической системе была советская политическая элита, представлявшая государство.

Государство постепенно обретало независимость от российских партий, которая продолжалась до выборов нового Президента Российской Федерации. То, что Президент страны не представлял ни одну из существовавших до 2000 года политических партий, способствовало не только ограничению партийного контроля над государством, но и потере государством существенной возможности связи с обществом. В практике 90-х годов это выразилось в усиливавшихся расхождениях исполнительной и законодательной властей - президента и Государственной думы, в значительной степени представленной российскими политическими партиями. С другой стороны, в становлении российских политических партий отчетливо прослеживается административное влияние: реальным инструментом создания политических партий является наличие государственных и структур с установившимися связями как на центральном, так и на региональном уровне, о чем свидетельствует образовавшийся перед выборами 1999 года блок «Единство», основой которого были структуры МЧС и других силовых органов. Кроме того, значительная ориентация российских политических партий на лидеров (Г. Зюганов, Г. Явлинский, В. Жириновский и др.), как указывает М.Н. Афанасьев, придает им вид клиентел[33].

В настоящее время российская многопартийность еще далека от того, что является многопартийной системой в западном понимании этого явления, в рамках которого субъекты политического действия готовы к сотрудничеству друг с другом и с государством в целях достижения общественного согласия или хотя бы к тому, чтобы придерживаться Конституции. Исследователи отмечают наличие несистем-

[33] Афанасьев М.Н. Клиентелизм и российская государственность.

ной множественности протопартий с зачастую радикально противоположными позициями при значительном влиянии среди них политических сил авторитарной ориентации с устойчивой левой оппозицией власти и правыми силами, объявляющими себя приверженцами реформ. Это зародышевые партии, выражающие в основном свои интересы и интересы власти, хотя постепенное определение идейно-политических тенденций, все более отчетливое выявление правового и левого спектров показало, что в России есть основания говорить о создании политических организаций, способных выразить определенные социальные интересы. Вместе с тем, все еще слабая выраженность этих интересов, трудности в установлении отношений между государством и партиями, наличие в российском политическом процессе кланово-корпоративных связей и отношений, преобладание административного ресурса на выборах как в Центре, так и на региональном уровне позволяет утверждать, что образование российской многопартийной системы, способной реально выразить интересы социальных групп российского общества, - дело будущего.

На фоне становления российской многопартийности осуществляется динамика взаимоотношений российского государств и партий в период реформ. Рубеж 1989 – 1990 годов отмечен созданием протопартий на базе отрицания КПСС и коммунистических ценностей, противопоставления ей демократического массового движения и новых, демократических, ценностей.

Переломным моментом в становлении российской многопартийности стало принятие в октябре 1990 года Закона СССР «Об общественных объединениях»[34], определившего основные правовые параметры создания и деятельности политических партий.

В период выборов 1990 года в орган государственной власти союзных республик на политическую арену выходят новые субъекты политического действия - избирательные блоки. Несмотря на то, что в большинстве республик их деятельность не была законодательно урегулирована, эти неформальные самодеятельные объединения граждан сумели объединить значительное число сторонников. Так, достаточно успешно выступил и на выборах народных депутатов РСФСР, и на выборах первого российского Президента избирательный блок «Демократическая Россия».

[34] Ведомости Съезда народных депутатов СССР и Верховного Совета СССР. 1990. № 42. С. 839.

Политическая активность последних лет перестройки приобретала все более выраженную антикоммунистическую направленность[35], хотя и не в состоянии еще была подорвать авторитет КПСС. Последовавший в декабре 1991 года распад СССР, образование независимого государства - Российской Федерации - еще более упрочили положение антикоммунистических сил в российском политическом спектре и во властных структурах. Средства массовой информации этого периода, претендующие на звание демократических, утверждали, что КПСС окончательно потеряла доверие населения, в то время как новые демократические силы получают все более широкую социальную поддержку.

Подобный подход недооценивал сохранявшуюся притягательность для массового сознания коммунистической идеологии и практики.

Однако исследователи начала 90-х годов еще отмечали, что КПСС, возникшая как партия пролетариата, а затем претендовавшая на роль партии всего народа, по сути дела является выразителем интересов тех широких слоев нашего общества, которые представлены работниками неквалифицированного труда. Ее деятельность направлена на поддержание социальных гарантий для этих слоев населения: это и обеспечение практически полной занятости, и небольшие, но устойчивые доходы, и гарантии устойчивого существования в целом[36].

На первых этапах преобразований многие сторонники реформ всерьез рассчитывали именно на «мягкий» вариант развития событий, выбирая между демократическим социализмом «с человеческим лицом» и так называемым «шведским социализмом». Подобные настроения преобладали не только среди политиков самой разной ориентации, но и среди широких слоев населения. В одной из статей того периода рассматривались результаты исследования, проведенного ВЦИОМ в 1991 году[37]**.** Носителями «здравого смысла» считались те 56% опрошенных, которые хотели бы построить общество по типу «шведского социализма», соединяющего, по мнению и авторов статьи, и респондентов, лучшие черты социализма и капитализма.

---

[35] Социальная и социально-политическая ситуация в СССР. Состояние и прогноз / Подгот. хозрасчетным научно-исследовательским центром Советской социологической ассоциации АН СССР. М., 1990. С. 21.

[36] Радаев В.В., Шкаратан О.И. Власть и собственность // СОЦИС. 1991. № 1. С. 5.

[37] Попов Я., Волкова Р., Зеленченко Г. Народ руководствуется здравым смыслом // Известия. 1991. 24 апр.

Решающую роль сыграло начало в 1992 году шоковых реформ с характерными для них процессами стремительного социального расслоения и обнищания широких масс. Заметный вклад в процесс укрепления позиций коммунистов внесли принятые 30 ноября 1992 года решения Конституционного Суда РФ по делу проверки конституционности ряда указов президента, касающихся компартии[38].

Российским коммунистам удалось сохранить не только часть своего имущества, но, что, пожалуй, более важно, и свои территориальные партячейки. Во многом именно благодаря удержанию коммунистами хорошо налаженной за годы советской власти разветвления системы территориальных партийных звеньев мы имеем сейчас ситуацию, при которой более половины массового низового актива российских политических объединений ориентировано на левые политструктуры, и главным образом - на принадлежащие КПРФ[39].

Все это способствовало быстрой реанимации коммунистических сил и их активному включению в политическую борьбу как в качестве участников избирательной кампании 1993 года по выборам нового высшего законодательного органа, так и под знаменами крайней оппозиции, бойкотировавшей эти выборы.

Следующий этап активизации деятельности партий разворачивается на фоне углубления конфликта между представительной и исполнительной ветвями власти. В результате драматических событий сентября - октября 1993 года, последовавшего за ними Указа Президента Российской Федерации № 1400 «О поэтапной конституционной реформе в Российской Федерации», страна вступила в постсоветский период своего развития.

Процесс становления многопартийности в России вступил в качественно новую стадию. Если раньше политическая активность партий и движений самой разной ориентации была по преимуществу направлена против КПСС и отождествлявшегося с ней союзного центра, то теперь они были вынуждены искать новую основу для самовыражения и самоидентификации (это прежде всего касалось демократического движения, которое по сути дела всегда было лишь объединением «против», а не «за»). При этом обнажились неоднородность демократического движения, отсутствие в нем единства по поводу целей и средств преобразований.

---

[38] Ведомости Съезда народных депутатов РФ и Верховного Совета РФ. 1993. Ст. 440.

[39] Головков А. Российский политический театр: у массовки нет солистов / Известия. 1996. 2 марта.

Узловым моментом в становлении многопартийности в России стало введение в действие в 1993 году Указом президента Положения о выборах депутатов Государственной Думы, в котором устанавливалась принципиально новая для нашей страны пропорционально-мажоритарная избирательная система. Закрепленная в Положении половинная доля пропорционального представительства в парламенте, а также ряд иных норм, обеспечивавших политическим партиям и движениям максимально благоприятные условия участия в выборах, явно не соответствовали их реальному месту и роли в обществе и в политическом процессе. К концу 1993 года в сложной палитре политических ориентаций российского населения уже четко выделяются три основных центра политики идеологического притяжения, вокруг которых сегодня группируются сторонники всех сколько-нибудь заметных политических идей, течений объединений. Их можно условно обозначить как «прокапиталистический реформизм», «просоциалистический антиреформизм» и национал-державная идеология. Именно такой расклад политических ориентаций российского общества, сохранившийся и до настоящего времени, был в целом зафиксирован уже результатами выборов в Государственную Думу 1993 года.

В Положении о выборах, в отличие от всех прежних шагов по правовому регулированию формирования многопартийной системы, власть, не ограничиваясь легализацией фактически уже сложившейся или складывающейся формы общественных отношений, пошла дальше и предприняла попытку ускорить развитие многопартийности в стране.

Реальное пространство выбора решений было в тот момент весьма ограниченным. Президент и структуры исполнительной власти, взявшие на себя инициативу по организации принятия новой (по существу - постсоветской и постсоциалистической) Конституции и формирования новых органов представительной власти, остро нуждались в обеспечении приемлемой для общества легитимности предстоящих мероприятий. А это требовало привлечения всех основных политических сил к участию в избирательном процессе, предусмотрительно совмещенном с референдумом по принятию Конституции. Именно этим желанием направить в парламентское русло и удержать в конституционном пространстве основной отряд оппозиции было, по-видимому, обусловлено и решение о допуске к выборам левых сил, не занимавших крайнюю позицию в конфликте двух ветвей власти. Показательно, что в президентском указе, устанавливавшем запрет на участие в выборах ряда общественных объединений (ФНС, РКРП, «Союза офицеров», Союза «Щит», РКСМ и РНЕ), специально

подчеркивалось: граждане «не лишаются возможности выразить свои интересы и политические симпатии через иные избирательные объединения аналогичной ориентации». При всех неизбежных издержках такой политики этот курс в целом был верным, поскольку существенно снижал сферу непарламентской политической активности левых и способствовал стабилизации крайне напряженной в тот период политической обстановки.

Здесь надо отметить, что противники введения в стране пропорциональной избирательной системы, напротив, говорили о ее дестабилизирующем влиянии на общество. Мажоритарная же система рассматривалась как фактор создания благоприятных условий для формирования двухпартийной политической системы, обеспечивающей высокую степень общественно-политической стабильности. Исходя из опыта некоторых западных демократий (прежде всего США и Великобритании), ряд отечественных политиков и экспертов полагали, что необходимо стимулировать развитие российской многопартийности в сторону формирования подобной двухпартийной системы. Однако такой подход не учитывал специфику российских реалий: в наших условиях движение к двухпартийности ускорило бы процессы дестабилизации общества и его раскола, так как двухпартийная система является фактором поддержания стабильности лишь при условии устойчивого общественного согласия по коренным проблемам политического и социально-экономического устройств общества. В России же к концу 1993 года общество, по данным социологов, распалось на три примерно равные части: сторонников проводимого курса реформ, противников и безразличных. Не было ни одного института власти, чья деятельность поддерживалась бы большинством граждан, ни по одному ключевому вопросу устройства страны не существовало сколько-нибудь устойчивого общественного мнения. В этой ситуации способствовать с помощью избирательного законодательства стягиванию основных политических сил в два крупных лагеря означало бы усугублять радикализацию социально-политических отношений.

Представления о том, что путем административных ухищрений можно создать некий аналог двухпартийного центра, способного сдержать центробежные тенденции в развитии политического процесса (эти идеи, возникшие еще в недрах КПСС, недавно причудливо трансформировались в попытках создания «сверху» двух крупных право- и левоцентристских избирательных блоков, призванных, по идее их создателей, оттянуть голоса избирателей от радикально ориентированных политических группировок), не учитывают степени со-

циального напряжения внутри раскалывающегося российского общества. Под воздействием этого напряжения логика политической борьбы либо «разведет» такое двухполюсное центристское образование по разным мировоззренческим позициям, либо (как это произошло на выборах 1995 года с блоком Ивана Рыбкина, сразу же «приписанным» массовым сознанием к «партии власти») обнажит искусственность декларируемых различий.

Поэтому задача состояла и состоит не в стимулировании формирования двух крупных социально-политических группировок, а, напротив, в обеспечении парламентского представительства различным политическим силам, ориентированным на принципы парламентаризма и конституционализма. Только это способно снизить накал общественно-политического противостояния, ввести социальные конфликты в парламентское русло и выиграть время для выработки основы действительного общественного согласия.

Есть все основания считать, что новая избирательная система способствовала снижению темпов радикализации политических отношений, и прежде всего за счет уменьшения активности внепарламентской оппозиции. В частности, участие в выборах КПРФ и последующая деятельность фракции коммунистов в Государственной Думе заметно переориентировали коммунистическую оппозицию на отработку легитимных методов борьбы за власть и придали основной структуре коммунистического движения известный социал-демократический оттенок. Коммунистам и аграриям не удалось стать главными выразителями оппозиционных настроений. Общественное недовольство канализировалось при голосовании и на целый ряд иных партий и движений - от ЛДПР до «Женщин России». Все это, безусловно, стало фактором, сдерживающим поляризацию в обществе, хотя общая тенденция к расколу достаточно проявилась в результатах выборов 1993 года. Главным индикатором этой тенденции стал неожиданный для многих наблюдателей «провал» политического центра (прежде всего речь идет о поражении на выборах влиятельного «Гражданского союза», а также ряда других объединений центристской ориентации).

Итак, можно сказать, что введение избирательной системы с половинной долей пропорционального представительства в принципе отвечало главному императиву того времени - острой потребности в стабилизации общественно-политической ситуации. Усиление политической значимости партий и движений не было сбалансировано надлежащей правовой регламентацией всех основных аспектов жизнедеятельности. Действовавший в тот период союзный закон «Об

общественных объединениях», нацеленный прежде всего на стимулирование зарождающейся многопартийности, уже явно не соответствовал ситуации, при которой партии и движения получали половину мандатов в Государственной Думе, что обеспечивало им ключевые позиции в решении вопросов, касающихся их организации и жизнедеятельности.

Однако российским политическим объединениям еще далеко до партий парламентского типа, способных подчинять свою деятельность общегосударственным началам, идее общего блага. Результатом блокировки партийных парламентских фракций на базе общности их специфических (по сути дела - корпоративных) интересов явилось то обстоятельство, что страна вступила в следующую избирательную кампанию по выборам в Государственную Думу, не имея закона о политических партиях. Закон о партиях, который дополнял бы и конкретизировал требования, предъявляемые к партиям в отличие от иных общественных объединений, и, следовательно, ограничивал бы бесконтрольную во многом деятельность партий, не был нужен в преддверии выборов партиям, получившим парламентское представительство. Кроме того, принятие закона о партиях, неизбежно ориентировавшего избирательное законодательство на признание партий основными субъектами избирательного процесса (ведь повышенные требования к партиям были бы оправданны только потому, что им предоставлялось бы если не исключительное, то преимущественное право на участие в выборах), не отвечало интересам тех общественных движений, которые заняли в результате первых выборов влиятельные позиции в Думе и активно использовали свое положение, чтобы избавить себя от трудной работы по партстроительству. Прежде всего это относится к движению «Женщины России», фракция которого явно не желала закрепления в законодательстве не только преимущественного права партий на участие в выборах, но даже вполне естественного, совершенно необходимо (и, кстати, присутствовавшего в Положении о выборах 1993 г.) требования в том, что основными субъектами избирательного процесса могут стать лишь объединения политического характера. Такая позиция, приведшая к девальвации статуса субъекта избирательного процесса (к выборам, как известно, были допущены все общественные объединения, прошедшие несложную процедуру регистрации и зафиксировавшие в своем уставе намерение участвовать в выборах), в конечном итоге спровоцировала множественность претендентов на власть, которые «оттянули» голоса избирателей от своих более крупных конкурентов, оставив таким об-

разом за бортом некоторых фаворитов избирательной гонки, в том числе и «Женщин России».

Отсутствие в законодательстве сколько-нибудь серьезных требований к субъектам избирательного процесса грозило привести к дезорганизации выборов, к дальнейшей корпоративизации избирательного процесса и соответственно - к существенным искажениям парламентского представительства общества. Все это было чревато опасной дестабилизацией социально-политической обстановки в стране.

Политические партии и движения, несмотря на резкое усиление их позиций в результате введения новой избирательной системы, не смогли занять подобающее их природе место в избирательном процессе и взять на себя функцию посредника между зарождающимся гражданским обществом и государством. По данным опросов общественного мнения за несколько месяцев до выборов (летом 1995 г.), большинство граждан (54%) по-прежнему не испытывали доверия ни к каким партиям, движениям и течениям. При этом политические партии и движения занимали последнее место по уровню доверия среди общественных и политических структур[40]. Таким образом, население в своих электоральных предпочтениях, как и в 1993 году, ориентировалось на политические персоны, а не на партии.

В этих условиях взаимоотношения общества и государства неизбежно приобретали все более уродливый, нецивилизованный характер. Вместо формирования гражданского общества как неполитической сферы частных интересов в преддверии выборов наблюдалась резкая политизация всех общественных структур, усиливающая социальную нестабильность. Свои претензии на участие в формировании и осуществлении государственной власти заявили объединения, обслуживающие групповые корпоративные интересы. Это и профсоюзы, представляющие интерес работников различных отраслей народного хозяйства, и влиятельные объединения промышленников и финансистов, и мощные отраслевые организации, имеющие статус общественных объединений, но фактически выражающие крупные корпоративные интересы министерств и ведомств, и т.п.

Особо следует отметить выход на политическую арену объединений, построенных исключительно по религиозному признаку, и целого ряда объединений на национальной основе. И хотя в декабре 1995 года национально-религиозная карта по существу не была разы-

[40] Социальная и социально-политическая ситуация в России: анализ и прогноз (первое полугодие 1995 г.). М., 1995. С. 67.

грана, тем не менее создан опасный прецедент участия в борьбе за власть объединений подобного рода.

Здесь важно иметь в виду, что к многонациональной России с разнообразием религиозных конфессий неприменим опыт стран с мононациональным и моноконфессиональным устройством общества, которые могут позволить себе участие в политической жизни религиозных политических партий типа христианско-демократических партий Западной Европы. В России всякое привнесение в политическую сферу дифференциации по религиозному признаку опасно само по себе, неизбежно будет приобретать национальный оттенок и вести к расколу общества на славянско-христианскую и тюркско-мусульманскую составляющие.

Другим важным последствием девальвации статуса субъекта избирательного процесса явилось то обстоятельство, что на борьбу за власть устремился поток избирательных объединений и блоков, у большинства из которых политические амбиции явно не соответствовали ни их социальной природе, ни их общественной значимости. Опыт последующей избирательной кампании показал, что планка в 2 тысячи подписей в поддержку общефедерального списка вполне может быть преодолена объединениями, не имеющими ни своего политического лица, ни серьезной социальной базы, но располагающими при этом достаточной финансовой поддержкой. Такой наплыв претендентов на власть (свои списки, как известно, смогли зарегистрировать 43 объединения и блока) может дезориентировать электорат и привести к случайному, не отражающему основной расклад социальных позиций распределению политических сил в парламенте.

Установленный законом пятипроцентный барьер смогли преодолеть объединения, выражающие устойчивые политические ориентации населения и в значительной мере маркирующие собой наиболее значимые для массового сознания центры политико-идеологического притяжения. В конечном итоге пятипроцентный барьер в самый разгар избирательной кампании сыграл свою положительную роль. И хотя совершенно не оправдались расчеты на то, что пятипроцентная планка будет стимулировать объединение политических группировок, тем не менее, именно наличие такой планки во многом способствовало консолидации сил в рамках самого электората. Практика выборов показала, что избиратель в своем волеизъявлении зачастую ориентировался на наиболее влиятельного представителя близкого ему политического спектра, отказывая в своей поддержке более слабым.

Если сравнить результаты выборов в Государственную Думу в 1995 году с выборами 1993 года, то можно сказать, что в 1995 году

мы имели более консолидированную позицию общества с довольно четко выраженным идеологическим размежеванием. Уже нет той прежней идеологической размытости, которая обеспечила в 1993 году успех ЛДПР, АПР и «Женщин России». Гораздо определеннее выявился основной вектор идеологического противостояния. В журналистской интерпретации он обозначен дихотомией «демократы - коммунисты». По сути же дела под демократами здесь имеются в виду сторонники прокапиталистического реформирования общества. Таким образом, речь идет о принципиальном противостоянии капиталистической и коммунистической идеологических платформ. Разумеется, на данном этапе еще нет оснований считать весь нынешний электорат коммунистов сторонниками возврата к социализму. Однако основная линия социального раскола просматривается в результатах выборов уже достаточно явно.

Пока же выборы показали (и это еще один важный их итог), что основное идеологическое противостояние в обществе не приобрело своих крайних форм. Неожиданным результатом избирательной кампании оказалась взвешенная и осторожная позиция электората, не допустившего ни леворадикального, ни праворадикального перекоса по стержневой линии идеологического противостояния «прокапиталистический реформизм - просоциалистический антиреформизм». В Государственной Думе оказалась представленной основная центральная часть политического спектра с отсеченными от нее радикальными флангами как левого, так и правого толка. В непосредственной близости от пятипроцентного барьера остановились наиболее влиятельные представители леворадикальных (ампиловский блок «Коммунисты - Трудовая Россия - за Советский Союз») и праворадикальных (гайдаровский «Демократический выбор России») политических сил.

Во многом благодаря умеренности и осторожности электората недостатки избирательного законодательства, допустившего на выборы хаотическое множество избирательных объединений и блоков, не привели к существенной деформации парламентского представительства социальных интересов. При всех претензиях, которые можно предъявить депутатскому корпусу, следует признать, что его фракционная структура в целом довольно адекватно отражает реальное соотношение социально-политических сил в обществе. Хотя при этом нельзя не отметить, что представители демократического фланга в большей мере, чем их оппоненты, пострадали от распыления голосов избирателей. На выборах 1995 года уже ни одна партия, прямо и однозначно идентифицирующая себя с демократическим движением, не прошла в парламент по партийным спискам. Умеренная (центрист-

ская левоцентристская) часть демократического фланга представлена в Думе не партиями, а движениями (НДР и «ЯБЛоко»). А противостоят им хорошо организованные партии - КПРФ и ЛДПР.

Очевидно, что в наших условиях единственной надежной формой верификации социально-политической значимости претендентов на власть можно считать лишь результаты самих выборов. Поэтому надо иметь возможность проверить свои электоральные шансы всем общественным объединениям, готовым рискнуть собственными финансовыми средствами, частично компенсировать электоральные расходы из государственного бюджета следует лишь тем из них, кто добьется на выборах достаточно ощутимых результатов. Каких именно - можно решить, исходя из итогов выборов в Государственную Думу, наглядно отражающих шкалу «весовых категорий» всех сколько-нибудь заметных политических сил.

Зафиксированная в результатах выборов структура политических предпочтений электората такова, что в ней, помимо четверки победителей, перешагнувших пятипроцентный барьер, четко выделяется группа лидеров второго эшелона, набравших более 2% голосов («Женщины России», «Коммунисты - Трудовая Россия», ДВР, КРО, Партия самоуправления трудящихся, АПР, «Держава», «Вперед, Россия!»). Они в совокупности являются довольно точным слепком нынешнего политического спектра с его левым и правым радиальными флангами, с лево- и правоориентированным центром, с его национал-державной составляющей. Важно также и то, что среди избирательных объединений и блоков, чья «весовая категория» соответствует диапазону от 1 до 2% голосов избирателей, уже нет столь же заметных политических сил. Сюда главным образом вошли «именные» блоки, не имеющие четкой политической маркировки, но персонифицируемые с известными политическими лидерами (Блок «Памфилова – Гуров – Лысенко», блок Станислава Говорухина, блок Ивана Рыбкина), а также избирательное объединение «Кедр» и блок «Союз труда».

Надо отдавать себе отчет в том что благоприятный момент для внесения корректировок в законодательство о выборах был упущен в декабре 1993 года, когда верное в принципе решение о резком усилении роли партий и движений в избирательном процессе (а следовательно, и в политической жизни в целом) не было подкреплено созданием жестких правовых барьеров против несистемных партий, не готовых к поиску компромиссов с оппонентами и не скрывающих своих антиконституционных тоталитарных установок.

При этом, как известно, ни одно политическое объединение центристской ориентации не прошло в парламент по партийным спискам. Таким образом, реально мы имеем дело лишь с тремя главными политико-идеологическими течениями.

Показательно, что политические силы, представлявшие центристские идеалы, с самого начала терпели поражение - и на первых, и на вторых выборах в Государственную Думу по партийным спискам. То обстоятельство, что на выборах 1995 года партия социал-демократов набрала всего 0,13% голосов, говорит о полной нестыковке социал-демократической идеи с российскими реалиями. Эта тенденция неприятия центристских позиций и по настоящее время сохраняется как среди партийных организаций России, так и в общественном сознании.

Период 90-х годов связан с усиливающейся социальной асимметрией российского общества, углубляющимися противоречиями между растущей, но крайне немногочисленной обеспеченной части россиян и многочисленными, уже отчетливо вырисовывающимися неимущими слоями, для которой наиболее болезненным оказалось ущемление чувства справедливости. Поэтому социальной базой коммунистов уже новой партии - восприемницы КПСС - КПРФ становятся не только социальные низы, но и те слои населения, которые ощутили переход из одного статусного состояния в другое. Подавляющая часть граждан, вопреки утверждениям «приватизаторов», не только не оказались собственниками, но и не смогли удержаться на той ступени социальной лестницы, на которой они находились до перестройки и реформ. Как свидетельствует исследование Российского независимого института социальных и национальных проблем, доминантами психоэмоционального состояния россиян в конце 1995 года были чувство стыда и ощущение несправедливости всего происходящего[41]. Причем эта проблема не только чувствуется россиянами, но и вполне четко осознается ими. Так, по данным исследования, проведенного ИСПИ РАН в начале 1995 года, респонденты, отвечая на вопрос об идеях, которые могли бы лечь в основу политики возрождения России, на первое место поставили идею справедливости (44%), далее следовали права человека - 37% и порядок - 36%, и т.д. На такую, казалось бы, бесспорную ценность, как мир, указали лишь 33%

[41] Массовое сознание россиян в период общественной трансформации: реальность против мифов. Аналитический доклад по заказу Фонда им. Ф. Эберта. М., 1996. С. 20 – 21.

опрошенных, что, по-видимому, означает: 11% населения готовы поступиться миром ради справедливости[42].

Характерно, что идея социальной справедливости не входит в число идей, которые находятся в арсенале российских демократических инициаторов реформ. Пресса этого периода отзывалась об этой идее крайне негативно, обвиняя уходящее поколение политиков в том, что «они провоцируют самое худшее в человеке, используя недавние предрассудки, и прикрываются вечной кровавой идеей справедливости»[43].

Вместе с тем протекание реформ демонстрировало массовое неприятие данной позиции утверждающихся на политической арене политических сил, так как она противоречила традиционными исканиям правды и справедливости, свойственным русскому народу.

Таким образом, в ходе реформ вырисовывались массовые социально-политические и идейные позиции, расслоение которых и закрепление за определенными слоями населения должно было стать социальной опорой рождающихся политических партий. В то же время понимание социальной справедливости, свойственной россиянам, могло стать и существенным фактором формирования и социального признания центристского движения в России, опорой гражданского согласия. Во многом этому могла бы способствовать последовательно проводимая государством и поддержанная политическими партиями в их программных документах эффективная социальная политика.

Потребность людей в справедливости естественна, как и потребность в свободе, в упорядоченных взаимоотношениях в рамках социума. В основе любого общественного устройства лежит та или иная идея справедливости, разделяемая большинством населения. Она составляет нравственный стержень общества, опору его ценностно-нормативной системы и правопорядка, фундамент, на котором строится общественное согласие. Российское же политическое пространство по мере развертывания реформ все в большей степени раскалывалось на противоборствующие группировки, и различные представления о социальной справедливости определили, в конечном счете, основной вектор дифференциации политических ориентаций населения, которые распределились между правым и левым спектром.

---

[42] Социальная и социально-политическая ситуация России: анализ и прогноз (первое полугодие 1995 г.) С. 76.

[43] Алексиев Н.С. Нас так долго учили любить человека с ружьем // Известия. 1996. 29 февр.

Девяностые годы ознаменовались процессами децентрализации и регионализации власти, усилением контроля со стороны местных органов власти избирательных процессов и партийного строительства[44].

В настоящее время в России 193 политические партии и общественно-политических движения. По политическому признаку в них отчетливо выделяется левый и правый спектры, причем принцип социальной справедливости по-прежнему находится на вооружении левых партий. Правые, отказываясь от данного принципа, заимствуют у Ф. Хайека и Л. Фридмана общие представления о либеральной концепции равенства возможностей в условиях перехода собственности из одних рук в другие, достаточно абстрактной в российских условиях, так как для людей важно именно конкретное наполнение принципа равенства возможностей в данных условиях.

Используют это понятие и президентско-правительственные круги, считая, что этот принцип должен реализовываться в более правильной социальной политике, хотя и не идут дальше риторических заявлений.

Сегодняшняя российская партийная жизнь достаточно многослойна. За этим просматривается формирование новых отношений собственности на основе того или иного способа разгосударствления прежней социалистической собственности. Однако решение этой проблемы не осуществилось справедливым для населения образом. Можно сказать, что смена отношений собственности и способы российского разгосударствления носили асоциальный характер. Это заложило основу того типа многопартийности, который стал в настоящее время российской реальностью и характеризуется отчуждением основной массы населения от российских политических партий и движений, которые пока еще не приобрели (или уже утратили?) свои демократические основы. Подобный тип формирования многопартийной системы создал проблемы взаимодействия общества и государства, так как практически отсутствуют возможности организации общественного контроля над его деятельностью. Принимаемые властью решения в этом случае неминуемо должны носить все более закрытый характер, что углубляет процесс отчуждения общества от государства.

Отличительной чертой всего периода 90-х годов было разрушение существовавших идеологических ориентиров при неспособности

---

[44] Холодковский К.Г. Парламентские выборы 1999 года и партийное структурирование российского общества // ПОЛИС. 2000. № 2. С. 52.

как власти, так и партий создать новые объединяющие нацию идеи, готовые примирить нацию с неизбежными трудностями переходного периода. В условиях такого идеологического вакуума был неизбежен выход на авансцену националистически ориентированных политических группировок, стремящихся увести массовое сознание от не решаемой пока проблемы в другую сторону.

Можно утверждать, что та из сторон, которая сумеет сформировать ценностно-нормативную структуру массового сознания и создаст такую идеологическую доктрину, которая будет соответствовать принципу социальной справедливости и начнет его практическую реализацию, окажется в итоге победителем. Нельзя не признать, что подобные основы партийного строительства - дело далекого будущего. В сегодняшней России вырисовываются другие основания для формирования и партий, и их социальной поддержки.

В нынешних условиях очень важно удержать общество в границе гражданского мира. Именно этой главной задаче и подчиняется стратегия развития политической системы, в том числе и процесс формирования многопартийности. Поэтому любые шаги, предпринимаемые властью в данной сфере, российское общество оценивает с точки зрения, вносят ли они позитивный вклад в выработку основы для достижения общественного согласия или, напротив, ведут к усилению радикализма массового сознания и поляризации общества. Сегодня стремление найти выход из кризиса усиливает в обществе настроения патернализма, ориентации на силу, способную обеспечить выход из кризиса и безопасность и стабильность. Эти настроения будут преобладать и в ближайшем будущем в связи с усиливающейся опасностью террористических актов на территории России. Этим объясняется рост рейтинга В.В. Путина. Созвучными настроениям масс оказываются ценности, провозглашенные новым президентом - патриотизм, державность, государственность и социальная солидарность.

В качестве вывода можно констатировать следующее. Этапы становления российской многопартийности выявили, что она не является системной, далеко сформировалась как системное образование, не отвечает общепринятым критериям демократии, важнейшие из которых - репрезентативность власти и ее ответственность перед обществом, наличие действенного общественного контроля за властью. Аналитики характеризуют ее как режимную систему, заместившую несформировавшееся государство при слабости гражданского общества. Ее характерными признаками являются: неоправданно большой объем полномочий исполнительной власти; манипулируемость парламента, слабость судебного надзора; сверхтесная связь между поли-

тической и экономической элитами; бесконтрольная концентрация экономической, собственно политической и информационной власти в руках узкого круга лиц из бывшей номенклатуры и новоявленных собственников, разбогатевших с помощью коррупции и других криминальных методов; наконец, гипертрофированное социальное неравенство в обществе как следствие проводимой политики.

Российский опыт 90-х годов показал, что наличие выборов и протопартий не гарантирует демократической практики и не снимает нового отчуждения между обществом и властью.

В политической культуре обществ продолжает преобладать образ лидера - защитника национальных интересов России, способного решить чеченский вопрос и разрешить кризис. Следовательно, в российском общественном сознании продолжают преобладать патерналистские устремления, ориентации на рост государственной власти. Дифференциация интересов больших социальных групп населения не стала основой политического плюрализма и партийного строительства. Поэтому в становлении политических партий преобладает технологический аспект: «раскручивание» образа лидера политическими технологами и средствами массовой информации, использование государственного и информационного ресурса при опоре на структуры региональной власти.

Раздел IV.
Общественные объединения в российском политическом процессе и их роль в активизации социальных слоев российского общества

Тема 11. Соотношение политического и социального развития

Политический процесс, осуществляемый в направлении воспроизводства общественного бытия в интересах общества как целого, социальных групп и личности, содержит выявление и реализацию этих интересов, стимулирование их осознания. Кроме того, в период трансформации происходит смена ценностных ориентаций населения, которое, получив возможность не только выражать свой интерес, но и влиять на правительство, корректируя его действия в группах давления, стремится сформировать в целом гуманистическую направленность действий власти. Наиболее эффективно эта задача осуществляется в общественных организациях и движениях, которые, с одной стороны, являются сферой накопления массами позитивного или негативного (если речь будет идти об асоциальных, антинациональных, фашиствующих объединениях) политического опыта, его коррекции и адаптации к новым условиям, с другой - сферой социальной самозащиты и выявления творческого потенциала людей. В общественных движениях выявляется состояние общества, степень его конфликтности и создается возможность снятия социальной напряженности.

Российская политическая наука, осмысливая составляющие российского политического процесса, имеет базу изучения общественных организаций и движений в советское время - многочисленных исследований профессиональных, молодежных (комсомольских, стройотрядовских), творческих (художественная самодеятельность) форм организации общественного интереса. Следует заметить, что советские общественные организации опирались на соответствующую идеологию, определившую направленность их деятельности в

сторону формирования «социалистического типа личности», отразили существовавшую тенденцию к обезличиванию социально-политических интересов, приведения общества к единому знаменателю в политических оценках и мнениях. В то же время это не снижало значимости созданных организаций социальных групп по профессиональному, возрастному и творческому признаками и было действенной формой трудового воспитания молодежи, выявления талантов (из художественной самодеятельности вышли многие лучшие советские актеры, режиссеры, певцы, танцоры, эстрадные актеры), социализации личности.

В российской и западной политической мысли вопрос о сущности общественных организаций связан с проблемой становления и функционирования гражданского общества; методологически его решение кроется в выявлении содержания социальных интересов и определении социальной структуры, тех групп, чьи интересы требуют своего выражения. В то же время следует отметить, что принятое в советской и перешедшее в российскую общественную науку понятие «общественные организации» не имеет достаточно четко осознанного содержания. Проблемы содержания и названия этих негосударственных образований существуют и в западной политологии. Принятое на Западе определение «неправительственные организации» (NGOs, Non-governmental Organisations), относится к частным организациям (объединениям, федерациям, союзам, обществам, группам), не учрежденным правительством или межправительственными соглашениями, но способным играть определенную роль в международных отношениях, ввиду своей деятельности. Члены этих организаций, которыми могут быть как индивидуальные лица (частные граждане), так и юридические лица, обладают независимым правом голоса. В том случае, если членство или деятельность организации ограничивается пределами определенного государства, можно говорить о национальной НПО, в случае же выхода за пределы одного государства - о международной НПО[1]. Правовой подход к определению общественных организаций, который в данном случае преобладает, позволяет отнести к ним и политические партии. В то же время политическая и социальная практика различных стран показывает недостаточность такого подхода к выявлению специфики подобного рода образований. Об этом свидетельствует потребность в разграничении понятий «общественное», «социальное» и «политическое».

[1] Джемшевски А. Роль НПО в вопросах по правам человека в Совете Европы// Журнал по проблемам правозащитного права. Т. 8. 1987. № 2 – 4. С. 273.

Принципиальным остается вопрос о различении понятий «общественное» и «социальное». В советском обществознании более употребительным были понятия «общественное движение», «общественная организация» в противовес политическим объединениям - партиям. В российском Федеральном законе «Об общественных объединениях» выделяются организационно-правовые формы общественных объединений: общественные организации, общественные движения, общественные фонды, общественные учреждения, органы общественной самодеятельности[2].

В западной политологии обсуждается проблема употребимости понятий «общественные» и «социальные» движения и организации. В целом, применяя их как синонимичные, западные ученые предпочитают понятие «социальные» движения (social movements), подчеркивая их не только не политический, но и не коммерческий характер.

Выделяя различные типы социальных движений, авторы включают в них такие разные явления, как лоббирование, революционные действия, религиозные движения, политический протест[3].

Осваивая западную методологию анализа социальных движений и организаций, отметим ее эклектический характер: опираясь на обширную общественно-политическую практику, авторы более ориентированы на изучение отдельных сторон проблемы, не создавая целостной картины общественно-политического процесса. Однако целостное видение более всего необходимо в таком обществе, как российское, ибо, только охватив взглядом истоки, причины, тенденции и основания общественно-политических организаций и движений, мы можем судить об их роли в обществе, месте в политическом процессе и значении для решения задач активизации общественного сознания и поведения. В то же время следует учитывать, что советскими учеными вопрос об общественных движениях освоен с марксистских позиций - изучения социально-экономических оснований этих движений. По мере усиления роли гуманизации общественных процессов и расширения представлений об обществе как множественности в единстве, появилась потребность в углублении анализа, дополнении его изучением влияния социокультурных факторов на общественные и политические процессы.

---

[2] Федеральный закон Российской Федерации «Об общественных объединениях». Комментарий. М., 1996. С. 31.

[3] Джордан Л. Группы давления, партии, социальные движения: есть ли потребность в новых разграничениях // Мировая экономика и международные отношения. 1997. № 1. С. 94.

Как было сказано выше, направленность политического процесса в сторону воспроизводства общественного бытия возможна при условии выявления и реализации социальных интересов. Принципиально важным в этом случае является ответ на вопрос о механизме, который может сделать этот процесс либо эффективно действенным, либо формально осуществляемым. Базой поиска ответа может, на наш взгляд, стать представление о содержании социального интереса, что, в свою очередь, требует определиться в том, какое содержание мы вкладываем в понятия «социальное» и «политическое».

Политика, как писала Х. Арендт, - коллективная общественная жизнь, включающая движение людей, обладающих частными потребностями, чтобы создать общественный мир, где каждый может сосуществовать с другими, не теряя свой идентичности. Характерное для неолиберальной теории высказывание заставляет задуматься, насколько полно представление западной политологии о коллективности и социальности. Обзор современной англо-американской литературы в недавно подготовленном издании «Политическая наука: новые направления», в учебнике по политологии, изданном в Оксфорде, позволяет судить о некоторых особенностях понимания социальности авторами данного региона, несомненно обусловленное реальностями политической практики и устройством западного механизма политической власти. Попытки объяснить общественное бытие человека укладываются в такие понятия, как «коммунитаризм» и «солидаризм»: первое, по мнению Дарендорфа, заменило понятие «коллективизм», второе - солидарность. Причину западные ученые видят в разрушении идеологических «скреп», которые играли такую большую роль в объединениях прошлого и даже в начале этого века. Им на смену приходит стремление к социокультурной самоидентификации - стремление к выражению интересов меньшинств и групп, разделяемых по половому, возрастному, религиозному и другим признакам. Усиливающаяся фрагментация общества ставит современные демократии перед необходимостью выражения интересов каждой из вновь образующихся групп. На социальную структуру современного общества наряду с экономическими все большее воздействие оказывают демографические, этнические, культурные, религиозные, сексуальные, военные, экологические факторы. Это принципиально меняет задачи демократии, структуру управления обществом. Необходимо учитывать также увеличивающуюся миграцию, вызванную усиливающимися межнациональными, межгосударственными связями, безработицей, ухудшающейся международной обстановкой и внутренним положением ряда стран, что приводит к образованию устойчивых групп людей,

объединенных общими интересами бытового, психологического, трудового плана. В силу неструктурированности таких потоков достаточно сложно создавать организации, выражающие и защищающие их интересы, тем более что недостаточно прояснен правовой статус этих движений. В процессах деидеологизации современная западная политология (Дарендорф, Ю. Хабермас) усматривает причину наметившейся тенденции формирования общества без партий в переориентации интересов с экономических на социокультурные - образование обществ без классов и страт, существующих лишь благодаря коммуникативным связям[4].

В конце 90-х годов XX века на Западе появляется обширная литература, посвященная проблемам трансформации российской социальной структуры и общественно-политической системы в контексте проблемы становления российской демократии и гражданского общества. Прослеживая эволюцию взглядов западных исследователей на российские перемены, А.В. Лукин выделяет работы П. Реддауэя, Дж. Кьеза, Т. Грэхэма, Ж. Уэдел, обозначивших новые подходы к российскому обществу как клановой, номенклатурной системе, в которой не может быть социальной структуры в силу его аморфности, исключающей классовое самосознание[5]. Этот же автор обращает внимание на пристальное внимание западных экономистов, политологов, социологов к изучению постсоветской действительности и недостаточную изученность этих проблем в российской научной литературе, которая достаточно противоречиво принимает эстафету от науки советского периода, создавшей базу объяснения политических процессов социально-экономическими факторами. Однако и в западной, и в российской науке отсутствует системное представление о современном российском обществе. Это затрудняет положение исследователя, изучающего реалии российского политического процесса как динамичного явления. Обращает внимание и характерное для западных источников анализа стремление выявить зависимости, идущие «сверху вниз» по вертикали российской власти, объяснить состояние российского политического процесса действиями политической элиты общества при достаточно незначительном внимании к социально-классовой структуре современной России. На наш взгляд, выявление динамики российской социально-классовой структуры

[4] Пшизова С.Н. Демократия и политический рынок в сравнительной перспективе // ПОЛИС. 2000. № 3. С. 10.

[5] Лукин А.В. Демократизация или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России // ПОЛИС. 2000. № 3. С. 66-75.

факторов, воздействующих на ее современное формирование, развитие и изменение интересов, существующих и создающихся в ходе социально-экономических трансформаций социальных групп российского общества, позволяет создать картину процесса социализации человека в российской социально-экономической и социально-политической среде и тех общественно-политических и партийно-политических объединений и движений, которые глубинно отражают эти процессы.

Изменения, происходящие в России с 1985 года, - экономические, политические и культурные - определили социальные и стратификационные изменения в структуре российского общества. Изменялись и социально-экономические, социально-политические и социокультурные интересы населения, однако менее динамично и последовательно. Причины этого явления российские исследователи усматривают в действии ряда факторов. Прежде всего - в консервативности сознания человека, отстающего от темпов внешних изменений и способного в эти периоды не осознавать свою новую социальную принадлежность, а лишь адаптироваться к происходящему, пытаясь самоидентифицироваться по отношению к отдельным проявлениям преобразований. Данное состояние общественного сознания было прослежено Т. Заславской в конце 80-х годов, когда основным критерием социальной дифференциация было выбрано отношение к перестройке[6].

На современном этапе российских реформ, когда существенно снизился уровень социально-политической активности населения при общей политизации общественной жизни, особенно важным представляется определить границы между социальным (общественным) и политическим, с тем чтобы, проводя грань между ними, определить действенность различных субъектов политического процесса, выявить, в каком случае они становятся таковыми и с какой целью включаются в политический процесс, что, в свою очередь, дает возможность установить, в какой мере граждане имеют возможность самостоятельно реализовать свои социальные интересы и путем воздействия на власть. В этом случае прослеживается связь образования общественных организаций со становлением гражданского общества и учреждением демократии.

Взаимодействие социального и политического начал проявляется в объективной социальности политического, во взаимодействии общественных и политических организаций, объединений и движений,

[6] Заславская Т. О стратегии социального управления перестройкой // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. С. 9-50.

взаимопередаче функций, а также в формировании общественно-политических организаций и движений. Оно происходит на широком общественном поле, где переплетение многообразных интересов дифференцируется и регулируется властью и выражается в том, что общественные объединения в определенных условиях начинают выполнять роль политического участия. Так, в гражданском обществе функционирование общественно-политических объединений представляет наиболее эффективный способ решения проблем отстаивания интересов непосредственно в политическом процессе, сокращая расстояние между действием, реакцией на него и его результатом. Общественно-политические движения и организации привносят в политический процесс социальное начало, представляя собой поле взаимодействия политического и социального.

Как было показано во втором разделе, власть в политическом процессе приобретает межгрупповой характер, выражая в лице государства волю всего общества. В свою очередь, общественные организации представляют собой непосредственные групповые действия социальных субъектов, объединенных общим социальным интересом, исповедующих общие социальные ценности и опосредованно связанные с властью через акторов, которые непосредственно входят в политическую систему в виде членов политических партий, депутатов парламента, служащих государства, членов правительства.

Общественные организации оказывают влияние на политический процесс в таком режиме власти, который допускает их к выражению (артикуляции) интересов в силу общественного договора между властью и обществом, механизма взаимного контроля и ответственности обеих сторон общественного соглашения. В этом случае взаимосвязь между политическим и общественным осуществляется в законодательном процессе, где общественные объединения непосредственно выражают общественные интересы, в исполнительном процессе, на который участники общественных движений оказывают влияние двумя путями: либо в качестве членов разного рода согласительных комиссий и совещательных органов, либо посредством различного рода акций. В судебном процессе как процессе разрешения конфликтов общественные объединения могут либо способствовать приведению конфликта к институциональному (действующему по закону или другим нормам), либо может способствовать переводу конфликта из институционального состояния и тем самым способствовать его возобновлению.

В системном подходе Д. Истона политический процесс представлен системой, получающей сигнал из окружающей (социальной) сре-

ды, «перерабатывается» в механизме власти - выработка и принятие решения, за которым следует реализация и контроль за выполнением решения. В гражданских обществах, где существует налаженный механизм общественно-политической деятельности и влияния общества на политику, общественные организации выполняют в политическом процессе две основные функции - снятия социального напряжения путем профилактики конфликта и выявления массовых интересов, ценностно-нормативной базы общества. Это дает возможность выявляться в ходе политического процесса приоритетным направлениям развития.

Российское общество - не гражданское общество, таковым ему еще предстоит стать. Это проявляется и в деятельности общественных организаций, в способах их формирования и функционирования. Российские политические субъекты, занявшие политическое пространство и активно действующие в российских политических институтах, не склонны делить политические пространство с социальными силами «снизу». Это не дает возможности выявиться и реализоваться интересам как общества в целом, так и его классов и социальных групп, что заставляет общественные движения России все в большей степени политизироваться, ведя борьбу за отстаивание своих интересов. С другой стороны, сложившиеся отношения между политическими субъектами, находящимися в верхних и нижних слоях политической иерархии, существенно тормозят развитие социально-политической активности населения. В силу несоответствия трансформационных потоков, которые идут от общества (замедленно) и от власти (ускоренно), процесс в целом замедляется, протекает неровно и непоследовательно.

Общественное и политическое в России в лице общественно-политических образований «снизу» и политической власти «сверху» разъединены и противопоставлены: массовые движения (митинги, забастовки, демонстрации) выступают как протестные формы, общественные организации как низовая инициатива - также оппозиционны по отношению к власти (речь идет о профсоюзах, движениях предпринимателей, женских, молодежных объединениях и т.д.). Подобная ситуация создает выход общественной энергии, направленной на критику правительства.

Вторая половина 80-х годов прошлого века - резкий подъем общественно-политической активности (формирование массовых народных, общественных, национальных, патриотических фронтов и их активная деятельность), который сменяется периодом политической институционализации - постепенного превращения в политические пар-

тии, как это было с общественно-политическим движением «Единство».

Взаимодействие политических партий и общественно-политических движений обеспечивает политической партии широкую и имеющую навыки организации общественную базу и обратную связь, которая создает возможности «социального контроля» и «социальной критики», а политическая партия обеспечивает общественное движение политической информацией о состоянии политической системы и возможности входа в эту систему. Надо отметить, что данный переход в российском политическом процессе осуществляется довольно стремительно («Единство» как общественное движение просуществовало несколько месяцев, а затем стало на путь образования политической партии), общественные движения в большей степени обслуживают избирательные кампании, что не позволяет этим организациям и движениям осуществить свои социальные функции выявления и выражения социальных интересов. Последнее затрудняется не только политизацией движений (по данным Минюста РФ на 1 января 1999 года, в стране зарегистрировано 141 общероссийское политическое объединение, но и ориентацией их на решение непосредственных, узко прагматичных задач: «Союз солдатских матерей», «В поддержку независимых депутатов», «Шахтеры России», «Российская партия защиты женщин» и др. Анализ программных документов движений позволяет выявить стремление структурировать и выразить разнообразные социальные, политические, экономические, духовные интересы, что также находит выражении в самоназвании организаций и движений. Вместе с тем, источниками движений являются, как правило, частные или корпоративные интересы, эффективность их деятельности значительно снижается бюрократизацией руководящего штаба движения.

Трансформация российских общественных объединений в политические партии происходит поэтапно. Предшествует этому преобразование общественного объединения в общественно-политическое - переходное или промежуточное звено между партией и общественным объединением, затем общественное движение либо расформировывается, либо реорганизует свою структуру, либо превращается в политическую партию. Общественно-политические объединения активно участвуют в политической жизни общества, переходя уже в составляющие политического процесса. Последнее и является, в сущности, одной из причин подобной трансформации: слабая развитость опосредующих субъектов влияния на власть с целью достижения результатов, отсутствие связи между властью и обществом в целом де-

лает власть и ее институты незаинтересованными в деятельности таких объединений. Сами же эти объединения лишены основных рычагов, при помощи которых они оказывали бы свое корректирующее влияние на власть, смогли бы способствовать реализации поставленных целей и отстаивали бы свои интересы. Только представленные в механизме принятия решений общественные объединения могли бы проводить там социальные интересы, создавая социальную заданность принятия решений и корректируя властные действия. Невозможность политического участия делает деятельность общественных объединений в России явлением бессмысленным, что и заставляет их активистов либо прекращать их деятельность, либо сливаться с партией, либо самостоятельно трансформироваться в политическую партию. Однако подобная трансформация лишает общественные движения их специфики, а тот интерес, который оно стремится выразить, реализуется лишь частично ресурсами политической партии-реципиента. Последнее приводит и к реорганизации структуры движения, так как партии имеют более жесткое строение, к потере, в силу этого, части членов движения. На смену неконкурентному отстаиванию своих интересов приходит свойственная политической партии борьба за власть, что оставляет проблему выявления, отстаивания и реализации интересов на втором плане - на первом оказывается стремление к власти. Поэтому помощь политической партии оказывается для общественного объединения более эффективной мерой, нежели его трансформация.

Источником появления новых общественно-политических объединений в России объективно является, с одной стороны, необходимость для членов общества быть представленными во власти, а с другой - выявить власти свои интересы. В переходный период этот процесс активизируется переоценкой ценностей и осознанием интересов основной массой общества.

В то же время характерной особенностью российского политического процесса оказывается выключенность россиян в своей массе из постоянной политической деятельности, которая, как уже отмечалось выше, носит дискретный характер в виде участия в выборах представительных органов власти разного уровня, в то время как активность общества в отстаивании собственных интересов крайне невелика и не носит постоянного характера. Это дает основание утверждать, что в России на данный момент отсутствует важнейшая составляющая гражданского общества - возможность осознания своих интересов, формирования ценностных ориентаций и конструктивного их выражения и отстаивания. Трансформационные процессы социального характера

в России осуществляются крайне медленно, несут на себе отпечаток прошлого строя, что выражается в социальных ожиданиях населения страны, ориентированного не столько на различные формы организованного и конструктивного участия в политике, сколько на протестное участие и выступления в качестве групп давления. Социальной пассивности в области организованного действия в России противопоставлена активность акторов политической системы, где сформировалась, по утверждению О. Крыштановской, плеяда молодой, энергичной элиты. Политические акторы российской политической системы обретают силу, распоряжаясь и монополизируя политическую информацию и имея прямой доступ в политическую систему, благодаря сложившимся ранее связям и установлению в настоящем новых личных контактов.

Однако было бы неверно утверждать, что промежуточное положение между общественным и политическим общественно-политических объединений имеет только негативное значение. Некоторая изоляция общественного и политического процесса в нашей стране предотвращает конфликтное столкновение в политическом поле большого числа социальных групп с новыми ценностными ориентациями и интересами, рождаемыми трансформационными процессами, и восприятие их не происходит настолько болезненно, чтобы вызвать глубокие социальные и политические конфликты. Необходимо учитывать и неустоявшуюся нормативно-правовую базу российского политического процесса, что, при доминировании общественно-политических движений, могло бы привести к колоссальному давлению на государство и на неустойчивую российскую политическую систему, давлению, чреватому либо ответными санкциями государства, либо социальной анархией.

Взаимодействие политических и общественных процессов в России носит противоречивый характер, что подтверждает противоречивость политического процесса в переходный период. В такой ситуации общественные движения, действуя в диффузной зоне, выполняют функции возмещения, способствуя более плавному взаимодействию общественного и политического. Становление и упрочение политической системы, и особенно правового государства, позволит общественным движениям выполнять более характерные для них функции. Трансформация российского политического процесса с его организационной стороны, таким образом, включает: формирование массовых общественно-политических движений (период 1987 – 1989 гг.), образование общественно-политических организаций, появление первых партий и создание многопартийной системы, «вхождение» партий во

власть в виде фракций в парламенте, фракционная деятельность и объединение фракций, создание парламентских групп.

Интегрированность и взаимодействие общественных и политических процессов не исключает и их разделения таким образом, чтобы на основе этого разделения было возможно определить специфику каждого и типологизировать их. Проблемы обеспечения взаимодействия политического и общественного начал в российском политическом процессе имеют несколько источников. Прежде всего, трудность «возвращения» политического процесса к его общественным истокам проходит через осознание необходимости подобного воссоединения как политическими лидерами, так и населением. Первые ангажированы политическими амбициями, борьбой за власть и озабоченностью ее легитимизации. Все узловые моменты развития политической истории России конца XX века связаны с конфликтами во властной системе страны: столкновение исполнительной и законодательной властей, избирательные кампании 1995 - 1996, 1999 – 2000 годов, борьба «партии власти» и «партии денег», и т.д. Вторых ограничивает негативное отношение к российской политике, как источнику прежде всего социальных проблем.

Однако возникающее в практике противопоставление не может исключить того факта, что политические процессы по своему происхождению в истории человечества, направленности и результатам представляют собой социальные явления. В то же время социальные процессы постоянно политизировались. В период классовых войн это было вызвано подавленностью властью народа, лишенного прав. Западная политология, вводя понятие законности, которая является условием достижения свобода и равенства, тем самым делает общественное фокусом политического. Тема общественной политизации становится ведущей в работах англо-американских политологов последних лет и анализируется в рамках теории правового благосостояния, теории справедливости, теории демократии, либерализма и коммунитаризма, политической теории феминизма, постмодернизма, концепции рационального выбора: систематизируются общественные движения последних лет, рассматривается деятельность государственных институтов и изучается общественная база политических объединений. В целом все они объединяются общей идеей расширения круга требований современных общественных движений и необходимостью его обоснования. Это движения в защиту окружающей среды, за мир, национальное освобождение, феминизм, в основе которых находятся устремления к общественной законности, справедливости, демократии.

В последнее время в западной политологии различаются и «традиционные» и «новые» социальные движения: если первые имеют значительную социальную базу и отражают классовый конфликт, то вторые - проблему жизненного стиля и потребления. Они получили название «новых» движений по нескольким причинам. Во-первых, в силу того, что им не требуется увеличения ни гражданских, ни экономических прав. Их общественное самоопределение происходит в рамках культурного плюрализма и ответственности. Кроме того, новые общественные движения концентрируют интересы узких социальных групп, создавая свои собственные формы организации, не копируя политические формы партий или союзов. Как мы увидим ниже, в России ситуация - прямо противоположная: переходной формой выражения социального интереса здесь является его политизация, как и политизация его организационного оформления.

Движения, в отличие от организаций, имеют дело с менее формальными и менее организованными формами политического участия. Предполагается, что различие между «сетями индивидов» и группами интересов основывается на более четкой организации последних. Однако такой известной организации, как Гринпис, не свойственно формализованное членство. Социальные движения не похожи на организации, подобные промышленным и торговым организациями, близки скорее «целевым» группам, защищающим чьи-либо интересы. Следовательно, ряд западных ученых в социальных группах склонны видеть не столько группы интересов, сколько подтип группы давления или некую протогруппу интересов, а социальные движения связывают с желанием граждан участвовать в них.

Интересным направлением исследования западных политологов является изучение народных движений туземцев как вида социальной активизации населения в обществе, переходящем в цивилизованную фазу развития. Учитывая современное положение народов Крайнего Севера и Сибири, не исключено, что России еще придется столкнуться с вариантами общественно-политической активности населения своих окраин. Тогда вплотную встанет вопрос об удовлетворении их потребности в правовом обеспечении существования, в свободе и справедливости. Существующие в западной науке теории общественных и политических движений затрагивают и их взаимоотношения с государством. В рамках исследуемой проблемы деятельность последнего рассматривается как технизированная, неполитическая по причине своей оторванности от общества. Вводимое понятие гражданского общества позволяет определить сферу, где политика из технически рациональной (что искажает реальную жизнь) превращается

в свободную, совещательную. Признаком гражданского общества в этой интерпретации и является наличие прежде всего добровольной ассоциативной деятельности, массовых гражданских ассоциаций, неприбыльных организаций по оказанию услуг (некоммерческих организаций), и т.д. Расширение общественных сфер гражданского общества происходит в условиях усиления бюрократизации государственной машины и давления со стороны государства - тогда не только активизируется общественная сфера, но и появляется критика государственной политики. Теория гражданского общества существенно уточнила представления о политике как общественном действии и участии и усилила критику государства, не отрывая, впрочем, одну от другой эти две ипостаси современного общества.

Анализируя представления западной социологии и теории политики о политическом и социальном, можно заметить широкую трактовку политического как участия и гражданского действия. Переход из общественного в политическое совершается почти незаметно по ряду причин. Прежде всего в силу того, что общественные организации и движения, проводящие в своей деятельности групповое интересы, постоянно выходят на более широкий круг требований, выходя за пределы, обозначенные положением и устремлениями групп, подключая к решению своих проблем все более широкий круг участников из различных слоев населения, формируя общественное мнение вокруг своих проблем. Вместе с тем, в странах «устойчивой демократии» (США, Великобритания) существует развитый механизм, который обеспечивает связь общественных движений с государственными структурами через организации-посредники, свое лобби в парламенте и «своих» конгрессменов: посредники разрабатывают предложения, альтернативные правительственным, и, даже не подкрепляемые партийной поддержкой, имеют возможность активно влиять на политические решения.

Взаимодействие социального и политического обнаруживается и в том, что в политических процессах активизируются политические институты и политические субъекты, социальные по своей сущности. Политический процесс вызывается к жизни разнообразными, социальными по своему характеру интересами. Различия же касаются способов выражения интересов в политическом и социальном процессах, их содержательной наполненности. Выражением интересов политических субъектов становится их активная деятельность по достижению политической власти и ее легитимизации, при которой субъекты используют возможности прямого доступа к разным политически институтам и политической системе в целом. Интересы социально ак-

тивных людей заключаются в стремлении донести до членов общества или определенной ее части социально значимые интересы и ценности (благосостояния, условий и характера труда, образа жизни, воспроизводства рабочей силы и т.д.). Необходимость отстаивания социальных интересов и ценностей приводит к социальной мобилизации, сплочению общества, что особенно важно, когда происходит переоценка ценностей и появляются новые социальные интересы. Выражение социального интереса представляет собой социальную работу, осуществляемую силами самого общества (социальная мобилизация). Участники социального процесса в лице общественных организаций стремятся к удовлетворению своих интересов, сохраняя или изменяя сложившуюся в обществе ситуацию, используя при этом социальные ресурсы (ресурсы самого общества). При этом осуществляется процесс социализации - приобщения к осознанию социальных интересов каждого члена данного общества. Политические субъекты, опираясь на ресурсы самого политического процесса («правила игры», установившиеся в данной политической системе, политические нормы и ценности, властные ресурсы и т.д.), к своей социальной базе обращаются только при необходимости легитимизации власти и изменении сложившихся политических норм, ценностей и политических институтов.

Содержание политического интереса включает в себя интересы той социальной группы, представителями которой являются политические субъекты и которые они стремятся выразить в своей политической деятельности. Отличие здесь лишь в том, что частный и корпоративный интерес политическими субъектами выражаются через общий, национальный, и в каждом единичном и особенном интересе выражается общий интерес. Отсюда (при условии сформированности и осознанности интересов субъектами политического процесса) - и возможности активного политического участия, и создания многообразных общественно-политических объединений, организаций и движений. Осознанный интерес проявляется в политическом действии, где происходит их реализация, создании политического института - инструмента реализации интересов и, наконец, завершается достижением результата - удовлетворением потребности. Каждый индивид, вступая в общность, может определить для себя, какой интерес является общим для нее, и осознать, что реализация данного интереса и для него в данный момент важна и необходима, следовательно, индивид осознает интерес группы. Реализация интереса, таким образом, важна не только индивиду, но и группе. Поскольку представления здесь складываются как общие: индивид знает, как мыслит каждый

член группы по поводу их интереса - возникает некоторая общая составляющая группового сознания: группа осознанно и объективно объединяет общий интерес. Мобилизацию порождает угроза реализации интереса: группа активно действует и сплачивается для того, чтобы отстоять свой интерес. В крупных обществах с устойчивыми характеристиками (нормативно-ценностными установками, обусловленными общими принципами, общая культура, длительность совместного существования) достаточно сложно выделить общие механизмы и этапы активизации общественного сознания и поведения в этих группах. Кроме того, цели, которые поставили те или общественные объединения, не могут быть в равной степени осознаны основной массой членов группы в силу их удаленности друг от друга

Взаимодействие общественного и политического требует институциализации, что приводит движение в определенные рамки, позволяет контролировать его течение и развитие. Это взаимодействие позволяет избежать перенапряжения политической системы: резкой смены существующих элементов политической системы, государственного устройства, сверхактивизации масс и сверхконтроля, в случае монополизации определенной структурой функции контроля, присвоения ею права определять своей деятельностью уровень стабильности социально-политической системы.

Источником стабилизации в этом случае может быть относительно автономный институт, определяющий нормы взаимодействия социальных и политических процессов и институтов и осуществляющий внешний контроль за их реализацией.

Речь идет о правовых институтах, нормативно-правовой базе, регламентирующей отношения объединений. Их возможности обусловлены особенностями права как универсальной нормы, в которой заложено общечеловеческое начало и которое определено уровнем регулирования данного общества.

Источниками права в юридическом смысле являются любые акты, принятые субъектами правоотношений и порождающие правовые последствия, охраняемые государством. В системе права есть место для подзаконных нормативных актов, существование которых никем не оспаривается. Более того, очевидно, что источники права, происходящие из иных, нежели государство, субъектов правоотношений, на современном этапе относятся именно к локальным нормативным актам. Их связь с государством чаще всего базируется на конституционной или международной норме, устанавливающей общий принцип этой связи.

Система источников правовых норм об общественных объединениях включает международные договоры и другие международные документы, имеющие силу на территории России, Конституция Российской Федерации, федеральные конституционные законы, федеральные законы, нормативные правовые акты, в том числе законы субъектов Федерации, Указы Президента Российской Федерации, постановления Правительства РФ, ведомственные нормативные акты, корпоративные (легальные) нормативные акты общественных объединений, договоры, акты судебной власти. Приоритетная роль принадлежит Конституции, однако, как отмечает С.С. Юрьев[7], Федеральный закон от 14 апреля 1995 года не содержит даже упоминания о возможности правового регулирования общественных организаций на уровне субъектов Федерации, очевидно, в силу того, что закон готовился еще до принятия Конституции РФ. Необходимо учитывать также, что в прошлом в автономных республиках, краях и областях воспроизводились нормы республиканского законодательства, и на федеральном уровне еще не достигнут баланс в полномочиях между Федерацией и ее субъектами.

В настоящее время в субъектах Федерации формируется правовая система «второго» уровня, состоящая из конституций (уставов), законов и иных нормативных правовых актов. Закрепляемые в них нормы - новые источники права, зачастую имеют практическое значение для общественных объединений. Так, в Москве и Московской области принят ряд нормативных актов, касающихся функционирования общественных объединений. При этом наблюдается и опережение федерального законотворчества: в Республике Саха (Якутия) уже приняли закон об общественных объединениях[8]. В настоящее время нормы, регулирующие те или иные аспекты организации и деятельности общественных объединений, имеются в большом количестве ведомственных нормативных актов. Прежде всего, это акты Министерства юстиции РФ, регулирующие процедуру регистрации общественных объединений. Существует массив нормативных актов Министерства финансов РФ и Государственной налоговой службы РФ, определяющих формы учета материальных ценностей и исполнение налоговых обязательств общественными организациями. К определению правового статуса этих организаций имеют отношение и некоторые ведомственные нормативные акты, выпускаемые Министерством

[7] Юрьев С.С. Правовой статус общественных объединений. М., 1995. С. 180.

[8] Там же.

труда РФ, Центральным банком РФ, Государственным комитетом РФ по управлению государственным имуществом, Государственным таможенным комитетом РФ, иными органами исполнительной власти.

В Российской Федерации имеется обширная правовая база, регламентирующая деятельность общественных объединений, посредством которых осуществляется взаимодействие общественного и политического. Правовые институты взаимодействия политического и общественного достаточно развиты, хотя эффективность деятельности этих институтов недостаточна.

Другим институтом взаимодействия общественного и политического являются институты административные. Общественное и политическое в данном случае взаимодействуют в рамках государственной власти и местного самоуправления, т.е. вовлечены в процесс представительства: административные органы функционируют в политической системе общества (политические начало) и при этом отстаивают интересы тех слоев общества, представителями которых они являются (общественное).

Оба института взаимодействия политического и общественного имеют свои сильные и слабые стороны.

Правовые институты относительно автономны и могут разрастаться, стремиться к регулированию всех возможных моментов взаимодействия политического и общественного. Это может привести к тому, что социальные и политические акторы, чтобы избежать столкновения с нагромождениями нормативно-правовой базы, мешающей реализации их интересов, будут стремиться выйти из правового поля. Для того чтобы решить данную проблему, необходимо определять качество правовой базы в области взаимодействия общественного и политического, создавать соответствие местных (локальных) законов, подзаконных и других правовых актов федеральным. Такое соответствие делает предсказуемым поведение правовых институтов на всех уровнях взаимодействия.

Административные институты взаимодействия общественного и политического тоже могут нарушить нормальное взаимодействие общественного и политического. Это происходит в том случае, когда нарушается связь между социальной базой власти и властными функционерами, если, войдя в политическую систему, они теряют связь с теми, кто их выбрал. Кроме того, административные органы включены в жесткую иерархическую структуру, систему коллективной ответственности, которая нарушает их автономность и снижает эффективность деятельности. Решение данной проблемы - в развитии социальных связей общества и его представителей в политической систе-

ме. Эту проблему в советской системе решал институт отзыва депутата, в постсоветский период - общественно-политические объединения. Другим решением проблемы является социальная или общественная самомобилизация. Эту проблему в СССР решали так называемые неформальные объединения, получившие распространение в 60-е годы в начале «оттепели», объединявшиеся по принципу культурно-цивилизационной альтернативы (хиппи, панки, несколько позже - металлисты, экологические движения, движения правозащитников - диссидентов). С 1986 года (Клуб социальных инициатив, Москва) они дополняются движениями и организациями, формируемыми по принципу идейно-политической альтернативы, национально-патриотическими, культурно-патриотическими, политико-конфессионными и движениями гражданских инициатив, распространяемыми по всей территории Советского Союза: национально-патриотическое объединение «Память», историко-политический клуб «Община», группа «Свобода эмиграции для всех», Московская общественная правозащитная организация, «Гражданская инициатива», группа «Мемориал», «Активисты демократической перестройки», «Демократический союз», «Народное действие», «Демократическая перестройка», Федерация социального объединения, «Экология культуры: теория и практика», «Космос», «Гласность», «Союз верующих социалистов», «Федерация общего дела», «Гражданское достоинство», «Экспресс-хроника», Инициативная группа МГУ, «Товарищество по охране памятников истории и культуры» (Ярославль), «Инициативная группа добровольных реставраторов», «Вахта мира», (Новгород), «Коммуна» (Псков), ленинградские группы «Центр творческих инициатив», «Эра», «Аделаида», «Гласность», отделение «Перестройки», «Спасение», «Человек», «Рабочая группа культурно-демократического движения», «За увековечивание памяти о жертвах репрессий», клуб «Демократизация профсоюзов», ФРАМ (Ростов-на-Дону), «Аргумент» (Новороссийск), Комитет содействия перестройке (Красноярск), «Возрождение» (Саратов), «Рабочий» (Свердловск), Фонд молодежных инициатив (Челябинск), «Эколого-этический союз» (Красноярск), «Союз патриотических объединений Урала и Сибири» (СПОУиС), «Демократизация» (Полтава), «Талаки» (Минск), «Гояпахпанутюн», «Зангакатун» (Ереван), группы в Калининграде, Сочи, Омске, Йошкар-Оле, Туле, Рязани, Иваново и др. С 1987 года образуются народные, национальные и патриотические фронты: Байкальский народный фронт (1987 г.), Народный фронт в Ярославле (1988 г.).

Самомобилизация осуществляется на том этапе общественно-политических процессов, когда в них отражается стремление группы или индивида к самореализации и начало формирования разнообразных социальных интересов. Она получает выражение в том, что первые объединения не порывают окончательно ни с предыдущей идеологией, ни с организационными формами, ни с функциями общественных движений советского времени, одновременно осуществляя поиск новых идей и форм их выражения. Этот процесс сопровождается резкой критикой советской системы в организациях и движениях «неформалов» и попыткой некоторых из них найти определенный компромисс с советскими, партийными и комсомольскими организациями, определить или занять свое место в существующих структурах и даже влиять на их деятельность или решения. В 1988 году в Свердловске организуется конференция «Встреча-диалог», в которой участвуют представители обкома ВЛКСМ, «Советская социологическая ассоциация», «Союз содействия перестройке», «Отечество», «Клуб турборемонтного завода», «Митинг – 87» и еще около 30 организаций. В июне 1988 года в Москве проходит конференция общественных организаций, посвященная выработке «общественного наказа» к XIX партийной конференции и созданию Московского народного фронта. В апреле 1989 года в Москве образуется Московский депутатский клуб по инициативе «независимых» депутатов от Москвы по Демократическому избирательному блоку (Г. Попов, Т. Гдлян, Б. Ельцин, А. Сахаров, С. Станкевич и др.) с целью объединить в особую группу на I съезде народных депутатов СССР демократически ориентированных депутатов СССР и разработать альтернативные варианты регламента работы Съезда, проектов решений и т.д. На одном из заседаний съезда была создана Межрегиональная депутатская группа, в ее состав на съезде вошли 150 депутатов из числа разделявших взгляды Московского депутатского клуба.

Некоторые из формирующихся организаций и движений прямо вырастали из советских, партийных и комсомольских структур, которые нередко брали в свои руки управление ими: в феврале 1989 года формируются местные организации общества «Мемориал», получая тем самым общественное признание, а весной - летом в их создании начинают участвовать официальные структуры - КГБ, исполкомы Советов, партийные и комсомольские органы. В этих процессах участвовала и пресса - центральная и местная. Таким образом, при участии региональных газет в январе 1989 года в Москве был образован Общественный комитет спасения Волги (ОКСВ).

Свидетельством хаотической децентрализации власти, по мнению А. Магомедова, является распад к концу 90-х годов образовавшихся в начале десятилетия организаций («Большая Волга», из которой вышли республика Марий Эл, Калмыкия, которая присоединилась к Северо-Кавказскому региональному союзу, и Татарстан, который вошел в Ассоциацию нефтедобывающих районов России). Неустойчивость образовывающихся союзов дает автору основание утверждать, что эти структуры неустойчивы и не могут играть роль в институционализации конфликтов между центром и регионами[9].

Происходящий в центре и на местах процесс развертывания гражданских инициатив в целом отличается усиленной динамикой, что, в свою очередь, проявилось в обнаружившемся к концу 80-х годов стремлении к самоопределению, отмежеванию от партийно-комсомольских и советских органов, в разделении, слиянии и создании новых организаций и движений. Уже в самом начале движений, в 1987 году, произошел раскол координационного центра культурно-демократического движения «Эпицентр» в Москве, в 1988 году - единого национально-патриотического движения «Память», Клуба социальных инициатив, в 1989 году - раскол группы «Гражданское достоинство» по вопросу о создании оргкомитета Конституционно-демократической партии, в этом же году Межклубная партийная организация разделилась на «конформистское» крыло, стремившееся к сотрудничеству с МГК КПСС, и радикальное крыло, настаивавшее на независимой от МГК позиции (из последнего образовался Московский партийный клуб «Коммунисты за перестройку»). Причинами расколов являлись идеологические разногласия и способ их выражения (компромиссный и радикальный), а также - раздел и передел власти между руководителями объединений на фоне деклараций о движении за самоуправляющееся демократическое социалистическое общество.

Таким образом, на первом этапе (1986 – 1989 гг.) общественно-политические движения в стране отличались особенностями, характерными для начала процесса: осуществлялись в рамках советской политической системы и существовавшей системы отношений, от которых стремились оттолкнуться, сохраняя в то же время тесные меж-

[9] Магомедов А. Мистерия регионализма. Региональные правящие элиты и региональные идеологии в современной России: модели политического воссоздания «снизу» (сравнительный анализ на примере республик и областей Поволжья) М.: Московский общественный научный фонд; Издательский центр научных и учебных программ, 2000. С. 63.

личностные и традиционные связи, оформлялись в виде общественных и политических клубов, комитетов, организаций, обществ, движений, «партий», «фронтов», митингов. Периодически проходившие на этом этапе конференции, дискуссии и диспуты вовлекали в процесс обсуждения значительное число участников, новыми формами проявления общественных инициатив было охвачено все географическое пространство СССР, наконец, выражение общественных интересов в основном происходило организованным порядком. Вопрос о преемственности общественных движений второй половины 80-х годов не заканчивается утверждением об их связи с организационными формами советского периода, но требует поиска предтеч той политической критики, которая отличала первые года переходного периода. Формами оппозиции официальной власти в советский период были движения 1965 – 1983 годов: национальные, религиозные, культурные, политические, правозащитные. Однако и объективно и субъективно эти движения не могли служить источником альтернативных движений второй половины 80-х и 90-х годов. Повторяя и расширяя аргументы самих участников этих движений, подчеркнем следующее: существовавшая в СССР цензура не позволяла распространять информацию об этих движениях, «отцы перестройки» нигде не упоминали о себе как о преемниках диссидентских, неформальных движений советской эпохи, движение было слишком малочисленно, государство владело всей совокупностью средств для разгрома этих движений - правовых[10], репрессивных в виде арестов, ссылок, запрета на издания, преследования в средствах массовой информации, использовании психиатрии в политических целях, военных. Малочисленность участников этих движений, занимавших небольшие географические пространства, не создавала возможности охвата влиянием широких слоев российской общественности, формирования социальной базы движений, организованных узким кругом творческой и научной интеллигенции, студентами.

Характерной чертой отношения населения к этим движениям было полное отсутствие их массовой поддержки. Идеология перестройки выковывалась в верхах советской властной пирамиды. Правозащитное движение выражало *общественную* и в то же время глубоко личную *позицию* тех, кто в нем участвовал, но не интересы определенной социальной группы или групп. Советское диссидентство было движением в защиту идей, но не социальных интересов. Это отразило

[10] Указ Президиума Верховного Совета РСФСР о дополнении Уголовного кодекса ст. 190-1, 190-2, 190-3.

неструктурированность общественного сознания социальных групп, в формировании которых, как отмечает В.И. Ильин, большое значение имела идеология. В СССР сформировалась социальная структура, которая, помимо экономических корней, имела и социокультурные, и идеологические основания. Особенности существования и развития социальных групп в советской социально-классовой структуре не позволяли утверждать, что эти интересы дифференцированы и осознаются социальными группами и индивидами. Осознание общественных интересов замещало осознание социально-групповых и классовых. Этому способствовала официальная идеология, формировавшая идеологемы: «советский народ - новая историческая общность людей», «советский человек - патриот и интернационалист». В формировании общественных ценностей государство и партия участвовали всей системой пропаганды, агитации, образования и воспитания, средствами массовой информации, искусством. Общественное сознание приучалось к восприятию масштабных ценностей, содержание которых было подсказано верхними эшелонами власти. Это играло позитивную роль в укреплении государства, создавало социальную базу партии, стабилизировало общество и нашло отражение в создании и деятельности массовых общественных организаций - молодежных, профсоюзных, творческих. Через творческие организации осуществлялось проведение официальной идеологии, через профсоюзные движения осуществлялся контроль за трудовой частью населения - на фоне запрета альтернативных и оппозиционных движений.

Принимая типологизацию организаций на механистические и органические, отметим механистический тип организаций в Советском Союзе. Некоторые специалисты считают механистический подход синонимом веберовской бюрократической организации, которой свойственная универсальность, предсказуемость, производительность. При определенных условиях это позволяет организации добиться успеха в реализации собственных планов. Успех обусловливается следующими факторами: в организации известны общие цели и задачи, работа в ней делится на отдельные операции, цели организации достаточно просты, поэтому их можно выполнить за счет централизованного планирования, выполнение работ индивидом достоверно измеряется, власть руководителя признается как законная, а мотивация персонала производится материальным вознаграждением. Последнее в советских организациях нередко заменялось моральным вознаграждением.

В существовании и деятельности общественных движений и организаций советского общества постепенно выявлялось противоречие,

которое проявилось в первые годы перестройки и дало себя знать в образовании и деятельности массовых общественных движений и организаций типа народных, патриотических, национальных, отечественных фронтов, в целом способствовало росту социальной активности населения. Участие в общественно-политических организациях и движениях советского периода, формировавшее навык организационного и дисциплинированного участия в общественной деятельности в силу своего механистического характера постепенно приобретало формальный характер, что не могло не снижать социальную общественную активность широких слоев населения, поэтому так бурно развивались в конце 80-х годов те общественные формы организаций и движений, которые носили принципиально инновационный характер и по форме и по содержанию, так как сосредоточивали низовую социальную энергию. С другой стороны, системность и организованность населения в советское время создавали такие навыки организационной работы в массах, которые обеспечили организационные формы движений перестройки и пятнадцать лет относительно «мирного» цикла перехода. События в Румынии, Молдавии показали другие варианты развития событий.

Таким образом, движения 80-х были в большей степени преемниками неформальных движений советского периода, чем правозащитных движений этого же времени, и отразили способность населения к самоорганизации на базе той «привычки» к организации, которая была воспитана предыдущим режимом.

На региональном уровне истоками общественной активности были, как правило, разногласия руководителей движения с местными органами власти, носившие нередко личностный характер, хотя нельзя отрицать и стремление организаторов движений к решению важнейших местных проблем: отсюда - экологический, культурологический, историко-краеведческий и охранный характер деятельности этих организаций и движений.

К началу 90-х годов период распада прежней политической системы и нового исторического поворота политического процесса совершался в многообразных формах народных инициатив, неудачных и замедленных попыток самотрансформации партийных, комсомольских и советских организаций. К формам народных инициатив относилось: создание социально-политических клубов, разворачивающиеся массовые национальные, патриотические, историко-культурные и идейно-политические движения (2 июня 1987 года - начало кампании крымских татар, с этого же года - образование Байкальского, а затем в последующие несколько лет - народных, национальных, отечест-

венных фронтов), появление правозащитных организаций. Исследователи отмечают, что в поисках организационной и идеологической опоры в постсоветский период создаются этнические, конфессиональные объединения (ассоциации, движения, землячества, конгрессы, съезды, общины, форумы) легитимного и нелегитимного плана, которые существенно потеснили гражданские (государственные) формы объединения людей с различными интересами и национальными и религиозными принадлежностями[11]. Исключение государства из процесса социальной идентификации приводит к социальному распаду: продолжающийся процесс социальной дифференциации приводит к углублению социальных противоречий, которые, не получая разрешения институтом, выполняющим интегративные функции, приобретают хронический характер.

Объединения, движения, фронты обнаруживали слабую структуризацию социальной базы и, следовательно, невыявленность дифференцированного социального интереса. Организации, объединения и движения, формирующие демократические идеи, противопоставлены официальным структурам. Попытки ввести новые общественные движения в русло советской политической системы обнаруживаются в стремлении придать им правовой статус: 30 июня 1987 года в СССР принимается Закон «О всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни», где провозглашается расширение реальных возможностей для каждого гражданина на участие в управлении государственными и общественными делами, в обсуждении проектов законов и решений общегосударственного и местного значения, крупных вопросов общественной жизни, выносимых на обсуждение общественными организациями. Эта деятельность рассматривается как дальнейшее углубление социалистической демократии.

Второй этап развития общественных движений и организаций в России начинается с 1990 года - образования первых политических партий и их активного включения в политическую жизнь страны, в которой после ликвидации КПСС выделяются партии, структуры, обслуживающие партии, с одной стороны, общественные движения - с другой. Между ними устанавливаются односторонние связи: общественные движения - общественные движения, общественные организации - общественные организации, партии - партии. Разрабатываются в основном внутриструктурные взаимосвязи, но слабо - межструк-

[11] Губогло М.Н. Этничность. Конфессиональность. Гражданственность. ЭКГ России // Россия в условиях трансформаций: Историко-политологический семинар. М.: ФРПЦ, 2000. С. 6, 7.

турные. Особенно серьезной проблемой является отсутствие связей общественных организаций и движений с государством, а следовательно, возможностей влияния их на власть и контроля власти. Поэтому понятно наше внимание к западному опыту, демонстрирующему достаточно обширные возможности прежде всего в плане институционализации социальной потребности, оперативности отслеживания властных решений, реакции на них и проведения своих интересов в парламентские и правительственные структуры. Этому способствует: наличие гражданских инициатив позволяющих создавать организации-посредники между государством (правительством) и обществом, соответствующие общественные организации, где происходит выявление и проявление социального интереса; наличие у общественных организаций «своих» лобби в парламенте, при помощи которых они могут влиять на «своих» депутатов подсчетом приблизительного числа голосов, которые депутат не получит, если не будут выполнены соответствующие требования общественной организации. Следовательно, для реализации социального интереса, в данном случае, существуют соответствующий уровень политической социализации, позволяющий осознать и сформулировать интерес в соответствующих организациях, правовые институты и коммуникативные отношения между государством и общественными организациями, через которые осуществляется связь государства с обществом. Происходящие изменения носят внутриструктурный характер: политический процесс может расти вширь, с тем чтобы новые социальные потребности получали новую институционализацию, и вглубь, осуществляя поиск более качественных способов выражения этих потребностей.

В период разрушения старых политических структур и накопленного в течение последнего десятилетия опыта формирования и проявления общественных инициатив динамикой российского политического процесса в этой сфере является превращение общественных инициатив в гражданские на основе обеспечения общественных движений и организаций прочной правовой базой, формирования приоритетных социальных интересов и ценностей, их выявление в создаваемых формах общественных движений и организаций. Здесь велика роль прежде всего российской общественной науки, определяющей закономерности, направления и пути развития общества, разрабатывающей на основе имеющейся базы данных модели его развития в рамках научных сообществ неправительственного типа и дистанцированных от официальных структур, способных тем самым к созданию альтернативных правительственным программ социально-

экономического развития страны. Это позволит обеспечить ***научный контроль*** за мероприятиями власти. Эту функцию может взять на себя Российская ассоциация политических наук в силу своего определенного авторитета и имеющихся международных связей, что позволит ей информировать международное научное сообщество относительно соответствия проводимых правительством мероприятий правам человека. На настоящий период это может быть комментарий Правительственного проекта ГЗоТ, нормативно закрепляющего нарушения прав человека в сфере труда и узаконивающего невыплату заработных плат, увольнение работника по произволу работодателя. Ученые-политологи могут развернуть дискуссию в СМИ, широко информировать общественность России о своих альтернативных предложениях, готовя общественное мнение относительно деятельности правительства и оппозиции. В силу коррумпированности российской власти, средств массовой информации и общества, ангажированности российской науки, можно ожидать, что научный, международный и общественный контроль не смогут возыметь такого действия, какое необходимо в данных условиях устойчивого кризиса. Поэтому деятельность независимых научных организаций может быть обеспечена при условии создания ***политического контроля*** со стороны партии, опирающейся на программу социал-демократической направленности, т.е. партии массового характера, способной убедить широкие круги российской общественности в необходимости принятия этой программы и мобилизовать массы на ее выполнение. Политическая партия и независимые научные организации создают первую необходимую коммуникацию. Вторую создает связь партии с населением, готовым реализовать эту программу, поскольку она выражает его жизненно важные интересы. Роль такой партии в настоящее время могла бы выполнить КПРФ, отстаивающая интересы трудовой части населения. Наряду с мобилизационной деятельностью политическая партия имеет возможность установить третий вид коммуникации - связь с населением через многочисленные общественные организации определенной (социальной) направленности. И наконец, четвертый вид общественно-политической связи, позволяющей осуществить выход страны из кризиса - связь политической партии с государством через деятельность в парламенте (фракционная деятельность) и воздействие общественных организаций помимо политической партии на парламент и принимаемые решения, в чем можно использовать политический опыт лоббирования западных парламентов, что означает установление пятого вида общественно-политических коммуникаций. Эта схема-модель общественно-политических связей включает

необходимость учитывать некоторые проблемы. Одна из них обозначена выше - коррумпированность общественно-политической структуры страны, отсутствие соответствующей правовой базы, что, в частности, не позволяет организовать цивилизованное лоббирование интересов общественных организаций в парламенте. Ситуация усложняется также деморализацией большей части населения, особенно наиболее перспективной его части - молодежи, ценностно дезориентированой в условиях антинациональной политики российской политической власти. И наконец, отчуждение населения от власти, выражающееся в его усиливающейся общественно-политической пассивности, и технократичности власти, манипулирующей сознанием и поведением россиян, в немалой степени препятствует установлению общественно-политических связей по горизонтали и вертикали. Следуя за западной теорией и практикой, российские политики видят выход из положения в духе Дж. Бьюкенена в самообустраивающейся демократии, в том, что в «долгосрочном плане склонность к нарушениям подлежит изменению, что можно предположить и наличие оптимистического сценария для общества с высокой склонностью к нарушениям (например, для российского)»[12]. Однако оптимистичный прогноз, очевидно, не для России, которая в очередной раз стоит перед необходимостью усиления общественно-политической динамики в направлении скорейшего решения проблем, пока процесс разрушения общества не стал окончательно необратимым. Отсюда - необходимость мобилизационного решения проблемы, «первого толчка», который позволит повернуть процесс перемен в направлении общества.

Динамика современных общественно-политических движений и организаций в странах развитой демократии состоит в усиливающемся процессе социализации политических структур и политизации общественных. В России этот процесс осуществляется несбалансированно: политизация общественных структур не поддержана социализацией политических, организации-посредники обслуживают политические партии, в то время как лобби, средства массовой информации - олигархов.

Общественным сознанием россиян еще слабо усваиваются представления о возможности влияния на правительственные решения, на политическую власть в целом. Отсюда - социальная пассивность как массы населения, так и отдельных социальных групп (трудовых, мо-

[12] Киселева Е.А., Сафрончук М.В. Государство и общество: конституция ограничений. С. 27.

лодежных, женских, военных) в защиту своих интересов[13]. С другой стороны, общественные движения не в состоянии представить свои интересы в органы государственной власти, в их распоряжении в основном - информационная, консультативная, агитационная деятельность, юридическая и психологическая помощь населению. Общественные организации могут участвовать в составлении программ и разработке законов, выражающих интересы той социальной группы, которую они представляют, информировать органы власти о положении данной социальной группы, обеспечивать общественную экспертизу разрабатываемых законопроектов областного значения, обращать внимание средств массовой информации на реализацию интересов представляемой ими группы, выпускать собственные периодические издания. Большими возможностями во взаимодействии с органами власти обладают общественные организации на региональном уровне, заключая соглашения с местной администрацией Однако механизм проведения своих интересов в органы государственной власти, контроля за исполнением требований представителей социальных групп, обеспечения выполнения закона об общественно-политических объединениях, в России еще не создано, что и заставляет эти организации искать опору либо у местных, либо у центральных органов власти. Поэтому, несмотря на уже значительную численность общественных организаций и движений (так, только в Ярославской области в 1998 году управлением юстиции их было зарегистрировано 927, из них региональных и межрегиональных - 118, областных - 390, городских - 131, районных – 106 [14], они не оказывают достаточно серьезного влияния на политико-правовой процесс Характерно, что в России не получили широкого распространения правозащитные общественные организации, что является свидетельством неготовности населения оказать правовое противодействие власти. У них нет и соответствующего статуса в законах «Об общественных объединениях» от 19.05.95 г. и «О некоммерческих организациях» от 12.01.96 г.

Общественно-политические движения стремятся установить с государством патронажные отношения, так как они не способны (в на-

---

[13] Чертова Л.Н. Политическая пассивность студенчества: уровни и тенденции развития: Автореф. дис. ... канд. полит. наук. Екатеринбург, 2000. 19 с.

[14] Досина Н.В., Бородинова О.В. Женщины Ярославии: права, реальность, перспективы. Ярославль, 1998. С. 52; Общественные некоммерческие негосударственные организации г. Ярославля и Ярославской области. Справочник / Под общей ред. И.Ф. Албеговой. Ярославль, ДИА-пресс, 1999. 93 с.

стоящее время, по крайней мере) самостоятельно обеспечить «защиту и солидарность» населения[15].

Можно констатировать, что общественные и общественно-политические движения и объединения России в период 1987 – 1989 годов прошли первую стадию - институциализации. Общественные организации России институциируют разнообразные интересы российских граждан: историко-культурного и национального возрождения, социальной и правовой защиты. На этапе советского социально-экономического и государственного устройства ими руководил советский и партийно-комсомольский аппарат, организации и движения правозащитного характера могли выступать лишь в качестве неформальных групп, в том числе и диссидентских, в рамках данной политической системы или за ее пределами. На начальном этапе реформ формирование общественно-политических движений осуществлялось при сохранении общих идейно-политических основ (о чем свидетельствует создание Межклубной партийной организации в Москве, «клубов на марксистской основе» в Москве, Ленинграде и других городах СССР). Появление первых организаций и фронтов демократической ориентации также свидетельствовало о связи с существовавшей идеологией: даже инициатива группы «независимых» депутатов, образовавших Московский депутатский клуб в апреле 1989 года, собравший основных «застрельщиков» демократических реформ (Г. Попова, Б. Ельцина, С. Станкевича), предполагала лишь разработку «альтернативных вариантов» регламента работы I Съезда народных депутатов СССР, проектов решений и т.д. Не порывали связи с социалистической идеей и члены «Социалистической инициативы», образовавшие в июне того же года Московский комитет новых социалистов (лидер - Б. Кагарлицкий). Однако на этом фоне уже существуют: Демократический союз, анархо-синдикалисты, собравшие в мае 1989 года свой первый съезд, социал-демократический клуб, социалисты-революционеры, конституционно-демократическая партия. Рост общественно-политической активности населения демонстрировал стадию осознания населением национальных и социальных интересов, но в меньшей степени - политико-правовых. В большей степени политизированными были национально-патриотические движения в Прибалтике, Армении, Азербайджане, Грузии, на Украине, лидеры которых резко критиковали национальную политику Советского государства.

---

[15] Афанасьев М.Н. Клиентелизм: историко-социологический очерк (II) // ПОЛИС. 1997. № 1. С. 159.

Этапом политизации интересов российских граждан, а следовательно, и организаций и движений, можно назвать следующий период 1990 – 1993 годов, когда осуществляется августовский демарш части военно-бюрократической верхушки, определяется судьба КПСС и Советов народных депутатов, избираются первые президенты СССР и РСФСР, прекращает свое существование Советский Союз. В последующих развертываемых избирательных кампаниях общественно-политический процесс сосредоточивается вокруг нескольких проблем - социально-экономических, военно-патриотических. Резко падает авторитет профсоюзов и сходят на нет рабочие (трудовые) общественные объединения. Образуются и укрупняются политические партии как партии парламентского типа.

Следует согласиться с теми авторами, которые утверждают, что общественные организации и движения в России еще не стали самостоятельным и неотъемлемым фактором общественного развития[16] воспроизводства общественного бытия.

В целом общественно-политические движения в России в период реформ не обладают достаточными возможностями для выражения интересов граждан. Причина кроется, на наш взгляд, в том, что дифференциация интересов, проявляющаяся в осознании своего гражданского статуса и прав, необходимости их защиты правовыми методами, объединения на основе общественного согласия для конструктивного решения общественных проблем и выхода из кризиса, развита крайне слабо. Следствием является ограниченная представленность в общественно-политических объединениях приоритетных для сегодняшней России трудовых (профсоюзных) и правовых организаций и движений. Общественно-политические организации не являются посредниками между государством и обществом. В общественном сознании политическое рассматривается как нечто противоречащее социальному. Следствием этого является политическая пассивность населения и поворот политического процесса в асоциальное русло.

[16] Гончаров Ю.А., Левин Э.В. Роль правозащитных объединений в противостоянии насилию // Женщины и насилие в условиях общественных изменений: Материалы Российской научно-практической конференции / Под ред. Н.В. Досиной. Ярославль: Изд-во ЯрГУ, 2000. С. 38.

Тема 12. Социально-политические объединения в политической структуре российского общества

Начавшаяся в России в конце 80-х годов XX века институционализация общественного и политического процесса поставила вопрос о взаимодействии общественного и государственного начал в российской политике, месте и роли государства в российском обществе, сферах, где осуществляется взаимодействие государства и общественно-политических организаций, партий и движений. Все эти проблемы находятся в рамках более общих - динамики становления гражданского общества и правового государства в России, государственной стратегии в области социальной политики, социальной базы власти. При этом во взаимоотношениях общественных объединений и государства необходимо отделять тактические задачи, обусловленные практикой политической борьбы, и стратегические, обусловленные ролью государства как общенационального субъекта, выражающего общенациональную волю. В первом случае, как было сказано выше, мы имеем дело с властными технологиями достижения и удержания власти, манипулятивными способами властной легитимизации, во втором - с целым комплексом мероприятий, обеспечивающих, наряду с решением рациональных задач власти, и политическую социализацию, и формирование демократической политической культуры, и создание и реализацию общенациональной идеи, и обеспечение условий для реализации «общего блага». Поэтому так важно определить действительную роль государства в обществе в целом, и конкретной социальной среде в частности. Речь идет не столько о том, будет или не будет государство вмешиваться в общественную и частную жизнь, сколько о действительных функциях государства по отношению к обществу, реальной степени его необходимости, возможности налаживать отношения с гражданским обществом. Эти вопросы мы считаем особенно важными в переходный период, когда происходит институциональное самоопределение политического процесса, поиск новых форм социальных взаимосвязей, формирование социальных отношений.

Взяв за основу либеральное направление реформ, авторы перестройки не могли не определить, в каком качестве будет присутствовать в них государство. Диапазон мнений был самый широкий - от анархического отрицания государства до утверждения государства как единственно возможной формы организации общественного по-

рядка[17]. Характерно, что каждая из дискутирующих сторон находила сторонников в истории политической мысли и, обращаясь к именам Платона, Аристотеля, Т. Гоббса, Дж. Локка, Кропоткина, находила подтверждение своим идеям, что, на наш взгляд, является свидетельством в ряде случаев не столько стремлением к установлению научной истины, сколько желанием определиться в области той или иной идеологии, подключив к этому процессу и общественное сознание. Мы полагаем, что в споре о месте и роли государства в обществе акценты должны перераспределяться из сферы рассуждений о степени присутствия государства в обществе в область рассуждений о выполнении им специфических, только ему присущих функций. Такими функциями являются законотворческая, бюджетообразующая и общесоциальная, причем последняя - ориентация на общество как целое - является следствием первых двух. Государство исторически формируется и существует как орган объединения властью территории и населения. В законотворчестве, сборе налогов и суверенизации власти, заключающейся во всей полноте данной власти на данной (своей!) территории, состоит объективная социальная ориентация государства и объективная социальная сущность деятельности его аппарата, который общество и исторически и в настоящее время «соглашается» содержать, ибо ни экономически, ни культурно не обладает способностью создать социальное обеспечение и социальный порядок собственными силами. Даже в таком налаженном с управленческой точки зрения общественном организме, какой создавался тоталитарным режимом, самодеятельные формы общественного самоуправления (народные дружины, товарищеские суды) не могли заменить государство в выполнении функции охраны общественного порядка, так как не обладали для этого ни соответствующими ресурсами, ни профессионализмом, ни временем: осуществляя локальные действия, они не способны охватить своими действиями все общество в целом, решая, например, проблемы кадрового обеспечения, создания системы специализированного образования, материальной базы, нормативно-правового обеспечения соответствующих служб, и т.д.

Через налоговую систему государство создает материальную основу социализации, через правовую - универсальную норму общественных отношений. Общесоциальная функция, осуществляемая, благодаря первым двум, определяет сущностную роль государства в обществе как исторически сложившегося объективно-социального ин-

[17] Малютин М. Неформалы в перестройке: опыт и перспективы // Иного не дано. М.: Прогресс, 1988. 680 с.

ститута, осуществляющего организацию социальной жизни в интересах общества как целого в рамках суверенной власти, суверенной территории, обеспечивая совместную жизнедеятельность населения сбором налогов и нормативной базой.

Позиция невмешательства государства в общественную жизнь и функционирование ее составляющих, в том числе и общественных организаций, возможна лишь в тех пределах, которые обозначены объективно-социальным характером государства и конкретизируются правовыми актами данного государства в конкретно-исторический период. В противном случае, происходит распад и государства, и общества.

В Российской Федерации государство обеспечивает за собой право вмешиваться в деятельность общественных объединений, организаций и движений в том случае, если их деятельность противоречит правовым нормам. Это положение закреплено Законом Российской Федерации «Об общественных объединениях» от 14 апреля 1995 года. Общественные объединения и общественные движения по данному закону принимают активное участие в представительной системе государства, в сфере общественного представительства для выполнения функций общественного контроля, общественного управления, сохранения существующей системы и поддержания ее эффективности. Наиболее активное взаимодействие государства и общественных объединений может происходить в правовом поле: государство предпочитает видеть в общественных объединениях юридических лиц. Право гражданина на участие в общественных объединениях рассматривается как важнейшая правовая норма, неотъемлемая составляющая прав человека и гражданина. Создаваемые гражданами ассоциации обладают (в силу факта своего образования) публично-правовой (конституционно-правовой) правоспособностью - способностью иметь права и нести конституционные обязанности. Право на объединение также представляет собой неотчуждаемое право человека, поэтому общественные объединения могут входить в сферу гражданского права, поскольку они становятся участниками имущественных правоотношений или нуждаются в гражданско-правовой защите[18]. С учетом особенностей статуса общественных объединений как некоммерческих и негосударственных образований, на общественные организации распространяется режим юридических

[18] Боголюбов С. Право на объединение // Право и экономика. 1994. № 2. 1 марта. С. 10.

лиц[19]. Как указал Высший арбитражный суд РФ на одном из совещаний, при судебном рассмотрении необходимо выяснять, обладает ли та или иная организация всеми правами юридического лица, указанными в законе: общественное объединение признается юридическим лицом, если оно имеет в собственности, хозяйственном ведении или оперативном управлении обособленное имущество и отвечает по своим обязательством, оно должно иметь самостоятельный баланс или смету. В отличие от коммерческих структур учредители и члены общественных объединений не имеют права на имущество организации. В статье 48 ГК РФ предусмотрено, что общественные и религиозные объединения относятся к юридическим лицам, в отношении которых их учредители и участники не имеют имущественных прав. Любое общественное объединение как общественное лицо может иметь гражданские права, соответствующие целям деятельности, и нести связанные с этой деятельностью обязанности. Ограничения в имущественных правах допустимы лишь в случаях, предусмотренных законом. Общественное объединение, являющееся имущественным лицом, действует на основании устава либо учредительного договора и устава, либо только учредительного договора. Гражданские права и обязанности общественные объединения принимают через свои органы, действующие в соответствии с законом, иными правовыми актами и документами. Лицо, которое в силу закона или учредительных документов выступает от имени общественного объединения, обязано возмещать убытки, причиненные им общественному объединению. Общественная организация имеет свое наименование, указывающее на характер деятельности объединения. Место нахождения организации определяется местом ее государственной регистрации. Гражданское законодательство предусматривает наличие у общественной организации представительств и филиалов. Представительство - обособленное подразделение, расположенное вне места нахождения общественного объединения и представляющее его интересы, филиал же выполняет вне места расположения общественного объединения все его функции или их часть, в том числе и функции представительства. Представительства и филиалы не являются юридическими лицами. Их руководители назначаются общественными объединениями и действуют на основании его доверенности. Законом предусмотрено несколько форм реорганизации юридического лица: слияние, присоединение, разделение, выделение, преобразование.

---

[19] Кокотов А.Н. О статусе общественных организаций // Известия вузов. Сер. Правоведение. 1993. № 3. С.21, 22.

Конституция закрепляет право на объединение лишь за гражданами, а не за юридическими лицами, поэтому общественные объединения не могут быть реорганизованы в форме слияния или присоединения[20]. Кроме того, общественные объединения не могут быть реорганизованы путем преобразования в какую-либо другую организационно-правовую форму, так как это ведет к ликвидации юридического лица как общественного объединения. Изменения, вносимые в учредительные документы общественных объединений в связи с расширением территориальных границ их деятельности и, следовательно, регистрацией их как региональных, российских или международных, не являются преобразованиями в рамках гражданских норм и не влекут каких-либо правовых последствий. Реорганизация общественного объединения может быть осуществлена по решению его учредителей, участников, либо органа общественного объединения, уполномоченного на то учредительными документами. Общественное объединение считается реорганизованным с момента государственной регистрации вновь возникших юридических лиц. Законодательством также определен порядок правопреемства при реорганизации общественных объединений, гарантии прав кредиторов юридического лица при его реорганизации, ликвидации общественного объединения, подробно регламентируют порядок ликвидации.

Касаясь статуса общественных объединений, Закон от 14 апреля 1995 года исходит из того, что общественными объединения могут либо регистрировать свои уставы и приобретать статус юридического лица, либо функционировать без государственной регистрации без приобретения прав юридического лица. Это решение вызвало неоднозначную реакцию юристов: высказывалось, в частности, мнение, что любые организации должны иметь статус юридического лица, так как новый Гражданский кодекс РФ (Ч. 1) предоставляет общественным объединениям права юридического лица[21]. Однако, если могут функционировать лишь общественные объединения, имеющие статус юридического лица, то осуществление конституционных прав граждан будет поставлено в зависимость от норм гражданского законодательства, регулирующего имущественные отношения и не содержащего твердых требований о наделении всех организаций правами юридического лица. В международной практике (например, по швейцарскому законодательству) любые некоммерческие организации

[20] Боголюбов С. Указ соч.

[21] Ланаева В.В. Закон об общественных объединениях нуждается в совершенствовании // Журнал российского права. 1997. № 4. С. 94.

имеют статус юридических лиц, если устав организации содержит соответствующую запись, а их регистрация требуется лишь в случае осуществления предпринимательской деятельности. Кроме того, далеко не всякая общественная организация может или желает иметь обособленное имущество, отдельный баланс и т.д., но это не означает, что такая организация не имеет права на существование. Следует учитывать, что неформальные объединения функционируют независимо от формальной регистрации. И наконец, вряд ли возможна полная ответственность (в том числе и за неправомерные действия) общественных объединений, если они будут рассматриваться как субъекты права лишь тогда, когда приобретут статус юридического лица. Отсутствие обязанности приобретать статус юридического лица в законе об общественных объединениях представляется шагом вперед по сравнению с ранее действовавшим законом.

Для более свободной реализации права на ассоциации общественной организации необходимо иметь статус юридического лица с момента его образования, что будет соответствовать и международным нормам, и исторической традиции, и правовой природе общественных организаций. Для административных целей возможно ограничиться учетом таких организаций[22].

Правовая норма общественных объединений, упорядочивающая взаимоотношения государства и общества через утверждение их статуса и распределения функций, складывающаяся на определенном этапе, дополняется нормами социально-культурными: возможность появления и положение общественных объединений по отношению к государству обусловливаются нормами политической культуры, традициями, имеющимися социальными ресурсами - населением, обладающим навыками совместного организованного и инициативного действия, способами и объемом получаемой информации. Последние работы российских историков, посвященные деятельности земства XIX века, на одну из которых мы ссылались выше (А.В. Ефременко), содержат большой материал, посвященный развертыванию местных инициатив, которые шли от местных административно-территориальных структур, закладывая основы общественно-организованного действия, в то же время, отсутствие правовых основ и действовавшая традиция патерналистских отношений с государст-

[22] Юрьев С.С. Правовой статус общественных объединений. С. 245, 249, 250; Конституция Российской Федерации. М.: Юридическая литература, 1993. (Ст. 30, 31). С. 13; Федеральный закон «Об общественных объединениях» // Российская газета. 1995. 25 мая. С. 3-5; Гражданский кодекс Российской Федерации. М., 1994.

вом не создавали возможностей широкого распространения общественных организаций среди всех слоев российского общества. Проблема заключается также и в том, что общественные объединения не были тесно связаны с политическими партиями, хотя к началу века в стране действовало более ста партий. Российский социолог Острогорский, рассматривая процессы становления демократии в Англии и Франции, установил образование кокуса - переходных структур, включающих и социальные и политические элементы взаимодействия. Взаимодействие социального и политического в политическом процессе достигается не только самостоятельностью выхода общественных организаций на государство, установлением их правового статуса и инициативной деятельностью в области выражения социальных интересов. Максимальной эффективности деятельность общественных организаций и их участие в политической жизни достигаются и взаимоотношениями общественных организаций с политическими партиями и движениями. В процессе этих многосторонних взаимодействий (государство - общественные объединения и движения, государство - политические партии и движения, общественные организации и движения - политический партии) образуется система взаимодействия социального и политического и формируется глубокая и всесторонняя возможность выражения многообразных социальных интересов.

Серьезный эффект достигается при установлении партнерских отношений между общественными организациями и движениями и политическими партиями: общественное движение предоставляет политической партии широкую общественную базу и обратную связь для корректировки деятельности, в то время как политическая партия обеспечивает доступ к политической системе и эффективность действий в политической среде. В период конца 80-х - начала 90-х годов в России начался бурный процесс перехода общественных организаций в политические партии. Этому предшествовал этап превращения общественных объединений в общественно-политические, представлявшие собой промежуточное (переходное) звено между партией и общественным объединением. По данным Министерства юстиции РФ на 1 января 1999 года, количество таких объединений составило 141. Это именно те объединения, которые принимают активное участие в политической жизни общества.

Анализ трансформаций общественных объединений в общественно-политические позволил выявить несколько причин этого процесса. Общественные объединения в российской политической системе не имеют возможностей самостоятельного действенного (с влиянием на

принимаемые решения) участия в политической жизни страны, так как механизмы опосредованного влияния на политическую систему с целью достижения результата в нашей стране развиты слабо, официальные властные субъекты, политические лидеры, средства массовой информации недостаточно уделяют внимания этой существенной стороне российского политического процесса, отчего у населения не складывается достаточно четкого представления об их существовании и функционировании, что, в свою очередь, существенно затрудняет формирование в обществе способности организованно отстаивать свои интересы. Общественные объединения и движения, таким образом, оказываются фактически отрезанными от основных рычагов влияния на политическую систему, претворения в жизнь заданных целей и отстаивания интересов, в то время как основным рычагом влияния на политическую систему является включение общественного объединения как агента социального представительства в процесс принятия решений для непосредственной корректировки политической деятельности. Невозможность политического участия ведет к невозможности отстаивания заявленных интересов, что, в свою очередь, приводит к потере смысла дальнейшего функционирования и существования общественного объединения. Активисты объединений предлагают в этом случае либо ликвидацию объединения, либо слияние с партией, передачу ей своей социальной базы (следствием чего является утрата индивидуальности, а с ней - собственных приоритетных интересов) в обмен на возможность частичного удовлетворения интересов посредством более эффективного действия политической партии-реципиента, а также за счет использования ее политического ресурса. И наконец, возможно трансформировать объединение в политическую партию и при помощи политически ресурсов добиваться реализации социальных интересов. Любой из вышеперечисленных вариантов роста влиятельных способностей объединений ведет к потере специфических свойств общественных объединений, так как любая трансформация ведет к реорганизации структуры объединения: политическая партия имеет более жесткую форму организации, поэтому политическая трансформация общественного объединения приводит к изменению структуры организации и потере ее членов. Резко изменяется и среда, в которой осуществляется деятельность объединения: из среды неконкурентного отстаивания интересов оно переходит в среду с острой конкуренцией и борьбой за ресурсы, власть и влияние. Деятельность политической партии носит технологический характер, так как ее целями являются достижение и удержание власти, в то время как деятельность общественного объединения

заключается в выявлении, осознании и отстаивании социальных интересов. Трансформация общественных объединений, таким образом, оказывает влияние на дальнейшую деятельность по артикуляции интересов, поэтому оптимальным способом политизации общественных движений и объединений является взаимодействие с имеющимися политическими партиями, обеспечивающее продвижение социальных интересов в политической системе.

Реформа России имеет ярко выраженный политический характер, что отражается и на деятельности общественных организаций и объединений. Ключевую роль в российском политическом процессе в конце 90-х годов играют: объединения промышленников и предпринимателей, общественно-политические объединения и всероссийское профсоюзное движение.

Особое значение среди них имеют объединения промышленников и предпринимателей, так как без изменения и стабилизации экономической ситуации невозможно обеспечение действительного движения страны по пути модернизации. Экономические субъекты могут играть ключевую роль в российской политике в том случае, если они играют ключевую роль в экономике, являясь представителями крупного капитала и руководителями производственных подразделений. Особые интересы промышленных и предпринимательских кругов в процессе либерализации экономической системы посткоммунистической России все в большей степени оказывают влияние на принятие властных решений, в том числе и стратегического характера, воздействуют на их направленность и качество. Специфичность и корпоративность этих интересов, как и потребность в доступе к кадровым структурам, формирующим и принимающим важнейшие государственные решения, соотносится с необходимостью повышения эффективности внутри корпоративных связей деловых кругов, диктует стремление к поиску адекватного им организационного структурирования. Это тем более актуально, что государство продолжает доминировать как в сфере производства, так и в сфере частного предпринимательства.

В период 1991 – 1996 годов в системе представительства экономических интересов появились предпринимательские ассоциации, опирающиеся на конкретные единицы экономической деятельности, влиятельные группировки и корпорации российского бизнеса. Это означает выход деловых кругов России на уровень выполнения политических функций, государственных задач и масштабную корпоративизацию групп экономической элиты независимо от характера (отраслевого или группового) преследуемых ими целей. В любом случае общественные ассоциации промышленников и предпринимателей

получили признание в среде деловой элиты не только как группы, обеспечивающие защиту рыночного предпринимательства, независимо от форм собственности, но и как группа, имеющая функции политического представительства.

Распространение лоббизма - различных форм и методов воздействия промышленников, предпринимателей других общественных групп на представителей законодательной и исполнительной власти с целью обеспечить принятие выгодных и отклонение невыгодных для той или иной группы решений - напрямую связано с использованием государственной машины для насаждения подконтрольных госаппарату предпринимательских институтов «снизу». Это привело к формированию особого российского бизнеса «снизу доверху», который можно определить как политический, поскольку именно государство как важнейший политический институт устанавливает определенные отношения с предпринимательскими структурами, пополняя последние производственными единицами и учреждениями из своего секторами экономики. Тем самым формируется и соответствующий политический процесс (формы и механизмы представления населением и элитами своих политических процессов, а также формы принятия и реализации на государственном уровне управленческих решений, осуществляемых субъектами - носителями власти) идеократического типа, в котором в основе деятельности находится идеологическая доктрина. В российском варианте - это идея сильной президентской власти с элементами представительной демократии, рыночной экономики и идея российско-центричных национальных интересов. В отношении ее достигается общенациональный консенсус, практической попыткой является подписание в апреле - мае 1994 года Меморандума о гражданском согласии на два года.

В российском предпринимательском движении сформировались четыре группы: представители теневой экономики, независимые предпринимателя, начавшие деятельность без начального капитала, партийная номенклатура и директорат, все активнее включающийся в предпринимательскую деятельность. Лоббируя свои интересы на федеральном уровне, эти группы выражают интересы промышленно-предпринимательских кругов, их потребности в организации и регулировании жизнедеятельности общества в свою пользу.

Большие права государственных властей в сфере предпринимательства, наряду с налоговым прессом, недостаточностью кредитов составляют специфические правовые и экономические условия предпринимательской деятельности в России. Это приводит деловые круги к осознанию необходимости консолидации. На сегодняшний мо-

мент, в основном - по узким секторам интересов в рамках неформальных групп на уровне города, региона, группы отраслевых предприятий, в рамках клубных структур, главную роль в которых играют личные связи и высокое личное доверие. Однако почти полная зависимость от государственных решений и неформальной воли чиновников госаппарата неизбежно приводит эти узкие кооперации к более широким - на уровне отрасли, межотраслевом и даже общенациональном уровне. Вместе с тем они не образуют политические партии, не изъявляя политической воли и не стремясь к политической ответственности, хотя готовы оказывать и оказывают влияние на политическое волеизъявление в общенациональном масштабе. Действия участников общественных ассоциаций входят как конкретные требования в политический процесс и в практику деловых и неофициальных переговоров с представителями правительственных структур. Необходимость влияния на федеральную политику заставляет участников этих объединений вырабатывать единую политическую линию, обобщая и формулируя основные интересы и требования независимо от воли чиновников государственного аппарата и сводя многочисленные требования различных групп к небольшому числу альтернатив. Последнее объективно необходимо для государства, которое, во избежание перегрузки, может принять только небольшое число требований. Установление иерархии требований - обязательное условие их реализации государством, в противном случае само государство берет на себя эту функцию, нередко осуществляя ее далеко не самым лучшим образом. Выстраивая интересы по степени их важности имеет тем большее значение в деятельности предпринимательских групп, чем им свойственно большее количество разнообразных связей и ориентаций. В 1992 году основным инструментом реализации интересов экономических групп была развившаяся система неформального лоббирования государственных структур в форме заказа соответствующих законопроектов, правительственных и административных решений местных органов власти, незаконных сделок и т.д. Массовая коррупция всех уровней государственного аппарата, массовое, официальное и неофициальное, участие чиновников и в руководстве коммерческими структурами создали сложную систему связей группировок экономической элиты с государственными и политическим структурами, не совпадающих с декларируемыми ими идеологическими установками. Характеризуя российские политические силы, Т. Грэхэм, как это явствует из обзора А.В. Лукина, один из первых

доказал, что «демократический», «консервативный» и «центристский» российские кланы основаны на сходных принципах[23]. Учитывая необходимость экономических реформ, можно предвидеть значимость деятельности объединений промышленников и предпринимателей, отстаивающих свои интересы. При этом влияние общественных ассоциаций этого типа определяется тем, насколько успешно они смогут решать свои основные задачи - бесконфликтно формулировать свои требования и интересы промышленных и предпринимательских групп, осуществлять эффективное представительство на в отношениях с государственным аппаратом, депутатским корпусом, политическими партиями, поддерживать необходимое единство в самой деловой среде, оказывать своим членам информационные, консультативные, посреднические услуги, в перспективе - вырабатывать стратегию взаимоотношений с наемными работниками. Реализация этих задач возможна при условии вовлеченности ассоциаций в процесс принятия государственных решений и осуществляется следующим образом: доступом в центральные эшелоны власти через контакты с высшими государственными чиновниками и министрами и консультациями по вопросам, затрагивающим интересы данной корпорации; выработкой политического курса в рамках структур, где организации промышленников и предпринимателей официально участвуют в разработке ключевых решений наряду с государственными чиновниками; проведением в жизнь намеченного политического курса при непосредственном участии представителей организованных предпринимательских интересов, стремлением получить от правительства полномочия и ответственностью за процесс принятия решений. Активность данного рода объединений подчеркивает активность и мобильность экономических агентов, гибко перестраивающихся и четко осознающих информирующих свои интересы и цели. Можно заметить, что функции защиты в сознании предпринимателей превалируют над функциями, помещающимися в деловой сфере предпринимательства. Это свидетельство того, что на данном этапе своего формирования перед предпринимательскими организациями на первом месте стоят лоббистские задачи, предполагающие создание правового режима, ограничивающего произвол чиновников. В то же время предпринимательским ассоциациям свойственно более ясное осознание своих задач и целей, нежели другим общественным объединениям и организациям, что дает возможность предполагать их наиболее перспективными в

[23] Лукин А.В. Демократизация или кланизация? Эволюция взглядов западных исследователей на перемены в России // ПОЛИС. 2000. № 3. С. 70.

отношении организованного способа выявления своих интересов и их реализации.

На нынешнем этапе российского политического процесса можно отметить несколько особенностей в отражении в нем процессов взаимодействия социального и политического. Прежде всего они заключаются в преобладании политического в ущерб социальному, что выражается в недостаточных возможностях выражения интересов социальных групп, отсутствии системы, в которой возможно произвести отслеживание и организовать выражение интересов, идеологизации деятельности общественных объединений советского периода, ограничивающей возможности общественной самодеятельности, что приводит к сохранению существенного влияния государства на общественные объединения и движения. Данный этап политического процесса представляют многочисленные общественные объединения и организации, сосредоточивающие в себе потенциальную возможность выражения такого же многообразия социальных интересов. Представляя собой социальные группы, в которых происходит осознание этих интересов, общественные объединения стремятся выполнять роль социальных агентов в политическом процессе, обеспечивать представительство общественных интересов на наиболее важных стадиях политического процесса, в частности на стадии принятия решения. От активности образования и функционирования общественных объединений зависит образование гражданского общества, основная масса которого достаточно осознает свои коренные, жизненные интересы и стремится отстоять их через систему представительства. Выполняя коммуникационные функции, общественные объединения способствуют сближению социальных и политических интересов, распространенных в обществе, или превращению социальных интересов в политические. Сближение социальных и политических интересов и их взаимодействие в силу объективной социальности политического и возможностей политизации социального составляют основу гражданского общества, в котором выражение социальных интересов осуществляется во взаимодействии функций самоуправления и управления.

Взаимодействие общественного и политического осуществляется в российском политическом процессе в двух направлениях: с одной стороны, формируется правовое обеспечение институциализации данного взаимодействия, создается правовое поле, в рамках которого предлагается действовать как политическим, так и социальным акторам. Высокий уровень правовой регламентации действий общественных объединений делает их поведение предсказуемым и логичным,

что должно отражаться на эффективности взаимодействия. Конструктивная деятельность в рамках правовой системы - основа созидательной трансформации российского общества в формы, адекватные тем, в которых реализуются права человека и осуществляется самоуправление общественными процессами - правовое государство и гражданское общество. Наряду с необходимостью общественного контроля за формированием правовой базы, не менее важное значение имеет контроль за формированием и функционированием административных институтов, которые обеспечивают прямой доступ к политической системе. Следовательно, взаимодействие социального и политического начал в российском политическом процессе будет способствовать его эффективной направленности на обеспечение стабильного и поступательного производства и дальнейшего развития нового общественного бытия. Наиболее важной является в настоящее время такая деятельность российских общественных объединений, которая направлена на стимулирование в обществе осознания своих интересов и переоценку ценностей, так как ценности постсоветского периода не сформированы, а ценности предыдущей эпохи не в состоянии обеспечить процессы трансформации. Общественные объединения, в силу их непосредственной связи с социальными группами, обладают большим потенциалом формирования ценностной базы социально-политических трансформаций и, что особенно значимо, - создаваемого общественного бытия, в котором новые ценности будут активизировать общественное сознание и поведение в ходе социальной мобилизации, осознания интересов и ценностей, в протестном движении. Артикуляция общественных интересов способствует гуманизации общества, образование ценностно-нормативной базы существенно усилит телеологическую составляющую политического процесса, без которой общество обречено на деградацию и разрушение. Целостность и солидарность общества прямо зависят от той роли, которую играют общественные объединения в активизации общественного сознания и поведения. Взаимоотношения государства и общественных объединений осуществляются прежде всего в рамках данной правовой системы: государство придает общественным объединениям правовой статус, рассматривая его полномочия и возможности, в зависимости от чего осуществляется взаимодействие общественных объединений и государства, наконец, государство придает общественным объединениям юридический статус. Развитая правовая система российского общества позволит обеспечить реализацию прав граждан на объединение и право общественных объединений отстаивать свои интересы. Мы считаем, что обеспечение взаимодействия

общественных объединений и государства в России еще находится на ранней стадии интеграции государства и общественных организаций. Российскому государству предстоит создать правовую базу для реализации общественных объединений во всех сферах общества. Взаимодействие в настоящее время в России государства, политических партий и общественных объединений вызвано скорее поиском более широкой общественной базы и электората, нежели осуществлением «обратной связи» во взаимодействии с обществом и поиском более эффективных инструментов отстаивания общественных интересов.

Наиболее активно действующие в настоящее время в российском политической практике объединения промышленников и предпринимателей создали разветвленную лоббистскую сеть в представительных органах государственной власти, и именно они наиболее гибко реагируют на все изменения политической конъюнктуры. Мероприятия новой власти, продолжающей ориентироваться на решение социально-экономических проблем за счет основной массы населения, о чем свидетельствует проект Государственного закона о труде, подготовленный правительством, проект реформы системы образования, - создают обширное поле деятельности общественным организациям по выражению социальных интересов и значительно сужают поле взаимодействия государства и общественно-политических организаций, объединений и движений в области социальной политики.

Тяжелые социальные последствия российских реформ ставят перед исследователями наряду с проблемой соотношения политического и социального проблему соотношения экономического и политического, как проблемы приоритетов интересов в совершаемых преобразованиях.

Раздел V. Человек в российском политическом процессе

Тема 13. Человеческое измерение политики

Обращаясь к вопросу о роли личности в российском политическом процессе, следует прежде всего обратить внимание на тот факт, что соотношение общественных сил в стране в период 1991 – 1999 годов вплоть до правления нынешнего президента В.В. Путина таково, что оно не может помешать ни президенту, ни его ближайшему окружению, ни правительству, ни тем, кто осуществляет власть в регионах и федеральных округах**,** влиять на судьбу России так, как они считают нужным. В политическом процессе важна не сила или слабость очередного лидера, приходящего к власти, а его общественное положение, придающее его деятельности общественное (историческое), позитивное или негативное значение. Соотношение сил «власть – общество» в России складывается не в пользу последнего, что создает возможности для бесконтрольной активности власти, она становится сама себе единственным судьей своих деяний. Этому способствует прежде всего состояние социальных групп, являющихся основными «поставщиками» агентов современного российского политического процесса: деморализация интеллигенции, люмпенизация рабочего класса, разложение крестьянства, растут миграционные потоки, число беженцев на всей территории СНГ - из бывших союзных республик, мест боевых действий. Увеличивается масса людей, спасающихся от террористических актов, разоренных, лишенных крова, теряющих квалификацию в силу невозможности применить знания и рабочую силу. Быстрыми темпами ухудшается психическое и физическое здоровье населения, особенно молодого. Растет смертность, уменьшается продолжительность жизни россиян. Эти процессы, уже рассмотренные в прошлых разделах (Раздел III, тема 10), проявившиеся с начала 90-х годов, создают у населения ощущение нестабильности общественного бытия, что является сильнейшим социально-психологическим фактором снижения политической активности населения.

Причиной неудач «реформаторов» было не только отсутствие политического опыта и культуры власти, но «расстройство общего порядка», породившее власть, имевшую место в России в период с 1991 по 1999 год, ее «необъяснимость» и «алогичность». Увлечение политиков политическим маркетингом наглядно демонстрирует не столько прогресс в области политических технологий, сколько является свидетельством того, что формализация и технизация власти занимают приоритетные позиции в политическом процессе, уступая место общественным запросам и интересам. Связи с обществом заменили коммуникации – «связи с общественностью», стратегию управления - тактические действия по организации общества. В целом политический процесс приобретает черты формальной политической игры, совершающейся в верхних эшелонах власти, отчужденных от основной части общества. Тем более остро встает проблема качества личностного участия и ответственности лидера в политическом процессе, соотношение действий личности (лидера) и масс в политике.

В отечественном обществознании роль личности в историческом процессе была глубоко изучена в традициях марксистско-ленинского подхода. Освоение новых точек зрения, происходящее в России переходного периода, создает в настоящее время достаточно пеструю картину научных позиций и подходов, которым еще предстоит сложиться в систему знаний, в том числе и о роли человека в российском политическом процессе. В изучении этой проблемы современная западная политическая наука опирается на институциональный анализ (Т. Гоббс, Дж. Локк, Г. Спенсер, А. де Токвиль) и бихевиористский подход, социал-дарвинизм (У. Самнер, И. Бентам, Э. Берк), теорию рационального действия и рационального выбора (Дж. Бьюкенен, Г. Таллок). Анализируя развитие личности в Советском Союзе, советологи применяли понятия «тоталитарная личность», «авторитарная личность», исследуя их черты, обращались к психоаналитикам «франкфуртской школы» (Т. Адорно, Э. Фромм, Г. Маркузе). Особенности российского национального характера изучали Вл. Соловьев, Н. Бердяев, Н. Данилевский. Современные российские авторы активно работают над проблемой духовности личности (В.И. Коваленко, В.А. Ремизов, А. Пелипенко, А.С. Панарин, О.М. Гаджиев), политического сознания и политического поведения личности (С. Чугров, С.С. Андреев, А.А. Иванов, Ж.Т. Тощенко), ценностей и их трансформаций (Н.Ю. Лапина, С.В. Волков, В.И. Пантин, В.В. Лапкин, И.А. Лебедев, Е.И. Башкирова, Ю.Е. Федоров, А. Мельвиль и др.), роли традиций в сознании людей

(Т.И. Снегирева), мифологического и утопического сознании (Э.Я. Баталов, Н.В. Петров, А.С. Титков).

Политический процесс, как составляющая исторического процесса, имеет объективные и субъективные основания, соотношение которых определяет как общее направление развития данного общества в контексте мировых цивилизаций, так и более близкие перспективы власти и порядка, характер и соотношение сил, участвующих в политике, место и роль личности в политическом процессе, возможности, которыми она обладает для влияния на политический процесс, а через него - на состояние общества в данный исторический период. Проблема, которая имеет различные теоретические решения, остается попрежнему одной из актуальнейших проблем данного исторического периода, однако в современной интерпретации российским политическим контекстом она приобретает и новое звучание. Это вопросы российской политической практики о том, в чьих интересах совершается политический процесс, а следовательно, его содержание и направленность, в какой мере его ход зависит от конкретных лиц, принимающих в нем непосредственное участие, что определяет силу субъектов власти и подчинение власти «вопреки сопротивлению», по определению М. Вебера, какими возможностями в политическом процессе обладают его рядовые участники и каковы факторы и условия, формирующие у участников политического процесса возможности оказывать влияние на власть - ответы на эти вопросы позволят выявить возможности приобретения личностью статуса «политическая».

Теоретический анализ пребывания человека в мире политики предполагает прежде всего разграничение понятий «политическая деятельность», «политическая активность», «политическое участие». Представляя собой разноуровневые категории, они отражают активность пребывающего в политическом бытии человека, проявлении в этом бытии таких его свойств, как стремление к свободе и ответственность, его ценностные ориентации и нормы, которыми он руководствуется в своем политическом поведении.

В человеческой деятельности различаются уровни: разумно коллективный, смыслосодержащий, результативный - с одной стороны, индивидуализированный, иррациональный, рисковый с неопределенным результатом - с другой. Оба сосуществуют в личности и человеческом сообществе, однако, в зависимости от индивидуальных особенностей личности, политической культуры масс и характера той среды, в которой происходит ее формирование и развитие, различно

проявляются, что создает разную степень рациональности политического поведения личности и масс в политическом процессе.

Политическая деятельность человека социальна по своей сущности. Это целенаправленный процесс выявления социальных потребностей, интересов, ценностей, в котором осуществляется взаимодействие властно управляющих структур и социальных групп и классов. Социальная активность и политическая активность не совпадают: человек социально активный - сознательно и культурно выстраивающий свое общественное существование в виде работника, семьянина и т.д. - не обязательно политически активен, хотя может быть политическим участником - террористом, например.

Определяющие потребности и интересы создают мотивацию поведения людей в политике, а ценности определяют способы осуществления политической деятельности, ее предпочтения и цели[1]. Результатами этой деятельности являются принимаемые решения, обеспечивающие реализацию социальных интересов и потребностей, формирование новых ценностных ориентаций. Это, в конечном счете, приводит к изменениям в социальной среде, к разрешению противоречия между политическим субъектом и социальной средой, в которой он действует.

Качественной стороной политической деятельности является политическая активность, обозначающая меру этой деятельности, степень ее интенсивности, развития во времени и пространстве. Если в политической деятельности в целом проявляется рационально-целесообразное начало, то в политической активности заложены творческие возможности личности, осуществление которых в политической практике превращает последнюю в игру политических сил, сферу проявления политического мастерства, интуиции, выбора.

В политическом участии отражаются конкретные цели политической деятельности людей в данной политической ситуации, в зависимости от этих целей формируются и виды политического участия, проявляется уровень их сознательности и мера стихийности их политического поведения, отражаются и реализуются интересы и ценности людей. Политическое участие выражается в массовых и индивидуальных политических действиях, адресованных власти, в принятии политических решений. Степень политического участия определяется правовой и политической культурой, правами и свободами личности. Культура определяет знание своих интересов, осознанность полити-

[1] Лебедев И.А. Политические ценности как сложный и многомерный аспект // Вестник МГУ. Сер. 12. Политические науки. 1999. № 2.

ческих действий, права и свободы обеспечивают легитимность и нелегитимность политического участия, защищенность человека от произвола власти.

Политическая деятельность представляет собой единство политически- материального и политически-идеального. Материальное в деятельности - опредмечивание ее результатов, основа деятельности, придающая ей возможность осуществления, материальное в политической деятельности - результативность политического решения. Вне материальной основы человеческое существование невозможно. Невозможно оно и без идеального - мыслей, знаний, эмоций. Лишить деятельность духовного начала - обречь ее на бесплодность. Преобладание материального над идеальным освобождает деятельность от будущего, разрушает личность. Деятельность человека в принципе целеполагающа и сознательна, хотя в своих конкретных проявлениях она может быть автоматична и бессознательна. «Духовное» не только обеспечивает деятельность мотивами, идеями, но и включает в деятельность, такие регуляторы, как нормы и ценности, нравственные и эстетические, не имеющие материального выражения. Основной духовности является нравственность. При определенных условиях возникает возможность пренебречь этой стороной духовного (идеального), воспринимаемой как невостребованное в силу своей непрактичности. То, что духовное начало деятельности рано или поздно получает свое предметное воплощение в виде продуктов материального производства, произведений искусства и т.д., не меняет существа дела: стремление получить немедленный результат с минимальными затратами эксплуатирует лишь рациональную часть духовности, основанную на знании и опыте. Другая сторона духовности, связанная с чувством прекрасного, верой, надеждой, прекраснодушием, благородством, умением сопереживать, и т.д., воспринимается как помеха человеку рациональному, экономическому. Преобладание человека экономического грозит привести постепенно к упразднению духовного начала в деятельности.

На вопрос о том, что составляет содержание политической деятельности, пытались ответить еще в Древней Греции. Система взглядов Платона на природу человека и обусловленное ею социальное взаимодействие закладывает объяснение политического процесса как сферу грубой материальности. Если Аристотель, не исключая материальных начал в политике, признавал за ней возможность достижения идеала справедливости, то Платон утверждал, что воля людей скована материальной действительностью. Способность человека поддаваться страстям, чувство, освобожденное от разума, делает человека не сво-

бодным в обществе и государстве. Последнее контролирует деятельность человека, регулирует его страсти, подчиняя их разумной организации извне. Политический процесс, по сути, исключается, воля человека подчиняется воле государства, а общественное благо становится результатом деятельности не человека, а государства - идеального, регламентированного.

Аристотелево понимание идеала как реального блага, осуществляемого человеком в его действиях и поступках, объясняет природу политического процесса, место и роль в нем человека и государства. Разум позволяет человеку властвовать над своими вожделениями и страстями, следовательно, человек обладает свободой воли, делающей возможной свободу выбора. Поэтому общественное благо достигается в результате активной деятельности людей как проявление их свободной воли - политический процесс, таким образом, представляет собой естественную, активную, свободную деятельность людей. Жизнь человека осуществляется в государстве - целом по отношению к части - человеку и предшествующем ему, как целое предшествует части. Государственное состояние является естественным состоянием человека, вступающего в политическое общение. Государство регулирует общение с человеком при помощи закона. Политический процесс в рамках системы взглядов Аристотеля - это сфера естественной активной деятельности людей по достижению общественного блага, являющейся результатом их свободной воли и регулируемой правом в лице государства. Это сфера материального и идеального: деятельность естественного человека, реализующего общественное благо (идеал). Нравственность человека - результат деятельности его разума, нравственность людей в политическом общении обеспечивается государством через закон, так как «человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым, диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие о справедливости связано с представлениями о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения»[2].

Единство материального и духовного в деятельности и борьба между ними, преобладание одной из сторон при возникновении соответствующих предпосылок - диалектика человеческой деятельности. Нарушение баланса этих начал вызывает диспропорции в самой деятельности, приводит к ее ущербности, односторонности. Западный

[2] Аристотель. Политика // Аристотель. Собр. соч.: В 4 т. Т. 4. М.: Наука, 1984. С. 380.

мир, ориентированный на потребление, лишенный духовного начала, не только сам зашел в тупик, но создал тупиковую ситуацию для современной цивилизации, определителем которой он является. Подобный тупик - либо обрыв цивилизации, либо выход на новую ступень прогресса. Прогресс из регресса осуществляется по мере накопления опыта и знаний, осознания на этой основе необходимости поиска эффективного выхода, нового пути, отрицания отжившего, мертвенного.

Материализация мира выражается во власти чистогана, формирования «человека экономического», падении престижа интеллигенции как носительницы духовного начала, расцвете ремесленничества во всех видах деятельности. Сам процесс деятельности, освобожденный от духовного начала, становится все более технологичным - самоконструируемым и конструируирующим поведение человека, манипулирующим им.

Конец XX века - свидетель победы материального над духовным. На рубеже столетия и тысячелетия мир сталкивается с проблемами иного порядка, нежели в прошлом: развитие научно-технического прогресса в развитых странах делает возможным еще более комфортное существование человечества, удовлетворение все больших его потребностей. Вместе с тем, это свойственно не всем странам: во многих из них еще не решены проблемы преодоления зависимости от природы, основная масса населения еще не может удовлетворить насущные потребности. Кроме того, за решенными проблемами следуют новые: человечество дорого заплатило за комфорт, с каждым годом ухудшая свои отношения с природой, демографические взрывы в одних регионах земного шара, не приспособленных для увеличения населения в таком количестве, соседствуют с районами, где происходит сокращение населения. Быстро истощаются энергетические ресурсы Земли.

Как никогда более важной является задача организации и рационального управления, с одной стороны, и социального контроля над властью - с другой. Это предполагает новое качество духовности управляемых и управляемых. Со всей очевидностью возникает необходимость расширения интеллектуальных возможностей власти за счет профессиональной и общей культуры и активизации социальной и политической деятельности масс, придавая ей сознательный характер, создаваемый опытом политического участия, накоплением политических знаний. В каждой конкретной сфере это требует и конкретных задач. В современных условиях глобализация означает признание влияния общих причин на исторические процессы. Глобализация экономических оснований истории создает не только экономический,

но и мировой вызов, вызов современной цивилизации, политике, выдвигая на повестку дня потребность в новом типе «великого человека», личности, способной своим авторитетом повлиять на ход истории. В России формирование такого типа личности специфично в силу действия традиционного фактора, трудностей переходного периода. В сфере социально-политической - это обострение недоверия масс ко всему государственному, духовной - наличие стереотипов в сознании, консервативности сознания, наполненного определенным содержанием представлений о свободе и справедливости, патриотизме, назначении человека, в сфере экономической - наличие массивного военно-промышленного комплекса, большого количества нерентабельных предприятий, негибкость производства, отставание в развитии легкой и пищевой промышленности.

Важным вопросом трансформации сознания человека в новых исторических условиях имеет вопрос о внешних и внутренних факторах изменений, происходящих в сознании и поведении людей в условиях российского транзита. Сознание каждого россиянина отражает не только воздействие микро- и макросреды, но и большего - российского и общепланетарного мира. По свидетельству Л.И. Семенниковой, доминантой общественного сознания россиян является историческое миропонимание, ощущение себя частью большего, общепланетарного[3]. Г. Вернадский считал, что русский народ заплатил за свое национальное существование автократией и крепостничеством[4]. Это накладывает отпечаток на усвоение модернизирующихся и новых ценностей, определяет перспективы построения правового государства и формирования гражданского общества в России, возможности развития по пути прогресса, «вхождения» в цивилизованный мир.

Ускоренные модернизации общества приводили к движению народных масс, к отрыву их от привычной почвы, к эрозии традиционных ценностей. Человек превращался в люмпена и маргинала. Характерно различие этих процессов в западной Европе и России. Тоталитаризм - явление XX века, когда индустриализация привела к разрушению традиционного уклада и невиданному движению масс. В России очередной этап модернизации относился к 20 – 30-м годам, его субъектами были рабочие и крестьяне, полуграмотные или малограмотные, участвовавшие в индустриализации и коллективизации. Идеология разрушения «старого мира» на практике привела к разры-

[3] Семенникова Л.И. Россия в мировом сообществе цивилизаций. М.: Интрепракс, 1994. С. 7.

[4] Основы теории политической системы. М.: Мысль, 1985. С. 361 – 362.

ву с прошлым, традицией, старой моралью. Воспитание из человека существа, послушного власти, создало в нем дефицит самостоятельности и творчества, выработало недоверие к неординарным людям, к интеллекту. Низкий уровень общей и политической культуры стал опорой власти, обеспечил поддержку ее действий у населения, почтительно-некритически воспринимавшего культ личности Сталина[5].

Следствием формирования диктатуры власти и послушания масс в советский период сформировался тип «традиционной личности». Находясь у власти, она действовала деспотически, принадлежа к низам, она принимала иждивенческие черты. Такой тип личности плохо переносит перемены, воспринимая их как разрушение привычного жизненного уклада и посягательство на стабильность своего существования. Это приводит к поддержке политических мифов и утопий.

Называя причины российского кризиса, исследователи указывают в числе прочих на амбициозность и некомпетентность российских политиков, низкий уровень политической и моральной культуры ее правящих кругов, для которых интересы захвата власти стояли выше национальных интересов страны. Стремление к абсолютной власти привело Б.Н. Ельцина к подписанию Беловежского соглашения, разгону Верховного Совета РСФСР в октябре 1993 года, началу чеченской войны, жонглированию премьер-министрами в 1998-м. Процесс роста авторитаризма увенчала Конституция 1993 года, которая отдала в руки президента огромную власть при ограниченном контроле исполнительной власти со стороны парламента и общества (ст. 16, 17, 20). Следовательно, властный произвол в России создается не только личностными, но и социокультурными и правовыми факторами: особенности российской национальной деловой культуры, в отличие от западной, заключаются в том, что новая власть стремится не к созданию новой среды, а к «подстраиванию» ее под свои интересы[6]**.** Волюнтаризм властной элиты России настолько силен, что у специалистов по проблемам глобализации вызывает сомнение влияние Запада на протекание российских «реформ». М. Молчанов, в частности, отмечает, что за «превращение России в общество, где господствует небольшое число клик, главным образом финансистов и сырьевиков, международный капитал ответственности не несет. Это был выбор самой России, это была политика, разработанная и осуществленная внутри страны. Государству не удалось при проведении экономиче-

[5] Кон И. Психология социальной инерции // Коммунист. 1988. № 1.

[6] Григорьев Л. К новому этапу трансформации // Вопросы экономики. 2000. № 1. С. 10.

ского курса учесть интересы непривилегированных слоев населения. Вместо этого оно выбрало отчетливо элитистскую ориентацию, когда все блага мировой культуры оказались в распоряжении только узкого слоя "новых богатых", а издержки за самопроизведенный сдвиг страны на мировую периферию были возложены на остальных ее граждан»[7].

Любая личность, входящая во власть, вынуждена считаться со сложившейся системой властных отношений и норм. В свое время В.И. Ленин писал, что большевики, входящие в буржуазный парламент, должны действовать, учитывая его особенности, если хотят через этот парламент проводить свои интересы. Вопрос заключается в том, с какой системой правил и с какими нормами субъекту власти приходится иметь дело. Если при лоббировании, давлении на власть извне, коррупции и взяточничестве, которые имеют место в любой системе власти, основой деятельности субъектов является подчинение закону, а в обществе существует и работает механизм действенности закона, то объективно интересы общества выходят на приоритетные места в принятии решений. В сознании личности в таком случае преобладает установка не на абстрактные соображения справедливости, а требование считаться с необходимостью, заданной существующей системой власти. Если же такой механизм и менталитет не сформирован, «правила игры» наполняются иным содержанием и национальные интересы отходят на второй план даже у лидера с высоким уровнем морального потенциала.

Неспособная разрешить социально-экономические противоречия российская политическая элита, отказавшись от правил игры, существовавших в предыдущей системе власти, выработала такие правила своего властного поведения, которые замыкают власть на самое себя, что фактически освобождает властного лидера от юридической и моральной ответственности за происходящие в России события и принимаемые им решения. Складывается своеобразная пародия на монархическую власть, которая лишена опоры на традиционные нормы и не способна соблюдать юридические, хотя претендует на всю полноту права принимать решения.

Анализируя теоретическую и идеологическую базу, которая подводится новой российской элитой под содержание производимых ею политических, экономических и социальных мероприятий, мы убеждаемся в отсутствии стратегии движения и определяющей общена-

[7] Молчанов М. Истоки российского кризиса: глобализация или внутренние проблемы? // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 101 – 102.

циональной идеи, которые могли бы выполнить мобилизующие функции в условиях выхода страны из кризиса. Принимая непродуманные решения, субъекты российской власти узаконивают свои действия постфактум, “вдогонку” обосновывая содеянное. Это касается принимаемых законов по жизненно важным вопросам существования российского общества, обеспечивающих положение человека в обществе и возможности воспроизводства его жизненных сил - законов об образовании и труде. Начинающаяся реформа фиксирует сложившуюся ситуацию. Бесспорно то, что новая российская элита сознательно проводила политику развала национальной системы образования, сложившейся в советский период, в то время как единственно реальным был вариант реорганизации этой системы, вывод ее на новые ступени научно-технического прогресса, совершенствование программ обучения в соответствии с потребностями научно-технического прогресса и социально-экономического развития, новыми задачами социализации личности. При этом российская элита руководствовалась заимствованными представлениями о бессознательности масс, относительности общественного мнения, невозможности разумного действия в народной среде и собственным недоверием и презрением к своему народу, который в российской политической лексике превратился в электорат, избирателей, участников, но не народ, и которому она противопоставила формирующуюся элитарную аристократию. Свидетельством сказанного является полное выключение основной массы населения страны из сферы принятия жизненно важных решений, что находится в противоречии с опытом политической деятельности россиян, склонных к массовым видам политического участия. В прошлом об этом свидетельствовали многочисленные бунты и мятежи, в советское время - широко распространено участие в митингах и демонстрациях протеста и солидарности по вопросам внешней политики, в 90-е годы XX века - быстрое распространение массовых общественно-политических организаций. В конце 90-х годов происходит очередное падение уровня общественно-политической активности населения и отдельной личности: этому способствуют изощренные технологии манипулирования, приводящие к противопоставлению одних членов общества другим, создание правовых препятствий политической активности (достаточно вспомнить, что процедура референдума по закону «О референдуме» включает от 9 до 12 этапов, что, естественно, затрудняет процесс обращения к народу), отвлечение людей от политической активности и создание таких условий, которые способствуют вовлечению людей в другие виды активности, в частности в трудовую, в которых реализу-

ются, главным образом, первичные потребности человека - потребности в выживании.

Российская псевдодемократия все более отдаляется от основной массы населения страны, опираясь при этом на слой творческой интеллигенции, поддержавшую демократические реформы, ставя ее в привилегированное положение и создавая себе тем самым некоторую идеологическую опору в определенных кругах. Продолжает действовать модель «шута у трона короля». Свидетельством этого является письмо российской интеллигенции по поводу российского гимна[8]. Российские «левые» обратили внимание на выпады против большинства, содержавшиеся в письме: авторы письма убеждены, что мнение большинства ошибочно отражает его интересы. Что касается интересов большинства и значимости интересов меньшинства, то очевиден тот факт, что в демократии одно не противопоставляется другому, в противном случае демократия лишается того смысла, который закладывает в нее этимология слова, историческое развитие мировых демократий и формула Декларации прав человека и гражданина, согласно которой народ является источников права. Права меньшинства при этом защищаются, и если в демократических реформах подчеркивается значение вопроса о правах меньшинства, то речь идет о том, чтобы эти права всегда были учтены обществом, но не становились определяющими в политическом процессе.

Результатом такой политики стало разрушение среды, в которой происходит восстановление человеческих сил, удовлетворение разнообразных потребностей, а сами потребности сведены к одной - потребности выживания. В России началась «утечка мозгов»: около 200 тыс. специалистов уехали за границу. Реальностью стала деградация науки, среднего культуры, вооруженных сил. Большая часть общества поставлена в положение новых рабов, которые, согласно проекту нового Кодекса о труде, уже не смогут требовать своих прав в случае нарушения их работодателем. И это также является законодательной констатацией факта изменившегося положения российского работника. Оценивая проводимые властью мероприятия, экономисты обсуждают, на каком уровне находится в настоящее время благосостояние нации. Не менее важной проблемой для нравственного развития и будущего нации является тот факт, что население поставлено в условия, когда труд занимает большее время человеческого существования, не остается его для отдыха и творчества, основной задачей становится

[8] «Эту песню не задушишь, не убьешь»: Интеллектуальная элита против советского гимна // Известия. 2000. 5 дек. С. 1.

выживание, а целью - добывание денег. В новой российской реальности не происходит воспроизводства человека как целого, единства его деятельности.

Транзитный характер общества содержит в себе преобладание действия стихийных факторов над сознательными, массовых стихийных (неортодоксальных) форм политического участия в противовес упорядоченным действиям в рамках конституций и законов. В социальной структуре общества образуются и активизируются, влияя на политический процесс, неформальные группы и группы нетрадиционных ориентаций (сексуальные меньшинства), архаичные (казачество, дворянство), элитарные (партия любителей пива).

Преодоление общецивилизационного тупика будет заключаться в ликвидации уклонов в сторону вестернизации. Преодоление социального тупика - в решении проблем социальной справедливости. Преодоление политического тупика - в развитии системы управления, сочетающей научные знания об обществе с общей культурой населения и власти, рациональное с эмоциональным.

Масштабность задач, решаемых в ходе исторических сдвигов, приводит все общество в движение, независимо от классовой принадлежности людей, их идеологических пристрастий, личной решимости участвовать в событиях, желаний и симпатий, способности или неспособности к активным действиям. Это явление и его трагичность хорошо осознавали российские писатели начала века - А. Толстой в «Хождении по мукам», М. Булгаков в «Беге». Личность стоит перед необходимостью выбора - на какой стороне баррикад она находится, третьего не дано.

Политическая активность в реформируемой России проявляется в различных формах массовых движений - забастовках, митингах, демонстрациях, организуемых профсоюзами, политическими партиями, общественно-политическими движениями, - в участии в избирательных кампаниях. Последние - относительно новая форма российской политической активности. О ее истоках и результативности можно судить по социальным характеристикам современного российского электората. Сложность для формирования будущей российской государственности видна в составе избирателей, его количественном и качественном выражении. В выборах 1996 года участвовало, по официальным данным, 72 млн. человек - половина населения России. Однако количественный показатель не раскрывает настоящего содержания выборов, не является свидетельством их демократичности или недемократичности, во-первых, благодаря все более массированному действию все более изощренных избирательных технологий. Во

вторых, более важное значение имеет социальный состав голосующих, так как он отражает существующие в обществе интересы и потребности, противоречия между ними и уровень возможностей их выразить. Произошедшее размывание социальных границ превратило российское общество в аморфное образование. Из производства в стихийное предпринимательство вытолкнута основная масса ранее работавшего там населения. Это привело к необратимым для социальной структуры явлениям: тот, кто ушел из производства, потерял квалификацию, а страна потеряла кадровый потенциал высококвалифицированных рабочих. Это же привело к изменениям в массовом сознании. В сознании деклассированной части населения преобладает прежде всего представление о свободе как вседозволенности, человек перешагивает ту черту, за пределами которой начинается нравственная глухота. Постоянно увеличивающиеся скандалы и катастрофы делают людей невосприимчивыми к аморальным поступкам политической элиты. Проведенные в 1999 году Институтом социологического анализа и Центром по изучению нелегальной экономической деятельности социологические исследования "Теневая Россия" продемонстрировали социальные характеристики электората некоторых партий и предвыборных блоков. Исследования показали, что большая часть населения считает криминальный бизнес не только допустимым, но и прочной основой стабильности и порядка в стране. Стоящие за ультраправых - малообразованная молодежь, проживающая в небольших городах и провинции, в основном - националисты, электорат правых - обеспеченная молодежь, имеющая более высокий уровень образования, чем сторонники В.В. Жириновского, жители больших городов, т.н. за правых и ультраправых голосует самая молодая, энергичная и благополучная часть общества, которая больше боится отката назад, нежели озабочена продвижением вперед. Со стороны левых - более высок процент пожилых людей, низко самооценивающих свое материальное положение. Это лица, унаследовавшие официально-идеологические или моральные нормы, а не теневые отклонения от них. Не имея возможности пользоваться свободой, они уповают на поддержание порядка, для чего, как они считают, достаточно соблюдать законы[9].

Наряду с общественно-политической, деятельность человека протекает и в производственно-трудовой, и духовной сферах общества количество и качество этой деятельности способствует общественно-

[9] Клямкин И., Тимофеев Л. Теневая Россия накануне выборов // Независимая газета. 1999. 8 дек. С. 3.

му прогрессу или тормозит его. В свою очередь, сформированные в процессе человеческой жизнедеятельности сферы общества являются средой, в которой происходит деятельность и развитие человека. Единство общества в его составляющих формирует целостного человека, единого с природой, обществом и самим собой. Развитие общества и человека - взаимосвязанный процесс, в основе которого - сознательная творческая производственно-трудовая, духовная деятельность человека. Ее проявлению и активности способствует политическая деятельность, имеющая характер всеобщности, так как люди, принимающие в ней участие, преследуют общие цели, в противном случае, народ превращается в совокупность атомов, писал И.А. Ильин. Духовное разумное начало является основой любого вида социальной деятельности: «Солидаризация интересов создается тогда, когда каждый член союза будет понимать неосуществимость своей цели помимо осуществления чужих одинаковых целей»[10]. Идеи, принадлежащие российскому правоведу и философу, отражают составляющую российского сознания, воспринимающего политику через призму Отечества. Осознанность политики как дела патриотического и направленного на пользу общему делу составляет исконно русское отношение к политике и власти. Отсюда так непоследовательно и слабо прививаются в российской политической практике представления о разумности как рациональности, а рациональности - как нацеленности на конечный результат: патриотизм - не только разумно, но и чувственно воспринимаемое русской душой явление, в осмыслении которого есть и иррациональное начало. Как отмечает М.В. Черников, идея выстроенности народного счастья на строго научной основе, как это осуществлялось властью в советское время, вызывала эмоциональный протест[11], который рождался преимущественно в среде советской творческой интеллигенции. Поддерживая в основной массе существовавший порядок, она интуитивно не соглашалась с требованиями идеологизации художественного творчества и в меру своего таланта и возможностей, оставаясь советской интеллигенцией, стремилась осознать народные корни своего творчества. Этот процесс интенсивно осуществлялся в 60-е годы XX века: хрущевская «оттепель» возобновила поиск исторических и национальных основ, бурно возрождался российский исторический роман, элементы

[10] Ильин И.А. О сущности правосознания // Подготовка текста и вступ. ст. И.Н. Смирнова. М.: Рарогъ, 1993. С. 112-113.

[11] Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляции // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 60.

национальной одежды входили в современную моду, что в 70-е вырождается в стилизацию русского прошлого, внедрение его в быт и творчество, о чем свидетельствует творчество художника Ильи Глазунова.

Приведенные выше рассуждения позволяют нам утверждать, что Россия - общество, выстроенное на основах единства личности и общества, коллективистских начал труда и целостной деятельности в единстве ее политической, социальной и духовной активности. В этих условиях формируется такой тип сознания и деятельности личности, который проявляется в политическом процессе в высоких нравственных требованиях к власти, в склонности к массовым видам политической активности, в сочетании политической активности с производственно-трудовой и духовной.

Своевременным должно явиться возвращение к проблеме роли индивидов и социальных групп в политическом процессе, не ограничивая при этом их политическую активность участием в избирательных кампаниях, а изучая весь спектр социальной активности, в том числе и их возможности влияния на политический процесс и власть в данный исторический период.

Развитие представлений о «человеке политическом» в реформируемый период осуществляется в рамках как минимум двух противоположных точек зрения о задачах, стоящих перед мировым сообществом: сохранить заданные еще марксизмом параметры устойчивого детерминированного развития или изменять свои представления о мире в сторону признания его негарантированности и непредопределенности. Модели устойчивого развития, считает А.С. Панарин, на приоритетное место в общественных процессах выводят политические институты, оставляя человеку роль пассивно подчиняющегося законам истории[12]. Его индивидуальная активность осуществляется в рамках всеобщей предопределенности. В то же время концепция стихийности развития ставит человека в положение активно действующего субъекта в ситуациях выбора. Не исключая наличия и значения в процессе развития случайности и стихийности, возможности непредсказуемых и неразумных действий как масс, так и личности, мы считаем, что абсолютизация этих явлений приводит к одностороннему подходу в оценке и прогнозировании общественного развития и содержит известную опасность недоучесть значение организации и упорядочивания общественных процессов. В политике это может

[12] Панарин А.С. Философия политики: Учеб. пособие для политологических факультетов и гуманитарных вузов. М.: Наука, 1994. С. 16.

привести и приводит, как показывает российская практика, к преобладанию действия разрушительных сил над созидательными. Предоставление человеку возможности самостоятельного и свободного развития в обществе, где сохраняется действие историко-культурной традиции ориентации личности на авторитарную власть и зависимости от нее, где не сформирован механизм, создававший в свое время порядок, основанный на всеобщей связанности законом, которому подчиняется отдельный человек, это значит создать в обществе хаос и беспредел, который мы наблюдаем в России в конце 90-х годов XX века.

В политическом отношении человек выступает носителем социально-индивидуального и массового сознания, как индивидуально активное лицо и как человек массы - в зависимости от условий, в которых осуществляется его политическая деятельность - положения страны на мировой арене, уровня ее социально-экономического и культурного развития, авторитета государства, идеологии, культивируемой политическим режимом, существующей системы образования и воспитания, места, занимаемого личностью в политической системе. Чем более высок уровень образования и культуры, нравственности личности, тем более она социальна и тем менее подвластна идейно-психологическим влияниям, тем менее ей свойственен конформизм.

Государство может предоставить личности право выбора своего отношения к власти и соответствующего легитимного поведения, оно же может потребовать от личности безоговорочной поддержки власти. Советская история России культивировала именно последний подход к человеку, опираясь на существующую традицию подчинения власти и используя для достижения целей необходимую долю насилия. Предоставление права выбора не означает отказа от привлечения личности к поддержке существующей политической власти, режима, социально-политического устройства, но для этого необходимо, чтобы человек воспринял соответствующие идеи и ценности как свои собственные, чтобы они стали для него значимыми. Наиболее благоприятные условия этому создаются тогда, когда государство контролирует сознание всех граждан, что характерно для тоталитарного режима и для правового государства, в той мере, в какой граждане осознают решения, принимаемые властью как свою пользу. Смена ценностных ориентаций, разрушение прежних идеалов и отсутствие новых создали в России периода «реформ» ситуацию хаотичного выбора, так как недостает ни времени, ни политических сил для оформления нового идеала. Середина 90-х годов проходила под

знаком борьбы идей «старой» и «новой» систем, осуществляемой в критике уходящих и ушедших политических субъектов, в политических программах партий и движений, в заявлениях лидеров новой формации. В кризисный для России период восторжествовал массовый человек: недостаток информации на обширной территории России, влияние «черных технологий», общая атмосфера недоверия государству рождает социальную апатию, которая приходит на смену социальному и политическому конформизму. Общество крайне нуждается в идеалах, стимулирующих деятельность и позволяющих народу осознать себя историческим лицом.

В периоды социальных потрясений власть может создать или удержать свои позиции, идеализируя свою деятельность, делая принимаемые решения привлекательными в сознании массового человека. Поскольку легитимность власти обеспечивается не только законностью, но и признанностью, власть заинтересована в том, чтобы человек позитивно оценивал ее решения, рассматривая ее как социальную ценность. Наиболее эффективный путь достижения социального признания - мифологизация и стандартизация сознания. Власть в России ориентируется на массового человека, поэтому ей необходимо создание мифов, которые через систему средств массовой информации, образовательную систему, искусство внушаются населению. Власти не нужны личности: чем слабее власть, тем более она ориентирована на массового человека. Многочисленная литература о феномене массового человека, социально-психологических основах массового сознания справедливо отмечает, что, чем ниже уровень культуры личности, тем в большей степени возрастают манипулятивные возможности власти. Кроме того, отдельному человеку в периоды больших социальных потрясений, когда распадается привычное бытие и возрастает ощущение неустойчивости существования, свойственно уходить в мир традиционных и мифологических представлений. Этим объясняется расцвет в России в последнее десятилетие оккультизма и мистики, уфологии. На раннем этапе реформ российское население охотно откликалось на обещания власти, верило в возможность быстрого достижения всеобщего благополучия. На этом доверии, а не реальных действиях продержалась власть Ельцина до 1996 года, вера в президента-демократа дала ему возможность еще выиграть выборы 1996 года. Склонность к вере, вера в мифы делает российского человека восприимчивым к внушению в той степени, в какой он лишен информации и в какой падает его культурный уровень.

Объяснение склонности российской политической элиты к созданию политических мифов - о существующей в России демократии и

свободе - нужно искать в особенностях ее происхождения, в ее социальных корнях. «Демократы» первого поколения вышли из среды советской номенклатуры - аристократической части советского общества, выработавшей резко отрицательную оценку, презрительное отношение к собственному народу. Противопоставление «верхов» и «низов» привело к осуществлению реформ узким кругом «верхних десяти тысяч». То, что основная часть общества не имела представления о целях реформ и о том, в каком направлении движется общество, а реформы были объявлены делом профессионалов-специалистов, явилось следствием этого трагического, как показала практика, разрыва.

Постсоветский период ознаменовался резким падением сознательного отношения человека к политике, причинами является растерянность человека перед происходящими переменами, когда каждый человек был поставлен перед необходимостью индивидуального выбора, что несвойственно обществу, чья история всегда была надиндивидуальна. К тому же власть, владеющая информацией в стране, где царит информационный голод, сможет эксплуатировать создавшееся положение, создавая гигантский манипулятивный аппарат в лице средств массовой информации.

На полюсах российского политического процесса находятся государство и личность. Первое представляет собой его организующую сторону, личность вносит в него элемент случайности и непредсказуемости. Личность в политике выражается в политической активности - качественной стороне политической деятельности.

К 90-м годам XX века российское общество подошло с исчерпанными ресурсами прошлых преобразований. С позиций гуманитарной составляющей общественного бытия таким ресурсом был энтузиазм масс, основанный на вере в социализм, который иссякал в условиях бюрократизации общества и появления скрытых ресурсов милитаризации хозяйства. В настоящее время, как справедливо считали исследователи, подводя итоги десятилетия реформ, настало время поиска новых возможностей накопления социальной энергии[13]. Тем более эта проблема ощутима в настоящее время, когда обнаружился крах политической, идеологической и экономической деятельности «демократической» элиты. Важной проблемой в условиях разрушения прежних моделей жизнедеятельности и создания новых, смены ценностных ориентаций и мотиваций повеления индивида в политическом процессе является изучение взаимоотношений личности и власти в сфере

[13] Перестройка. Десять лет спустя. Горбачев-Фонд. М.: Изд-во “Апрель-85”, 1995.

политического участия и политической активности. Здесь затрагивается принципиально важная для России конца XX столетия проблема: кто является источником преобразований - властная элита как совокупность «верхних десяти тысяч» или народ как историческая, социокультурная и психологическая общность? Каким образом народ может выступать социально и политически активной силой и формируется политическая элита, какие социальные слои, классы и группы являются в обществе «поставщиками» агентов политического действия и каков механизм формирования политического действия и политического участия. Для современной России ответы на эти вопросы означают определение того, в чьих интересах в настоящее время и в будущем осуществляются проводимые преобразования, а следовательно, какова направленность осуществляемых реформ.

Стремясь к решению этой теоретической и практической задачи, российская политическая наука активно осваивает западный опыт теоретического анализа проблемы, который сосредоточен в многочисленных исследованиях методов и способов политического участия, его структур, форм, уровней, идеологических и социальных аспектов, обеспеченности законом взаимоотношений личности и власти, эффективности политического действия. Однако все более важным становится изучение этих вопросов в контексте российской политической динамики и, как отмечает Д.В. Гончаров, необходим комплексный подход к проблеме[14].

Гуманитарные проекты освобождения человека из-под гнета власти и государства осуществляются в рамках концепций рационального действия и феноменологической философии. Последнее десятилетие ознаменовалось потребностью западной науки найти более объективные объяснения роли человека в политике и обществе. Признается необходимость поиска социальных оснований человеческого сознания и действия. Однако в традициях индивидуализма и синергизма социальные связи рассматриваются как коммуникации, чем подчеркивается их временность и необязательность. Законами же, определяющими наблюдаемое поведение людей, признаются их желания и убеждения. Характеризуя социальную и политическую деятельность людей, авторы находятся между двумя противоположными точками зрения - одна отстаивает разумность человеческих деяний (теория рационального действия), другая опровергает всякие возмож-

[14] Гончаров Д.В. Теория политического участия. М., 1997.

ности разумности в человеческой активности[15]. Выявляя трудности рационального объяснения действия, И.Ф. Девятко подчеркивает непоследовательность индивидуальных качеств человека, что приводит к непредусмотренности, иррациональности и нелогичности поведения человека, который не может действовать, реализуя общее благо, так как не может определять, в силу этого, что такое общее благо, поставить цели в соответствие с желаемым положением дел. В то же время действие только тогда получает направленность, когда оно сознательно[16]. Вопрос о сознательности участия масс в политическом процессе марксизмом решался с позиций классовой борьбы - основного источника приобретения политического опыта наиболее сознательной частью трудящихся - пролетариатом. Другим источником сознательного политического действия являлась просветительская и идеологическая деятельность партии, которая через наиболее сознательную часть рабочего класса осуществляет подготовку всей массы трудящихся к революционным наступлениям на капитал. Сознательность политического участия в таком понимании заключается в осознании рабочими своего угнетенного положения в системе капиталистического производства, необходимости вступления в классовую борьбу, в которой происходит так называемая «человеческая эмансипация» - освобождение рабочим классом в классовом союзе с другими работниками всех трудящихся. Таким образом, разумность в политике осмысливалась как классовая сознательность рабочего класса, проявляемая в революционной борьбе.

Дальнейшее развитие капиталистического производства и изменение положения рабочего класса и трудящихся, появление среднего класса, новых форм взаимоотношений господствующего и трудящегося класса, возрастание значения организации, решение проблем стабилизации и упорядочивания в современных обществах, глобальные проблемы современной цивилизации - объективно требуют повышения уровня сознательности человека, его ответственности за последствия своей деятельности, а в политической сфере - за принятые решения. Формирование современных политических институтов и динамика их функционирования, в свою очередь, ставят проблему ответственности за положение человека в политических системах современных обществ. Практика показывает, что дегуманизационные

---

[15] Хайек фон Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма: Пер. с англ. М.: Изд-во «Новости» при участии изд-ва “Catallaxy”, 1992. 304 с.

[16] Девятко И.Ф. Логические и содержательные трудности рационального объяснения действия / Политическая наука в России: Интеллектуальный поиск и реальность. Хрестоматия / Под ред. А.Д. Воскресенского. М.: МОНФ, 2000.

процессы, происходящие в политике, создают трудные для разрешения противоречия. Это наглядно демонстрирует российская политическая реальность.

Растущее понимание необходимости гуманизации, тем не менее, не означает четкого понимания содержания этого понятия. Гуманизм, суть которого состоит в отношении человека к другому человеку как высшей ценности, проявляется в высоконравственных качествах альтруизма, милосердия, сострадания. Эти понятия наполняются разным содержанием в разные исторические эпохи, в чем проявляется их относительность, но и одновременно содержат в себе абсолютное начало - они отражают достоинство и ценность человека как самодовлеющие понятия, как субстанциональное свойство человека и основную черту жизнедеятельности общества. Взаимопомощь и сотрудничество - необходимое условие развития индивидуальности каждого. Это не только не исключает, но и полагает как диалектическую противоположность антигуманизм, означающий отношение человека к человеку как к средству удовлетворения эгоистических потребностей. Поскольку каждый человек в его общественном бытии объективно зависит от деятельности другого человека, так же объективно он выступает в роли средства достижения целей, удовлетворения потребностей других людей. Тем опаснее становится ситуация, когда обществом поощряется и культивируется это качество - действия с целью получения наибольшей выгоды для себя. Это приводит либо к появлению «производства для производства», работающего для себя, а не для блага человека, либо к производству ради личной наживы, безотносительно к общественной пользе. Распространение подобного типа в обществе создает ситуацию, подобную той, которую Т. Гоббс назвал «войной всех против всех», когда свою собственную свободу человек реализует за счет другого. Такие возможности создаются в обществе, потерявшем высшие цели своего развития - тогда и отдельный человек не ставит перед собой высоких целей. Особенную значимость эта проблема приобретает в политическом процессе, где немаловажно, с какими целями человек участвует в политике: из расчета на вознаграждение, из энтузиазма или из идейных соображений.

Субъективная сторона гуманизма - совокупность взглядов на человека с позиций его самоценности, что является основой практического гуманизма - обеспечения реальных, достойных человека материальных и духовных условий его жизнедеятельности. Сущность гуманизма, таким образом, в совокупности субъективных и объектив-

ных отношений к человеку как высшей ценности[17]. Свое высшее проявление гуманизм находит в общественно-политической деятельности человека, где он имеет возможность не только бороться за признание прав на реализацию своих интересов, но может реализовывать эти права в политических решениях.

Деформации российского общества по-новому поставили вопрос о гуманизме общества и человека. Ясно обозначилась ситуация, когда человек существует для власти, а не власть для людей, интересы их остаются вне внимания власти, падает уровень нравственности, что приводит к формированию ценности антигуманного порядка. В этом случае становится невозможен ни социальный, ни политический прогресс. Первый, так как общество распадается, не сдерживаемое соображениями бескорыстного взаимодействия, второй не может осуществиться в силу нелегитимности власти, отчужденной от общества и от человека и не несущей ответственности перед ними. «Традиционные бюрократические модели, - пишут Б.Г. Питерс и В. Райт, - ... основывались на принципе отчетности всех уровней власти политическим суверенам, роль которых при парламентских демократических режимах выполняют министры... Рост численности полуавтономных учреждений и их выход на рынок с предложением собственных услуг, определенный подрыв позиций номенклатуры и организаций третьего сектора - все эти обстоятельства в совокупности ослабили традиционные формы ответственности»[18].

Какое-то время бюрократизированное общество может «сцепляться» применением силы со стороны власти, путем мифологизации власти в глазах населения, действием манипулирующих сознанием людей технологий, однако лишенное стержня в виде осознанного взаимодействия людей во имя самих людей - такое общество неминуемо идет к социальному тупику или своей гибели.

Гуманизация политического процесса охватывает обе стороны субъектно-объектных отношений политики. Если по отношению к объекту власти гуманизация состоит в активизации участников политического процесса, превращению ее не в кратковременный и спонтанный, а осознанный и долговременный процесс, то по отношению к субъекту власти гуманизация - это предотвращение угрозы деформации личности, осуществляющей власть. Деформация возможна, так

---

[17] Бессонов Б.Н. Гуманизм и технократизм как типы духовной ориентации // Философские науки. 1988. № 1. С. 25.

[18] Питерс Б.Г., Райт В. Социальная политика и управление: вчера и сегодня // Политическая наука: Новые направления / Под ред. Р. Гудина и Х.-Д. Клингеманна. М.: Вече, 1999. С. 615.

как властная деятельность при создании благоприятных условий может стать основной потребностью человека, единственным интересом, формирует определенное психологическое состояние личности, находящейся у власти, когда большая власть влечет за собой стремление к еще большей. С.Б. Каверин писал, что калечит личность не сама потребность, а отсутствие меры в ее удовлетворении[19]. Подобная опасность всегда существует в обществе, где отсутствует низовой контроль над властью и соответствующая культура общества и личности, позволяющая преодолевать «демона власти». Преодоление злоупотребления властью - жизненно важная проблема российского общества, в котором централизация власти всегда была жестокой необходимостью. Создавая общественные «скрепы», власть разрушала личность властвующего, о чем свидетельствует российская история: чем крупнее или значительнее был политик, находящийся у власти, тем большие у него возникали психологические проблемы. Примером того является патологическая подозрительность Ивана Грозного, по воспоминаниям современников, постоянным страхом мучился Петр I, развращенностью нравов отличался двор Елизаветы, берущий пример с императрицы, в мистике и извращениях погрязла семья последнего российского императора Николая II. Эта традиция продолжается и в последующих поколениях российских и советских официальных носителей власти[20]. Являясь большой психологической нагрузкой, власть в большой степени требует от правителя нравственности, охраняющей его от чрезмерного роста властной потребности. П.Г. Щедровицкий, прослеживая причину неудач российских реформ, видит ее в том, что в России не решен вопрос о культуре и морали самих политиков: политик как организатор и личность должен самоопределиться, решить политические проблемы в культурных формах - создать идею, социальный проект развития, прояснить себе, что есть государство и общество, право и экономика, какова их роль, создать программы развития, определить нормы профессиональной деятельности, этические нормы[21].

Со своей стороны общество должно иметь механизмы, предотвращающие произвол власти, их формирование зависит от того режима, в котором осуществляется власть. Так, бюрократизация власти

---

[19] Каверин С.Б. Что такое потребность власти? // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Т. 1. Хрестоматия. Самара: Изд. дом «Барах», 1999. С. 362, 363.

[20] Бурлацкий Ф.М. Вожди и советники: О Хрущеве, Андропове и не только о них... М.: Изд-во политической литературы, 1990.

[21] Перестройка: десять лет спустя. С. 144.

создает, по утверждению Г. Спенсера, ее несокрушимость, что приводит к делению общества на разрозненную массу и сплоченную бюрократию, на обремененных обязательствами и тех, кто желает благополучия при посредстве административного вмешательства[22]. Таким образом, субъекты власти развращаются сами, ощущая свою безнаказанность, развращают рядовых членов общества, приучая их к зависимости от власти и ожидания привилегий от нее, и - круг замыкается. Не случайно в советский период возникали противоречия между материальными и моральными стимулами к труду. Высокий уровень производительности труда в тридцатые годы держался на трудовом энтузиазме, на вере людей в социалистическую идею, которая помогала терпеть трудности и даже жертвовать собой во имя этих идей. В эти годы большое значение имело моральное стимулирование труда - награждение орденами и медалями, почетными грамотами и т.д. Однако, лишенное экономической основы, моральное стимулирование труда постепенно давало все меньше прироста производительности, особенно в тех сферах, которые касались производства предметов потребления и менее поощрялись государством, т.е. тех, которые непосредственно соприкасаются с социальной сферой.

Современная российская политическая власть отличается другой особенностью, на которую обращают внимание современные социологи и которая значительно менее исследована, - это проблема, которую Л. Григорьев обозначил как проблему особенностей национальной деловой культуры, когда новые субъекты власти в России не столько создают эффективную систему управления, сколько подстраивают ее под свои специфические интересы[23].

Социальная политика, осуществляемая российской властью, учитывает интересы незначительной части населения, о чем свидетельствует направленность решений Правительства РФ, указов президента, реальная практика социальных мероприятий (жилищная политика, отношение к материнству и детству, политика в сфере здравоохранения и образования, в сфере труда - о чем свидетельствует правительственный проект кодекса о труде, налоговая политика), ухудшающая положение людей на производстве, в быту, во всем объеме его существования. В результате в российском политическом процессе образовался гуманитарный вакуум, который не заполняется ни социаль-

---

[22] Спенсер Г. Личность и государство // Райгородский Д.Я. Психология и психоанализ власти. Самара: Изд. дом «Барах», 1999. С. 18.

[23] Григорьев Л. К новому этапу трансформации // Вопросы экономики. 2000. № 4. С. 10.

ными действиями власти, ни политически солидарными действиями населения. Антигуманитарная политика российской властной элиты не создает предпосылки для экономического развития и будущего прогресса страны, так как не происходит создание человеческого капитала. «Инвестиции в человека», которые, как утверждают авторы теории человеческого капитала, заключаются во вложениях в образование, воспитание, здравоохранение, в подготовку человека к производству, требуют от общества значительных издержек, возможность которых обусловливается обеспечением человеку высокого дохода. Важность человеческого капитала, подчеркивает Р. Нуреев, была осознана Западом еще в 60 - 70-е годы, что привело к вложению инвестиций и реализации программ его ускоренного формирования. Грамотность действий советской властной элиты в годы Советской власти позволила создать мощный потенциал грамотности в обществе, где значительная часть населения была неграмотной. Ликвидация неграмотности параллельно с индустриализацией и коллективизацией явилась важным фактором роста производительности труда. Академик С. Струмилин в 30-е годы рассчитал, что грамотность повышает производительность труда на 24%, а среднее образование - на 67%[24]. Развитие образования в стране создает возможности для воспроизводства человека как рабочей силы, как личности и способствует, в то же время, воспроизводству знаний. Старшее поколение современной России пользуется образовательным потенциалом, накопленным в предыдущие годы, процесс переобучения требует значительных финансовых затрат (до 10 и более тысяч рублей в год на человека). В целом же реформа системы образования, которая началась в конце 90-х годов, отбрасывает страну в число развивающихся государств, так как возможности младшего поколения получать субсидии от государства на получение бесплатного образования будут крайне ограничены. Проблема заключается в том, что общественная выгода растет медленнее общественных издержек, достигая высокой стадии на уровне среднего образования, в развивающихся странах высшее образование поэтому очень дорого и окупается не сразу. Это порождает у населения стремление уехать за границу, где доходы образованного человека выше[25]. В постсоветской России миграция достигла невиданных размеров. Оставшиеся в России ориентируются на ценностные установки богатых государств. Как показала российская практи-

[24] Нуреев Р. Теории развития: новые модели экономического роста (вклад человеческого капитала) // Вопросы экономики. 2000. № 9. С. 144, 145.

[25] Там же. С. 155.

ка, именно по этому пути пошла российская политическая элита начала 90-х годов - правительство Е.Т. Гайдара, взявшего курс на рынок в его западном варианте. Российская наука и российские вузы в начале 90-х годов ознаменовались увлечениями моделями политического и экономического развития стран развитой экономики, в то время как собственные проблемы российского общества начали изучаться только со второй половины 90-х годов. Трудности, которые при этом возникают, обусловливаются низкой эффективностью современных социологических исследований, из-за идеологической ангажированности социологических опросов, разных и несогласуемых критериев, по которым анализируется то или иное явление и производятся его интерпретация, субъективизм в оценке полученных данных, тяжелое положение Госкомстата, которые имеет данные из 3 млн. организаций и не может их проверить, низкий уровень профессионализма исследователей из российских коммерческих структур, репрезентативность данных которых трудно контролировать. Отсюда - большой разброс мнений относительно социального и экономического развития страны.

Социальная политика современного российского государства - свидетельство того, что не происходит не только духовного воспроизводства нации, но и физического. В 1991 году на рассмотрение Верховного Совета РСФСР был вынесен «Закон о репродуктивных правах граждан», одним из разработчиков которого являлась Е. Лахова, санитарный врач по профессии (в Государственной Думе 1999 года Е. Лахова возглавляет комитет по религиям). В Законе предлагалось сексуальное воспитание молодежи, вводилось предложение по принудительной стерилизации, мероприятия по планированию семьи. Закон не был принят, но вынесенные предложения реализует Комиссия по социально-демографическим вопросам, в которую входят Лахова, Гребешева, Чепурных, Стуколова. Комиссия наделена диктаторскими полномочиями определять приоритеты в социально-демографической политике, ее решения обязательны для Министерства здравоохранения и Министерства труда, решения, по сути антиконституционные, принимаемые совещательным органом. Деятельность Комиссии и начавшиеся процессы в школах, женских консультациях и родильных домах показывают: сокращение рождаемости в России – следствие не столько экономических проблем, сколько целенаправленной политики государства по планированию семьи, отношения к материнству и детству. К основным направлениям социальной политики относятся: фактическое исключение из нового проекта «Закона о репродуктивных правах граждан» идеи бесплатного здравоохранения, тенденция

не к сохранению ребенка во время беременности, а к увеличению абортов. Государство полностью снимает с себя заботу о помощи молодоженам в обзаведении жильем, и т.д. Широко поощряется практика «абортов по социальным показателям», т.е. по бедности. В России в настоящее время 3% абортов - по поздним срокам беременности, что составляет 900 тысяч детей в год, в то время как рождаемость составляет 1 млн. детей в год.

В России нет законов биоэтического порядка, которые имеются уже и в Западной Европе, и в США: например, в Европе запрещено клонирование, в США - ограничено. Научно-технический прогресс создает огромные возможности вторжения в интимнейшие сферы человеческого бытия, в том числе касающихся рождения и смерти. Возможности медицины и биологии практически становятся неограниченными и создают новые способы воспроизводства человеческой жизни. Мы должны быть готовы к стремительному вторжению в наше общественное бытие мировых явлений. Тем более возрастает необходимость усилить роль государственного регулирования этих процессов для постепенного и безболезненного их освоения, под контролем гражданского общества с сохранением тех институтов, в которых заключено гуманитарное начало. Особенно важно сохранить в нашем обществе институт семьи как традиционную форму воспроизводства человеческой жизни, естественную форму воспроизводства населения. Опыт России в этом вопросе показывает, что проблема должна решать конкретно, с учетом культурно-исторических особенностей развития, существующих в сознании людей ценностей и потребностей общества: демографическая проблема в России еще долго будет оставаться не только гуманитарно-этической, но и социально-экономической проблемой, так как на достигнутом уровне научно-технического прогресса количество рабочей силы, наряду с ее качеством, играет достаточно серьезную роль при восстановлении экономики страны, разрушенной экономическим кризисом 90-х годов.

В Государственную Думу РФ при обсуждении проекта бюджета на 2001 год внесен проект федерального закона «О порядке ликвидации населенных пунктов, расположенных в районах Крайнего Севера и приравненных к ним местностях» - яркое свидетельство отсутствия у власти понимания того факта, что основное богатство страны – население, и, следовательно, отсутствия стратегия его воспроизводства. Проект демонстрирует примитивные властные технологии, использование наиболее упрощенного решения проблем. Кроме того, это свидетельство бессилия власти, которая не может осуществить контроль над употреблением выделенных средств. Так было и в Чечне, на вос-

становление которой было выделено 45 млн. рублей, но эти деньги так и не дошли по назначению.

Дегуманизация российского общества - свидетельство того, что потеряны традиционные формы реализации интересов людей и не созданы новые - правовые, другими словами, в России нет гражданского общества.

Дегуманизация российского политического процесса выражается в асоциальных ориентациях власти, в том, что ни население в целом, ни отдельный человек не могут влиять на политический процесс. В результате люди не осознают возможности совпадения своих интересов и ценностей, в обществе создается ценностная ассимметрия. Это делает невозможным ни гражданское согласие, ни осуществление общего блага.

Объявляя причиной действия желания и убеждения людей, теория рационального действия делает политический процесс непредсказуемым, отрицая разумность действий людей в политическом процессе, сторонники этого подхода приходят к отрицанию роли и значения общественного мнения, народного участия в нем в силу, как было сказано выше, иррациональности и нелогичности поведения людей. В этом случае политический процесс предстает как сочетание стихии масс и организующего начала власти. Следовательно, отличие концепций видимое, и признание необходимости разумных действий и их отрицание по сути сводится к утверждению приоритетной роли элиты, «разумность» которой заключается в ее профессиональной образованности. Отдавая власти прерогативы организации, а массе - спонтанности и анархии, последователи этих концепций тем самым делают бессмысленными народные движения как таковые, отводя им роль групп давления и проталкивания своих интересов и не признавая самостоятельно активной политической силой. В таком случае в ходе социальных, экономических и политических перемен человек остается лишь их пассивным созерцателем, и только властвующей элите принадлежат вся полнота активного действия, все функции по управлению обществом. Вместе с тем данные суждения разрывают связь между элитой и народом, частью которого она является, тем самым делается бессмысленной сама идея общественного договора, заключаемого, как известно, между властью и народом с целью выражения ею его интереса. Представления о тирании масс, получившие широкое распространение в работах Ф. Ницше, Г. Лебона, О. Шренглера, Э. Ледерера, Х. Ортега-и-Гассет, Г. Фрайера, К. Ясперса, утверждают и узаконивают социальную асимметрию. В то же время и практика формирования элит, и содержание легитимизации власти показали

сущностную, объективную связь элиты с народом. То, что она может не осознаваться наукой, самой элитой или народом, еще не означает ее отсутствия. В противном случае мы имеем дело с другим типом власти - традиционным и другим типом режима - монархическим. Практическое применение данного рассуждения связано с констатацией факта субъективного неприятия этой связи и с необходимостью осознания возможности и рядовому гражданину влиять на политический процесс. Следовательно, речь идет о политическом просвещении и политической культуре населения, с одной стороны, а с другой - создания условий и возможностей политического участия и получения политического образования. Знаменательно, что В. Серебрянников, оценивающий положение в российском генералитете на сегодняшний день, подчеркнул, что низкое моральное и профессиональное состояние военных высшего эшелона армии объясняется, в частности, тем, что они не получают глубокого общественно-политического образования, не имеют философского мышления. На преподавание общественно-политических дисциплин в российских военных академиях уходит до 10% учебной нагрузки, в то время как на Западе - до 20 - 30% [26].

Характеризуя гуманитарную составляющую социально-политической динамики российского общества, мы не можем не отметить, что в его политической практике, в процессе реформ, реализовывались те представления, которые были основаны на утверждении необходимости власти элиты как противовеса власти народа. Известны высказывания в начале перестройки академика Заславского, который на вопрос о том, когда можно будет обнародовать направленность российских реформ, ответил, что лучше в этом разбирается тот, кто находится у власти, т.е. профессионал, а население, не знакомое с тонкостями политики, может не вникать в происходящее. В первые годы, названные перестройкой, активно муссировалась идея, согласно которой у власти должны находиться специалисты. Вольно или невольно таким образом маскировалось положение вещей, когда народ является номинально, но не реально властвующим.

Прошедшее десятилетие реформ показало, что у российской политической элиты по-прежнему нет не только желания допускать к власти представителей «низов», но и создается замкнутая система власти, замкнутая еще в большей степени, чем в советский период. Это проявляется в том, что до сих пор не разработаны условия реализации того законодательного механизма, который определяет меру и

[26] Серебрянников В. Генералитет и власть // Власть. № 8. С. 16.

степень участия граждан в общественно-политических организациях; не гарантировано политическое участие граждан в протестных формах политических движений, так как осуществление конституционного права на митинги и демонстрации обставляется массой бюрократических препон; привилегия власти на информацию создает большие возможности для властвующей элиты оперативно принимать решения, не оставляя населению времени контролировать содержание этих решений; политическая элита России является, по сути, закрытой элитой, так как проходящие выборы выводят к власти лишь тех, у кого есть средства на финансовое обеспечение кампаний или реальная власть повернуть избирателей лицом к себе (директора предприятий, губернаторы областей). Усложнена процедура проведения референдумов, но если они и состоятся, маловероятно, что власть посчитается с высказанным мнением, как это произошло с ответом на вопрос о сохранении СССР. Наконец, ухудшение экономического и социального положения населения, которое приводит его к необходимости борьбы за выживание, снижает политический потенциал россиян. Динамика процесса направлена в сторону ухудшения status quo: привыкая к участию в выборах, россияне, как показывают социологические исследования, мало верят в свои возможности повлиять не только на политику в целом, но и на выбор властных структур.

Смена ценностных ориентаций, разрушение прежних идеалов и отсутствие новых - в силу быстрой смены событий и отсутствия политических сил для их оформления - создают ситуацию хаотичного выбора, когда характер всех идей упрощается, отсутствуют полутона в оценках и прилагаемых идеях переустройства общества. В России на начальном этапе трансформаций отрицалось все, что являлось ценностями, знаками предыдущего исторического периода, на втором этапе утверждались демократические ценности, чуждые сознанию россиянина, что породило ценностный раскол общества - между различными социальными группами, между поколениями. Традиционные противоречия - групп и индивидов разного статуса, «отцов» и «детей» - в России осложнены трансформацией положения людей, относящихся к разным социальным и демографическим группам: в условиях падения производства и жизненного уровня произошел переход большой части населения из одного статуса в другое, из одной группы в другую: из относительно стабильного положения пенсионера - в бомжа, из врача, учителя - в бюджетника, не получающего зарплату, из престижной группы военного офицерского состава - в непрестижную группу военных, и т.д. Процесс социальной перетасовки коснулся всех социальных групп общества, что не смогло не сказать-

ся на положении и самооценке этого положения человеком, и на мотивации его политического участия.

Сказанное позволяет сделать некоторые выводы. Политический процесс представляет собой диалектику рационального и иррационального, сознательного и бессознательного, организованного и стихийного. Кроме исторических, социально-экономических, он имеет и социально-психологические и социокультурные корни. На двух полюсах политического процесса находятся государство и личность. Первое представляет собой организующую сторону политики, второе вносит в него элемент случайности, непредсказуемости. Личность в политике выражает себя в политической активности - качественной стороне политической деятельности, направленность и содержание которой определяются интересами и ценностями, носящими, по сути, социальный характер. Объективно это придает личностно-социальную значимость политическому процессу, возможность влияния на него. Осуществление этой возможности достигается в определенных условиях и зависит от индивидуальных качеств личности, ее социального статуса, политического опыта, культуры, профессионализма. В зависимости от государственно-правового режима политическая активность личности либо растет, либо ограничивается, либо исчезает. Рост влияния средств массовой информации и увеличивающиеся в условиях научно-технического прогресса возможности манипулятивного воздействия власти и государства на личность, создание максимально управляемого политического процесса будут приводить к дальнейшему росту неуправляемости самой власти, делает невозможным контроль над ней.

Условия смены всей системы общественных отношений в России, рост социально-психологической напряженности, чрезмерное давление политических и властных технологий создают опасность развития «коллективного бессознательного в политике, стихийности, спонтанности, иррациональности.

Тема 14. Человек политический как социокультурный феномен российского политического процесса

Определяя «человека политического» в период социально-политических трансформаций, следует выявить происходящие изменения в его мышлении и поведении, влияние на них происходящих социально-политических изменений и обратное влияние человека на политический процесс. Среди исследователей, занимавшихся изучением этих проблем, выделились две группы: западных советологов, изучавших человека в политическом процессе советского общества извне, не имея возможности знакомиться с особенностями поведения советских людей на практике, и отечественных ученых, рассматривающих собственно российские проблемы изнутри российского общества, делающих вводы на основе проводимых социологических исследований. И теми и другими эта работа велась в следующих направлениях: изучение факторов, влиявших на состояние сознания и поведения советских людей, выявление в них начал оппозиции, которые могли бы послужить основой, социальной базой внутренних преобразований, влияние на преобразование сознания и поведения людей не только внешних, но и внутренних факторов - самой политической культуры, ее составляющих (ценностей, символики), взаимодействия интересов и ценностей, социальные, политические и культурные основания формирования политических ценностей[27]. В какой степени изменения в политической культуре личности зависят от социально-политических изменений и каким образом последние определяются социально-политической активностью личности? Ответы на эти вопросы западная и отечественная политология ищут в разном ключе, хотя нельзя не отметить сближения позиций в последние десятилетия. Отличие во взглядах на человека политического в советской (стоявшей на позициях марксизма-ленинизма) и западной науке было связано с принципиальными расхождениями во взглядах на сущность и природу человека и его роль в природе и обществе. Расхождение, принимавшее характер противоречия, устанавливала в основном советская сторона, в то время как западная философия, социология и политология достаточно неоднородно подходили к интер-

[27] Петро Н. О концепции политической культуры, или Основная ошибка советологов // ПОЛИС. 1998. № 1. С. 37.

претации этих проблем, толкуя их с позиций, не претендующих, как справедливо отмечал В.М. Лейбин еще в советское время, «на выдвижение однозначного и общепринятого учения о бытии человека в мире». Такие позиции он называет «сциентистско-антропологическими», выступающими в концепциях «новой антропологии», «натурализованной философии», «революционного гуманизма» и «инновационного обучения»[28]. Хотя каждая из этих концепций обнаруживает свое представление о сущности человека как технократической или биологической, объединяет эти концепции ориентация на индивида, переход от анализа социально-классовых отношений к анализу психологии индивидуума. Истоки изменений, происходящих в обществе, утверждали представители «франкфуртской» философско-социологической школы, необходимо искать не в общественных - экономических и классовых - отношениях, а в самом человеке, в изменении его сознания. Не случайно такое большое место в западной науке о человеке политическом отводится психологическим теориям Г. Лебона, З. Фрейда, Э. Фромма, Шелера, Г. Спенсера, Т. Болла, Э. Канетти, Ж. Блонделя. В последние годы эта проблема интересует и российских специалистов-психологов и специалистов в области теоретической политики М.В. Ильина, А.Л. Алюшина, Е. Шестопал, В.В. Крамника, Г.Г. Дилигентского, Л.Я. Гозмана и др.

К концу XX века в связи с обострением проблем взаимодействия человека и природы, личности и общества увеличились нападки на «фаустовского человека» и усилились направления, разрабатывающие проблему перестройки сознания и поведения человека, изменения его потребностей. «Модель поведения человека является неотъемлемым элементом каркаса любой социальной теории»[29]. Понимание человека как активного субъекта изменений в аналитике западных ученых, особенно англо-американской школы, сочетается с пониманием человека как адаптирующегося к окружающей среде в ходе общественных изменений. “Вытеснение” личности обществом составляло предмет рассуждений Т. Адорно, М. Хоркхаймера, Г. Маркузе. Преодоление этого вытеснения возможно лишь на пути нравственного самоусовершенствования человека. Формируемые психоструктуры личности являются решающим условием утверждения той или иной системы общественных отношений, любого идеологического убеждения, на-

[28] Лейбин В.М. «Модели мира» и образ человека: (Критический анализ идей Римского клуба). М.: Политиздат, 1982. С. 172-174.

[29] Шаститко А. Модели рационального экономического поведения человека // Вопросы экономики. 1998. № 5. С. 53.

правленности политического процесса. Преодоление крайностей психоаналитического подхода не исключало стремления отказаться от экономического детерминизма К. Маркса, которое и по сей день преобладает в западной науке в тех вопросах, которые касаются социализации человека. Проблемы политической социализации, и в частности политической активности, особенно в ходе происходящих социальных и политических изменений, остаются наиболее острыми в современной политической и отечественной науке, и именно в последние годы в связи с транзитными процессами в странах Восточной Европы и бывшем СССР.

Определяя методологические основы решения этих проблем, прежде всего следует обратить внимание на цивилизационную общность двух основных идеологических подходов к человеку - марксизма и либерализма. Марксистская идеология, под знаменем которой разворачивалось социалистическое строительство и начиналась перестройка, либеральная идеология, существенно повлиявшая на перестроечные процессы в России, - по сути западные теории и смыкаются в представлении о человеке как человеке активном, человеке западного типа, которого А.С. Панарин называет «прометеевым человеком»[30] при том, что и в той и в другой парадигме предполагаются разные способы политической социализации личности. Либерализм считает необходимым повышение роли гражданского статуса личности, марксизм - воспитание общественного человека в коллективе, в процессе трудовой деятельности. Либерализм признает индивида основной единицей общества, марксизм - коллектив. Сближение марксизма, классического либерализма и неолиберализма происходит в общем понимании человека как лично ответственного за ту меру свободы, которую он приобретает, отвоевывая ее ценой невероятных усилий. Общественная и политическая ответственность предполагает высокий уровень развития личной культуры, делающей возможным действительный выбор.

Следовательно, очередным вопросом является вопрос о мере личностности человека, т.е. мере его социальности. «Я» человека, отражающее его пребывание в общественном бытии, осознает себя как единственное и уникальное, отличное от других, и как социальное - формируемое с рождения и до смерти человека в той социальной среде, где он существует. «Встроенность» человека в среду осуществляется сложным механизмом влияния ближайшего окружения, которое

[30] Панарин А.С. Российская интеллигенция в мировых войнах и революциях XX века // На перепутье (новые вехи): Сб. ст. М.: Логос, 1999. С. 5.

в свою очередь испытывает влияние макросреды, а последняя - через микросреду воздействует на человека, определяя те его социальные качества, которые и составляют его личностное начало. Связующим звеном личности и общества является культура, механизм связи осуществляется через свойственные данной культуре ценности, нормы, обычаи и традиции.

Когда возникает вопрос о поисках механизма выхода России из затянувшегося кризиса 90-х годов, эта односторонность становится явной. Она отразилась в практике российских реформ, наполненных обещаниями о скорейшем решении проблем со стороны власти и ожиданиями и надеждами со стороны тех социальных слоев, положение которых резко ухудшилось с началом осуществляемых трансформаций. Роль властной элиты в дальнейшем углублении общенационального кризиса настолько очевидна, что перед политической теорией встает задача дальнейшей разработки проблемы роли масс и личности в истории и политическом процессе.

Недавнее социалистическое прошлое России вызывает серьезную критику западной социологии, политологии, экономической науки с позиций синергетизма, биологизма и эволюционализма. Отрицая роль плановых начал в общественном устройстве, ряд современных авторов выводят порядок из хаоса, а бесконечный поток случайностей считают порождающим общественные взаимодействия. Подчеркивается, что человек, спонтанно следующий нравственным традициям, лежащим в основе конкурентного рыночного хозяйства, накапливает больше знаний и опыта, чем это происходило в центрально организуемой российской социалистической экономике. При этом немалое место в современной политической и философской мысли отводится сомнениям в творческих возможностях разума.

Обозревая подходы философии XX века к проблемам человека, П.С. Гуревич подчеркивает особенности сложившихся представлений о сущности человека и значении человеческого разума. Классическая греческая культура считала разум специфической чертой человека, поднимающей его на уровень ангела или Бога. Новое время индивидуализацию человеческого бытия определяло как индивидуальность человека, проникаясь верой в прогрессивность «человека разумного» и «человека деятельного». Убежденность в величии человеческого разума и рождаемые им возможности парадоксально привела западную философию в ницшеанскому сверхчеловеку, трагически одинокому в чуждом ему мире.

Глобальные проблемы цивилизации вновь вывели на первое место в современной философии направление, отрицающее всеобщую за-

падноевропейскую веру в разум и прогресс, выраженное Т. Лессингом, Н. Гартманом и др. Заново поставлен вопрос о соотношении разумного и инстинктивного начал в человеческой деятельности, способности человека к избирательному действию и «давлении» традиций на его поведение[31]. К этой проблеме возвращается и известный австро-американский экономист Ф.А. Хайек. «Разум, применяемый должным образом" понимается мною как разум, учитывающий свою собственную ограниченность, умеющий и себя подчинять законам разума и вынесший необходимые уроки из ….. факта, что порядок, возникающий независимо от чьего бы то ни было замысла, может намного превосходить сознательно вырабатываемые людьми планы»[32]. Современное понимание дальнейших путей отечественного развития прямо связано с той оценкой, которую мы даем обществу советского периода. Успех реформ, как показало прошедшее десятилетие, зависит от того, обеспечит ли власть преемственность развития или будет углублять процессы противостояния настоящего прошлому, старшего поколения младшему, одних социальных групп другим, поскольку социальные трансформации проходят сегодня через жизнь и судьбы конкретных людей. В этом плане особенно важно теоретическое осмысление роли сознательного восприятия и действия личности в политическом процессе, поскольку переходный период вызвал иногочисленные инсинуации по поводу человеческих возможностей в историческом процессе. Мнение ученого, даже проитвоположное нашему, представляет для нас особую ценность, так как дает возможность выявить агрументированную позицию обеих сторон. Кроме того, следует учесть и тот факт, что в теории и практике российских «демократов» нередки ссылки на Ф. Хайека и характерное «усечение» мысли ученого в целях политической конъюнктуры.

Критика социализма дается ученым с позиций эволюционизма. Основной упрек социалистам, с точки зрения Ф. Хайека, можно сделать в их надежде на разум в обеспечении порядка, в то время, как «расширенный порядок человеческого существования» (капитализм) сложился не в результате воплощения сознательного замысла или намерений человека, а спонтанно[33]. Мораль, традиция, долгое время управлявшие поведением людей, и рынок складываются постепенно в результате эволюционного отсева и отбора. При этом устанавливается

[31] Гуревич П.С. Человек многоликий // Это человек: Антология / Сост., вступ. ст. П.С. Гуревича. М.: Высшая школа, 1995. С. 17, 18.

[32] Хайек фон Ф. Пагубная самонадеянность: Ошибки социализма. С. 18.

[33] Там же. С. 15.

порядок, «намного превосходящий сознательно вырабатываемые людьми планы»[34], поскольку установление его осуществляется людьми, каждый из которых заинтересован в своем предпринимательстве и знает о нем больше кого-либо другого. Рассеянная информация, таким образом, не создает возможности всеобщего планирования, а собирается и перерабатывается в ходе естественной эволюции рынка надиндивидуально[35]. В силу этого у человека не возникает потребности действовать альтруистически, испытывать потребность в помощи ближнему[36]. Возникающий при этом порядок, вырастающий из традиции, постепенно преодолевает традицию коллективного существования, и человек естественный не может вписаться в этот расширенный порядок, т.е. капитализм. Сохранение стремления к коллективному существованию - инстинкт «благородного дикаря»[37].

Какие же традиции сохраняются? Те, которые помогают индивиду войти в расширенный порядок и сделать более эффективным сотрудничество людей. Упрекая социалистов в рационализме, Хайек сам остается рационалистом, хотя и особого рода. Это рационализм человека, признающего естественный ход вещей: разум - следствие человеческого взаимодействия, постепенного усвоения принципов существования в окружающей среде; не рациональное интерпретирование фактов, а привычные способы реагирования. Не человеческое сознание - двигатель человеческой цивилизации, а культура и эволюция - создатели человеческого разума, который эволюционизировал вместе с цивилизацией, приобретая способность обуздывать инстинкты. Традиции древнее разума, а инстинкт древнее традиции. Роль традиций, в том числе и нравственности, не в уразумении лучших, нравственных привычек и обычаев, а в преодолении ограниченности «непосредственного восприятия». Традиции - бесценный опыт человечества, накопленный в процессе эволюции, проб и ошибок. Отвернуться от этого опыта - значит уйти в сферу инстинкта, следование которому автор видит у социалистов. Для Хайека естественен релятивизм - признание относительности добра и зла и отрицание возможности их сознательного разграничения человеком. Происхождение морали Хайек находит в культурной эволюции, институты свободы, справедливости и собственности - дар эволюции, которая наделяет им человека. Сам человек разумный никакого участия в их появлении не

[34] Там же. С. 18.
[35] Хайек фон Ф. Указ. соч. С. 30.
[36] Там же. С. 37.
[37] Там же. С. 37.

принимает[38]. Хайек видит в социалистах детей эпохи Просвещения и ее установок на свободу человека, проводя важную для российской действительности мысль о том, что свобода как политический институт - это не стремление к освобождению от ограничений, а стремление «отгородить какую-то безопасную сферу индивидуальной жизни». Свобода вырастает из закрепленного за отдельными лицами контроля над разнообразными средствами производства и признания законными испытанных способов передачи этого контроля[39].

Негативно относясь к позитивизму И. Бентама и О. Конта, Хайек объединяет социалистов и либералов, усматривая в их теориях общий корень - западную философию, основанную на признании активной силы разума. Сомнения западного экономиста передаются и российским ученым, которые, наблюдая развитие современной западной цивилизации и проблемы России, перенимающей западный опыт, готовы вслед за Хайеком отказаться от определяющей роли разума в становлении политических институтов нового времени и того, что составляет суть их функционирования, - сознательной активности масс, осознания человеком своего места в политическом процессе, осознанности политического выбора.

Однако позиция автора, хотя и оригинальная и бесспорная в ряде своих положений, не представляется таковой в основополагающих частях его конструкции. Неясно, в чем проявляется разумное начало человеческой жизнедеятельности, ибо утверждения об осознании своей ограниченности явно недостаточно для выявления его сущности. Не отказывает ли Хайек человеку в разуме вообще, рассуждая о спонтанности человеческого бытия и появлении культуры? Если это так, то накопленный опыт будет представлять собой лишь набор механических привычек и навыков, не включая то, что составляет, как выражается сам Хайек, «живой души» человека, который должен превратиться в робота, следующего особым правилам, вырабатываемым, к тому же, помимо него, чье участие заключается лишь в восприятии созданного до него. В таком случае судьба цивилизованного человека ничем не лучше судьбы дикаря, следующего инстинкту. Если речь идет о политическом процессе, трудно утверждать возможность какого бы то ни было влияния на его протекание и на принятие политических решений населением тогда, когда оно недовольно установившимся до него и помимо него порядком, и оно должно идти в

[38] Там же. С. 93.

[39] Хайек фон Ф. Указ. соч. С. 55.

том же направлении, которое задано изначально, не пытаясь изменить существующее status quo.

Релятивизм автора наглядно проявился в приводимом им в своей работе рассуждении Фрэзера о приоритете поступков над взглядами (что, по нашему мнению, также является свидетельством рационализма обоих авторов): «Для общества важно не то, как думают, а то, как себя ведут; и коль скоро наши поступки добры и справедливы, для ближнего не имеет ни малейшего значения: ошибочны наши взгляды или нет»[40]. С этой точкой зрения трудно согласиться: результативность поступка не исключает важности замыслов и целей, ибо ориентация на результат часто соединяется с неумением или нежеланием продумывать более отдаленные последствия своих благих (сегодня!) поступков. Об этом свидетельствует нынешнее состояние современной цивилизации, все развитие которой было цепью позитивной деятельности человека в области научно-технического прогресса. На практике же он обернулся и другой своей стороной - хищнической эксплуатацией природы и человека. Об этом говорит и сегодняшняя практика российских «демократов», которые предпочли действовать путем проб и ошибок, манипулированием, принятием сиюминутных решений.

Приводя рассуждения о роли разума в человеческом поведении одного из популярнейших сегодня в России авторов, мы учитываем, что авторскую конструкцию надо либо принимать целиком, либо отказываться от нее полностью, «выборочное цитирование» может исказить смысл построения в целом. Однако, вместе с тем, мы не можем не находить в рассуждениях Хайека историческую и теоретическую справедливость, что свидетельствует о том, что настоящий ученый всегда больше созданной им системы. Нельзя не считаться и с тем, что в советский период представления об уровне разумности всего населения опережали ее реальный уровень, что политическая активность населения не всегда имела под собой достаточно содержательное основание.

Вместе с тем, концепция Хайека отражает, на наш взгляд, те процессы и тот опыт, которые были характерны для становления западной политической системы и культуры. Не имея возможности подробно останавливаться на этом вопросе, скажем лишь, что создание современной западной системы отношений действительно шло эволюционно и заняло длительный промежуток времени, в течение которого поэтапно осваивался, отсеивался и утверждался собственником

[40] Хаейек фон Ф. Указ. соч. С. 267.

наиболее приемлемый опыт ведения своего хозяйства и выстраивались взаимовыгодные отношения между государством и обществом, что не требовало специальных мобилизационых программ быстрого решения сложнейших державных и хозяйственных задач. Когда же такая потребность возникала (это было, как правило, следствие войн или естественных катастроф), власть и население опирались на уже существующие механизмы отношений, что позволяло им довольно безболезненно для себя выходить из кризиса. Так было в Америке в годы Великой депрессии, когда были мобилизованы имеющиеся в распоряжении населения возможности - психологическая готовность к любому виду труда, природный оптимизм американцев, деловая культура и т.д. Так было в Германии, потерпевшей поражение в Первой мировой войне и моблизовавшейся нацизмом для выхода из безработицы и преодоления стресса от унижения поражением. За выход, найденный властями Германии, расплачиваться пришлось всему миру и самой Германии, однако ее восстановление после Второй мировой войны было едва ли не более быстрым, чем после Первой, в чем немаловажную роль сыграли консолидация стран Запада в послевоенной Европе и действие уже имевшихся демократических политических институтов, привлекавших населения на выборы и восстановление страны.

Россия в ходе своего развития приобретала другой опыт, который почти всегда был связан с мобилизацией возможностей личности и масс, не оставляя времени для плавного перехода из одного состояния в другое. Это открывало путь, с одной стороны, произволу и субъективизму власти, с другой - своеобразной форме подчинения человека власти. В том случае, когда власть представляла собой традиционно легитимную форму, он был готов к подчинению институту власти и оказанию сопротивления властному субъекту, если видел в нем источник своих бедствий. Ментальность российского народа, проявлявшаяся в поиске справедливости как «правды», страдательная и сострадательная составляющая российской православной культуры[41], формировала постоянные моральные обращения к власти (получивший отражение в «монархическом» цикле пушкинской поэзии). Устремления к Высшей Правде, неудовлетворенность существующим положением вещей, предпочтение веры разуму, бездушной истине, которую ищет разум, правду[42] приводили к анархическим всплескам

[41] Черников М.В. Концепты правда и истина в русской культуре: проблема корреляций // ПОЛИС. 1999. № 5. С. 43 - 61.

[42] Там же. С. 59 – 60.

против любого вида власти вообще, к призывам к «воле» и образованию независимых от центральной власти анклавов в виде Запорожской Сечи. Следствием отсутствия гражданского общества в России явилось снятие перегородок между властью и обществом, что привело к своеобразному положению человека в российском политическом процессе: переход его из положения объекта в положение субъекта власти не только устраняет устремления к поиску справедливости, но и создает возможности властного волюнтаризма, которые в большинстве случаев успешно реализуются.

Применительно к России суть проблемы сводится, на наш взгляд, к отделению «человека традиционного» от «человека рационального». Существование первого - российская реальность, второго - частный случай российской политики и отдаленная перспектива российского политического процесса. С этим фактом необходимо считаться российским политикам и действовать бережно, осторожно и терпеливо, создавая условия, в которых будут формироваться качества человека делового, активного, нравственного, осознанно участвующего в политическом процессе. Торопливость, с какой российские политики пытались осуществить прыжок из «царства необходимости» в «царство свободы» привела к расслоению общества на социальные группы с противоположными интересами. Прививаемые народу демократические ценности не получили никакого экономического и социального подтверждения: свобода оказалась не абсолютным понятием для населения, которое, ощутив ее как волю, готово отказаться от нее во имя порядка и стабильности. Раскол стал ведущим фактором в российской политической реальности. Массовое сознание россиян не может адаптироваться к новой реальности, так как глубокие ценностные расслоения, усиливающиеся модернизационными трудностями, постоянно воспроизводят расслоения между различными слоями населения. Общество лишилось активного потенциала, отчуждено от власти, неустойчиво и противоречиво по всем направлениям - идейному (идеологическое противостояние), возрастному (разрыв поколений) и социальному (социальное неравенство).

Внутрисоциальные противоречия переплетаются с противоречиями общества и власти, хотя прямой связи между первой и второй группой противоречий нет. М. Вебер, П. Блау, Д. Истон обнаружили, что подчинение власти может происходить и тогда, когда она не удовлетворяет интересы и потребности людей. Человек может осознавать, что его интересы никогда не реализуются, и тем не менее подчиняются власти без видимого принуждения. Это происходит тогда, когда власть в состоянии предъявить некую общую и высшую

цель, поскольку отвечает потребности человека не только в материальном, но и в духовном, более того, в высшем духовном - в самосовершенствовании, в жертвенности, в служении благородным целям, идеалам. Слияние устремлений индивида и предъявляемых властью ценностных установок, как отмечает В.В. Крамник, закладывает мощные пласты устойчивых политических идей и ценностей, которые, в свою очередь, способствуют стабильности ценностных ориентаций и надежно защищают политический строй от перемен. Когда же в силу действия совокупности экономических, социальных, политических и идеологических причин перемены все-таки наступают, процесс ценностных переориентаций значительно затруднен. Организуя внутренний мир человека, придавая его жизни смысл и значение, ценности устойчиво закрепляются в сознании и психологии людей. Разрушение ценностей приводит к необходимости изменения политической культуры личности, создания новых ценностей, ибо без них человек теряет опору, внутренний строй и порядок. Изучая социально-психологический механизм подчинения власти, психологи, изучавшие психологический механизм властного воздействия и властного подчинения, показывали, к каким последствиям может привести потеря веры человека в надежность, устойчивость и незыблемость существующих порядков. Власть, заботящаяся о своей легитимности, должна учитывать консерватизм сознания и не стремиться к немедленному разрушению ценностных систем предыдущего режима, обеспечивать преемственность ценностей при переходе из одной системы отношений в другую.

Это и невозможно, так как человек тяжело расстается со своим прошлым, разрушить его значение в сознании человека значит разрушить смысл его существования. Именно в этом - главная причина стрессов и депрессий населения в период реформ в России, а не в ностальгии человека по его молодости, каким бы очевидным это ни представлялось. Формирование идей и ценностей перестройки имеет большее значение, чем удовлетворение материальных потребностей людей, так как периоды переходов сопровождаются кризисными явлениями во всех сферах общества, политический процесс становится дисфункциональным и человек лишается не только привычных источников доходов, но и привычных норм отношений, регулирования этих отношений. В таком случае, подчеркивает В.В. Крамник, приобщение к ценностям и идеям «позволяет правящим кругам в определенной мере нейтрализовать рост недовольства, вызванного ухудше-

нием материального обеспечения масс, без обращения к принудительным средствам»[43].

Вышесказанное подчеркивает значимость ценностей в политическом процессе. Ценности регулируются властью, оказывают на нее обратное влияние и организуют духовный мир человека. В этом отношении ценности являются незаменимым фактором существования человека в обществе. Проявление стабилизирующей и организующей роли политических ценностей происходит в политическом процессе через регулятивные действия власти и возникающее у человека ощущение единства с данной властью. Изменения ценностных ориентаций не находятся в прямой зависимости от социально-экономических и политических изменений, они проходят через действия власти, которая определяет, в каком направлении формировать очередные ценностные ориентации людей. Действия власти могут быть осознаны человеком и восприняты как противоречащие его ценностным установкам. Тогда власть отвергается из принципиальных соображений, на этой почве возникает идейная борьба против нее. Это происходит в том случае, когда власть оказывается неспособной применить способы гибкого воздействия на ценности, апеллировать к идеалу. Быстрая смена тактик власти в соответствии с моментом, умение маневрировать ценностями создает возможность ограничить или усилить влияние интереса на поведение человека. По общему утверждению, политическая власть в СССР обладала набором таких техник, в частности и техникой перевода интересов в ценности, когда население идентифицировало себя с властью. В тридцатые годы при усиливающихся репрессиях советские люди выступали с поддержкой партии против различных «антипартийных блоков» и «врагов народа». Успешность применения технологии манипулирования объяснялась искренней верой людей в идеи социализма и тем, что авторитарная власть опиралась на низкую политическую культуру населения, в которой преобладало харизматическое отношение к власти, подчинение ей.

Еще более изощренной становится деятельность власти в постсоветский период, ибо перед ней стоит цель закамуфлировать неудачи реформ. Посредством риторики, утверждающей идеи справедливости и свободы, властные структуры осуществляли мобилизационные мероприятия: отказ от КПСС, ликвидацию СССР на фоне нарастающего экономического кризиса, точно используя негативное отношение на-

[43] Крамник В.В. Социально-психологический механизм политической власти. Л.: Изд-во ЛФЭИ, 1991. С. 86.

селения к диктату власти. Формирование этого отношения массовым образом проявилось в период 1989 – 1991 годов, когда власть зарабатывала политический капитал, на котором просуществовала до 1996 года, - парламентских и президентских выборов, когда этот капитал был исчерпан и формирование нового этапа власти происходило искусственным образом за счет работы специалистов по политическому маркетингу.

Самостоятельность и консерватизм сознания оказывают сопротивление прямому давлению, что приводит к противоречию между традиционными и новыми ценностями, их столкновению и расколу общества по ценностным основаниям. Характерно, что в России этот процесс коснулся прежде всего рядовых участников политического процесса, идеологическое противостояние которых умело подогревается средствами массовой информации. В политических «верхах» политическое противостояние (стремление выразить интересы разных социальных групп) заменилось на противостояние идеологическое (борьба за ценности - либерально-демократические, социал-демократические, социалистические) и «технологическое» (борьба за власть с применением разнообразных операций и техник). Последнее заставляет объединяться людей и группы в, казалось бы, несовместимые коалиции. Таковым явилось объединение ОВР – Отечество - Вся Россия, объединение Лужкова и Примакова, которое шло на выборы 1999 года, обеспечивая взаимную поддержку: Примакову – поддержку Лужкова для сохранения политического влияния, Лужкову – поддержку Примакова для укрепления своих позиций в притязаниях на Кремль. В то же время КПРФ отказалась от своих прямых соратников - Аграрного союза и не может создать единства с другими левыми движениями. Идеологическая неразбериха во взаимоотношениях самых крупных политических объединений страны приводит к идеологической индифферентности населения, которое участвует в политическом движении, исходя из своих соображений и ценностных ориентаций, на которые политические партии не оказывают существенного влияния.

Таким образом, воздействие средств массовой информации оказывается более действенным, чем действие политических партий, которые призваны вести идеологическую работу по формированию общенациональной идеи. Добавим к этому и тот факт, что эта идея не сформирована в тех субъектах политического процесса, которые должны являться главными определителями российской общенациональной идеи - и в силу отсутствия ее, и в силу отсутствия гражданского согласия, что делает невозможным соглашение по этому важ-

нейшему вопросу современной истории России, а потому эту функцию в очередной раз российской истории берет на себя государство. В настоящее время это соответствует ожиданиям населения, которое готово к установлению государственного порядка. Поэтому можно утверждать, что в ценностных колебаниях населения совершается очередной подъем державных ценностей после спада в период «правления» Б.Н. Ельцина. Так же, как в период 1985 - 1990 годов, М.С. Горбачев сформировал идею перестройки на базе ценностных ожиданий «социализма с человеческим лицом», на этапе 1991 – 1996 годов отклик населения вызвали идеи демократических свобод, с 2000 года начинают формироваться и утверждаться в общественном сознании идеи великодержавности России. Изменения происходили не только в содержании ценностей, но и в их отнесенности к будущему. Стремление утвердить в сознании россиян ценности сегодняшнего дня и «простые человеческие радости», которые утверждались в период президентства Ельцина, сменилось обращением к ценностям возрождения будущего величия России в идеологии В.В. Путина. Можно утверждать, что политическая деятельность верховной российской политической элиты становится более реалистичной и менее прагматичной, что знаменует, на наш взгляд, возвращение к традиционным политическим ценностям, следовательно, на первом этапе создаст социальную опору власти.

Сильные манипулятивные способности российских лидеров, проявляющиеся в гибком обращении с ценностными ориентациями россиян, показывают хорошо развитую в элитной политической среде потребность во власти. Она носит, как правило, гипертрофированный характер, что проявляется в стремлении увеличивать и без того немалую власть, которой обладает президент и которой всегда обладал политический лидер в России. Властные амбиции российских политических лидеров новейшей истории обусловлены тем, что потребности в безграничной политической власти сопровождаются у них появившимися возможностями власти экономической. Об этом свидетельствует участие в коммерческой деятельности депутатов российского парламента, несмотря на конституционный запрет, коррумпированность политической власти, владение акциями крупнейших предприятий первыми лидерами страны.

Политическая культура данного общества - это совокупность политических ценностей, которые могут осознаваться, а могут и не осознаваться общественным сознанием или сознанием отдельного человека. Политический процесс - это процесс, в котором существующие в обществе политические ценности институциализируются,

осознаются и, через участие в политическом процессе, воспринимаются людьми и служат способом их социальной связи, так как отражают наиболее значимое для человека в политике. Ценности - необходимое условие политической активности, ибо они являются определителем значимости политического поведения и политических решений. Ценностный кризис, который поразил российское общество в период трансформации, явился одним из определяющих факторов кризиса политической активности россиян.

Как указывает один из исследователей динамики российских ценностей Н.И. Лапин, трансформация ценностей была вызвана прежде всего политическими реформами, изменениями в политической сфере, которые вызвали изменения в других сферах общественной жизни - экономической и социокультурной. Адаптируясь, человек пересматривает свои взгляды, следовательно, он по-иному оценивает мир, иной становится его система ценностей[44]. М. Вебер определял ценности как обобщенные цели и средства их достижения, обеспечивающие интеграцию общества, как стержень культуры, в свою очередь оказывающий влияние на социальные интересы и потребности, выступая одним из важнейших мотиваторов социального действия, поведения индивидов. Это смысложизненные ориентиры, являющиеся результатом постижения человеком реальности и направляющие его существование в этой реальности. Политические ценности, следовательно, - это жизненно важные ориентиры человека в политической сфере, составляющие содержание политической культуры данного общества и направляющие политическое поведение людей, определяющие меру их политической активности.

Изменения в политической сфере связаны с ценностными трансформациями: политические реформы влияют на политическое сознание, а ценности - на политическое поведение.

Динамика ценностных ориентаций россиян, которая находит отражение в происходящих в постсоветскую эпоху изменениях, может быть выявлена при сопоставлении ценностных систем советского и современного российского обществ, российских и западных ценностей[45]. Устойчивые ценности - условие внутренней целостности человека, его единения с миром. Раскол российского общества - следствие

---

[44] Лапин Н.И. Динамика социальных ценностей населения реформируемой России // Вестник Российской Академии наук. 1997. № 2. С. 140-145; Лапин Н.И. Ценности, группы интересов: трансформация российского общества // Социологические исследования. 1997. № 3. С. 14-24.

[45] Мельвиль А.Ю. Политические ценности и институты в посткоммунистической России // Бизнес и политика. 1998. № 3-4. С. 38-48; № 5-6. С. 36-42.

ценностного кризиса общества, последовавшего за разрушением ценностной системы советского периода, предполагавшей единство ценностных ориентаций населения, которые формировались единообразной системой образования и воспитания, воздействием единой идеологии.

Особое место в ценностной системе человека и общества занимают социальные ценности, порождаемые жизнедеятельностью людей конкретного общества, первичные по отношению к индивидуальным ценностям. В любой культуре имеются высшие ценности - образцы, идеалы, которые несут в себе общечеловеческое начало. Общечеловеческие ценности обобщают опыт человечества и несут в себе как абсолютное, так и относительное начало, сохраняя свою сущность в любой исторический отрезок времени и видоизменяясь под влиянием действия внешних факторов на сознание людей в их совокупной деятельности.

Социально дифференцированное общество демонстрирует многообразие ценностей, которые могут быть достаточно противоречивыми, так как отражают существование конкретных социальных общностей и индивидов[46]. Рассматривая ценности личности как непременное условие ее политической активности, исследователи выявляют бытие ценностей в структуре деятельности индивидов, роль ценностных ориентаций в мотивационной системе человека[47].

Российский независимый институт социальных проблем в 1993 году начал социологический мониторинг массового сознания в условиях общественной трансформации. Согласно выводам, сформулированным в докладе «Российское общество и современный политический процесс: опыт политологического анализа», в 1996 – 1997 годах традиционные для россиян ценности, сохранявшие до этого устойчивость, начали трансформироваться, уступая роль новым ценностям - материального благополучия и заработной платы, при падении значимости духовно-нравственных факторов. Другими словами, возросла прагматическая ориентированность ценностей, что сочетается с изменениями норм общественной морали, особенно у поколения, социализация которого происходила в последние годы[48]. В этот период

---

[46] Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. 1996. № 4. С. 21.

[47] Пойзнер Б. О стимулах становления человека и смены его ценностей // Высшее образование в России. 1996. № 3. С. 57-60.

[48] Брандес М.Э. Ценностные ориентиры современного российского общества: политический аспект // Политическая наука. Вып. 3. Политическая наука современной России. 1999. С. 61.

половина россиян демонстрировали приверженность к демократическим ценностям, хотя достаточно скептически оценивали их реализацию в общественной жизни. Население испытывает чувство недоверия к власти и не уверено в эффективности собственного участия в политическом процессе. Однако между восприятием населением демократических ценностей и уровнем его реального политического участия нет жесткой зависимости. Большее значение имеет внутренняя иерархия воспринимаемых ценностей. Инструментальные ценности в ментальности россиян не занимают лидирующих позиций. На последних местах в ответах россиян находятся такие ценности, как возможность участия в управлении предприятием, право на забастовку, свобода членства в политических партиях. Больше половины россиян, таким образом, признают фундаментальные ценности демократии как оптимального способа организации общественной жизни, а также тех форм политического участия, которые дают возможность влиять на формирование выборных органов власти. Следовательно, под влиянием рутинизации электоральных процессов происходит постепенное укоренение данных ценностей в массовом сознании, все большую поддержку получает умеренно-активистская модель политического участия. Одновременно отмечается рост скептицизма по отношению к возможностям, предоставляемым электоральными процедурами, для позитивных изменений в стране в целом и в жизни ее граждан. Этот скептицизм усиливается превращением власти в замкнутую корпорацию, ориентированную прежде всего на решение собственных задач. Большинство граждан тем не менее не спешит воспользоваться этой возможностью, по-прежнему уповая на «мудрых руководителей». Следовательно, процесс практического освоения российским обществом демократических ценностей и процедур находится на начальных стадиях развития. А. Мельвиль по этому поводу отметил, что «...демократия понимается сегодня населением России не в духе массового политического участия и способности постоянно оказывать воздействие на принятие решений, а как способность регулярно избирать руководителей, которые, в свою очередь, после этого вовсе не обязаны поддаваться давлению своих избирателей»[49]. Проникновение демократических ценностей в сознание российских граждан - в период модернизации существенный показатель для реализации демократических реформ.

---

[49] Мельвиль А. Политические ценности и ориентации и политические институты // Россия политическая / Московский Центр Карнеги. Под общей ред. Л. Шевцовой. М., 1998. С. 169.

Политические ценности - не единственные определители политической активности граждан. Кроме них существуют символы, нормы и идеологии.

Идеология устанавливает связь между мировоззрением и нормами поведения людей, придает смысл изменениям, совершающимися в обществе, соотносит реалии с высшими ценностями. Идеология помогает общности поднять себя до уровня народа, усвоить свое место и роль в истории человечества, а человеку помогает найти устойчивые точки ориентации для своей деятельности. В идеологии вырабатывается совокупность ценностей, к которым может обращаться человек и социальные группы для узнавания и общения. Можно согласиться с М.В. Ильиным, который утверждает, что идеология не является всеобъемлющей картиной действительности, объединяющей всех в силу своей истинности[50].

К.С. Гаджиев выделяет, как минимум, два подхода в современной России к идеологическому строительству. Первый - это поиск идеи, способной объединять людей, несмотря на их разнообразие, и формирующейся в головах людей или в глубинах народного сознания. Второй подход вытекает из того, что общенациональная, интегративная идея прорастает в гражданском обществе по мере его вызревания и помогает группам сложиться в целостность. В полиэтнической и поликонфессионной России интегративная идеология может возникнуть на базе диалога между носителями этих ценностей. Политическая идеология связана с мировоззрением данной эпохи. В структуру политической идеологии определенного периода входят: программные установки, стратегия реализации программных установок, пропаганда, конкретные шаги по реализации программ. Неотъемлемой частью идеологии является символизм - знаковая система, которая со времен Древней Греции рассматривалась как идентификация некоей общности и поэтому являлась общественно-политической. Политическая символика - это знаки, существующие и используемые в политической жизни, совокупность политических средств, придающих политической жизни, политическому действию, различным формам материализации политики явный, особенно очевидный, подчеркнутый или скрытый смысл. В политической символике отражается не только исторический опыт власти, но и ее преемственность. Политический символ выполняет функцию легитимизации власти посредством политико-психологического объединения нации, в этом качестве он

[50] Ильин М.В. Умножение идеологий, или Проблема переводимости политического сознания // ПОЛИС. 1997. № 4. С. 78.

должен быть «узнаваем» всеми гражданами страны и опираться на те ценности, которые составляют ядро культуры данной нации. Это касается прежде всего гимна страны, ее знамени и герба. «Периферийные» элементы культуры могут входить в содержание политических символов как идеологические ценности и восприниматься частью населения, в таком случае политический символ выполняет функцию политико-организационной или электоральной мобилизации населения (это «цвета» партии, знамя, песня или гимн, значки и т.д.). Важнейшим символом является политический язык данной власти как способ вербального воздействия на индивидуальное и массовое сознание. Символы отражают историческое прошлое, являясь знаковой частью культуры народа. Первоначальный смысл, уходящий корнями в то время, когда народ начинает осознавать себя таковым и у него появляется потребность идентифицировать свою осознанную целостность в неких знаках, может теряться, и его извлечением из видимого образа занимаются историки и специалисты в геральдике. Но основная идея, заложенная в существо государственной символики, - единение государства и общества. В дискуссии, развернувшейся вокруг государственной символики в декабре 2000 года, отразилось несколько проблем: преемственности - объединения исторического прошлого с историческим настоящим, с тем чтобы достойно создавать будущее. В условиях обострившихся противоречий внутри российского общества принятие символики, соответствующей интересам большинства, помогает достижению не временных компромиссов, а закладывает фундамент отношений, которые будут определять развитие российского общества в будущем тысячелетии. В.В. Путин в своей речи в Кремле по поводу принятия российских государственных символов - герба в виде двуглавого орла, трехцветного, бело-сине-красного, знамени и гимна на музыку Александрова - показал свое стремление объединить историческое (монархическое) прошлое, недавнюю социалистическую реальность и сегодняшнюю «демократию», обеспечивая преемственность досоветской, советской и постсоветской эпохи. С технологической точки зрения это важный прием, общеспечивающий В.В. Путину поддержку населения старшего поколения, которое становится большинством в стране в силу быстрого старения населения и которому «привычнее и легче было в советской стране»[51]. Российские левые верно заметили, что В. Путин заключил «сделку» с народом, гербом, знаменем и гимном. Эклектическое со-

[51] «Эту песню не задушишь, не убьешь»: Интеллектуальная элита нации против советского гимна // Известия. 2000. 5 дек. С. 1.

единение монархического символа с гимном страны, принципиально отвергшей монархию, не решило, на наш взгляд, проблемы воспроизводства российского бытия в новых исторических условиях как компромиссного и взаимно терпимого существования разных социальных слоев и групп в обществе как целом. Оно обеспечило власти передышку в условиях накопившихся проблем и демонстрирует большие возможности власти в применении средств манипулирования сознанием населения. Есть прошлое и прошлое. Не всякое прошлое может служить опорой настоящему, не любая традиция прогрессивна. Принятие государственной символики обнаружило отсутствие ясного представления власти о своих социальных и исторических целях, которые она должна осуществлять, о национальной идее, которую она должна воплощать и гарантировать ее реализацию. В первые годы Советской власти создание герба рассматривалось как важнейшая государственная задача, решением которой занимались специалисты в области геральдики, каждая деталь была значима и отразила те задачи, которые стояли перед страной. Историческая преемственность и общенациональная идея, заключенные в государственной символике, могут служит действенным фактором объединения и мобилизации народа в целях выхода из кризиса и стабилизации общественного бытия.

Политический процесс - это деятельность политических субъектов как реальная, так и вербальная. Власть активно использует лексический состав речи для манипулирования сознанием граждан путем смешения смыслов, сужения понятий, наполнения их новым содержанием. Политическая лексика так же подвержена изменениям, как и те политические институты и процессы, которые она отражает. Объективно лексические трансформации связаны с динамикой политических процессов - политическими реалиями исторической данности. Субъективно приход в политическую жизнь новых политиков, рост их профессиональной и общей культуры способствует существенному пополнению их политического лексического запаса. Темпы изменений в первом случае определяются глубиной политических преобразований: чем они основательнее, тем быстрее накапливается новый лексический материал, отбрасывается старый, меняется смысл первичных понятий. Слова - знаковая система эпохи. Слово может быть источником, поводом и свидетельством разворачивающегося в обществе конфликта, чему объективно способствует многозначность слов, проявляющаяся в политической практике, во время которой на поверхность извлекаются определенные смыслы, соответствующие целям политических субъектов и институтов, ими представляемым. Со-

держание и объем используемой лексики определяется характером, типом политической культуры общества, уровнем политической культуры политического субъекта, целями властных субъектов, масштабами политического процесса. Являясь, как и символы, знаковой системой, лексический состав речи - явление устойчивое, но, обладая свойством отражения, и мобильное: политические изменения накладывают отпечаток на лексику, превращая ее в знаковую составляющую эпохи. Поскольку в языковом содержании и строе языка отражается национально-единое и наиболее устойчивое в национальной культуре, затрагивающее глубинные основы психики человека, консервативная сторона сознания, смены языковых норм и резкие изменения лексического содержания болезненно сказываются на состоянии национального сознания и могут в большей степени повлиять на конфликтное состояние общества в период трансформаций, чем прямое посягательство на благосостояние личности и ее права.

Рассматриваемая проблема приобретает острое звучание в современной России, где есть все признаки манипулирования значением слов, наполнения их необходимыми политическим субъектам смыслами. Происходит подмена понятий, используется минимум значений слов - в соответствии с целями властных субъектов. Кроме того, словарный запас современного политического языка отражает происходящие в обществе процессы падения образовательного уровня населения, что, в свою очередь, является следствием государственной политики в социальной сфере. Свидетельством вестернизации российского политического процесса является активное привлечение и переработка, приспособление к нормам русской речи слов иностранных языков. Динамика политического процесса отражается в языковой динамике русского языка. Российская политическая лексика конца XX века отразила его основные этапы – «постсоветский» и «преддемократический» - и отношение к ним индивидов, социальных групп, лидеров, отражением этих процессов в науке. Первый этап (1985 – 1991 гг.) характеризуется сменой базовых понятий - от прокоммунистических до либерально-демократических. В ряде случаев осуществлялась парная замена существующих слов словами-антиподами: коммунизм - антикоммунизм, равенство - неравенство, столкновение понятий «социалистический» и «либеральный», появляются новые обозначения для характеристики явлений советского периода: «застой», «тотальное господство», «авторитарно-командная система», «идеологизация», «милитаризация советского общества». Смешение понятий имеет объективное значение - отражает столкновение традиционного и модернизационного в политической культуре страны и восприни-

мается общественным сознанием как фактор, раскалывающий общество на противоположные группы. Учитывая, что вербальная культура является важным фактором приобщения человека к определенной политической среде, мы можем сказать, что в России значительно затруднен процесс формирования языка, адекватного целям формирования социально ориентированной личности. Скорее он отражает ту противоречивую реальность, в которой сегодня осуществляется бытие человека, а не тот выбор, который делает человек в период переломов. Настойчиво навязываемая иностранная лексика, проникающая в обыденную, деловую и научную речь, создает своеобразный сленг, отличающий людей, приобщенных к «верхам», от остающихся в общественных «низах». Тем самым и язык отражает происходящий в обществе раскол. Способом охраны национального языка является активное подключение специалистов-филологов к созданию общества охраны национального языка как общественного достояния, подключить к борьбе за чистоту языка все патриотические движения страны, создать систему государственного контроля над филологическим образованием в стране в виде общенационального стандарта языкового обучения. Существенное значение будет иметь увеличение часов в школьных программах на преподавание русского языка, а не сокращение и снижение требований, как это происходит в настоящее время.

Свойство политической символики состоит в том, что она как бы синтезирует различные знаки из иерархии знаковых систем и использует их в своих целях. Как и язык, политическая символика исполняет функции коммуникации, развития личности, социализации. Вырабатывая новую идеологию, политики должны учитывать, что в ее основе будут находиться символы.

Ценностные ориентации, политические идеологии, символы и нормы влияют на политическое поведение индивидов, образуя смысловые программы такой политической деятельности, которая адекватна состоянию человека. Однако интеграцию общества и задачу социализации личности идеология выполняет тогда, когда ее составляющей является общенациональная идея.

В работе «От Руси к России» Л. Гумилев говорит о российском суперэтносе. Этот суперэтнос - результат смешения большого числа народов России, среди которых невозможно выделить собственно русских. Поэтому правомерно использование современными политиками понятия «россияне», означающее все народы России, всех ее граждан. В силу этого создание так называемой русской идеи - акт национализма, увековечивающий претензии и амбиции одного народа

на многонациональной территории страны. Учитывая это, а также общенациональный характер российской государственности, можно вести речь об общегосударственнной или общероссийской идее. Такой идеей было в СССР построение коммунистического общества.

В странах Западной Европы не было общегосударственной идеи в собственном смысле этого понятия, означающего форму взаимодействия массового и индивидуального сознания в ходе социально-политической деятельности людей, в которой осуществляется создание ценностей, отражающих совместность бытия людей как данной территориально-культурной общности, осознание этих ценностей массовым и индивидуальным сознанием как собственных, придающих высший смысл их общественному бытию. После Второй мировой войны были идеи строительства благополучной, демократической страны в США, преодоления разрухи и движения вперед в ходе экономической реформы в Германии, идея процветания во Франции в период генерала де Голля, общегосударственная задача выйти в конце столетия на уровень передовых странах мира была поставлена в Японии. Общегосударственная идеология должна исходить из нескольких предпосылок: она должна обладать конструктивной функцией по отношению к действительности и должна иметь социального субъекта, деятельность которого была бы ориентирована на общество.

На пути формирования общенациональной идеи находится немало трудностей: наличие многих экономико-географических слоев, социальное и территориальное расслоение населения, выделение крупнейших центров, оторванных от основного населения страны, - Москвы и Санкт-Петербурга. Тем более что национальная идея - не технология массовой консолидации, как это представляют себе российские политические субъекты и как уже было обозначено при оценке ситуации вокруг принятия гимна. Она содержит те нормативы, которые равно понятны всему населению страны и всеми приемлются. Это всегда институциональная национальная идентичность. Дороги, банки и фаст-фуд типа Макдональдса держат Америку такими скрепами, которые не могут расшатать никакие идеологические, религиозные противоречия. Для проявления национальной идеи России необходимы прежде всего социально-экономические основания, хорошая инфраструктура. Национальная идея - это словесное отражение институциональной реальности в стране. Общенациональная идея может явиться реальной основой прогресса в российском политическом процессе. И смысл такого прогресса коренится в гуманизации общественно-политической жизни. Рассмотренный нами кризис рос-

сийской самоидентификации, поиск идентичности особо остро ставит сегодня эту проблему. Появление в обществе реальной действующей общенациональной идеи, способной гуманизировать политический процесс в стране, возможно только тогда, когда эта идея будет направлена не только и не столько на общественную консолидацию, сколько на изменение внутренней сущности каждого индивида. Она должна нести в себе ростки осознания единства личности с обществом, но одновременно и понимание их неоднородности, как и неоднородности самого общества. Отсутствие осознания поляризации общества тормозит развитие политического процесса в стране, как тормозит его и неумение россиян жить в условиях дифференцированного и разнообразного мира. Таким образом, общенациональная идея, формируясь в многонациональном и социально дифференцированном обществе, должна опираться на новую политическую культуру личности, совмещающую в себе начала терпимости, готовности к соглашению и сотрудничеству. Однако формирование такого типа личности может произойти только наряду с глубокими экономическими, социальными, политическими изменениями. В политическом процессе закладываются основы солидарной личности и общенациональной идеи, поскольку именно здесь выявляются и регулируются интересы и ценности граждан.

Заключение

Социальная, экономическая и политическая трансформация привела к такому состоянию общественного бытия, в котором на первое место вышли материальные условия существования. В процессе жизнедеятельности основное место заняла материальная деятельность в ее наиболее примитивном виде - борьбы за существование. Это изменило облик российского общественного бытия в сторону усиления роли не столько рациональных факторов, сколько прагматичных. Общественные, в том числе и политические, ценности наполняются достаточно бедным содержанием: во власти, политике, экономике, культуре ценным признается то, что приносит пользу, и главным образом сиюминутную. Вся российская динамика, в том числе и политическая, носит квазиактивный характер, так как происходящие преобразования - вне глубинных интересов всех слоев общества и населения всей российской территории. Основная часть населения страны испытывает на себе негативное воздействие перемен, что выражается в прогрессирующем ухудшении социального состояния населения, небольшая часть входит в рыночные отношения, определяя своей деятельностью инновационную сторону российской экономики, которая носит квазирыночный характер. В экономической сфере общество делится на активную и пассивную часть населения - одна участвует в рыночных отношениях, другая лишь выживает. Опыт стран с развитой рыночной экономикой показывает, что рынок предполагает профессионализм, предприимчивость, инициативность и наличие у основной массы населения физического и нравственного здоровья. Однако именно такое социально активное население сегодня практически отсутствует в России.

В политическом процессе произошло расслоение населения на немногочисленную элиту и многочисленную массу. Первая обладает возможностью, но не способностью принятия политических решений. Второй свойственна политическая пассивность, получающая выражение в низком уровне политического участия населения. Политическая пассивность в России, на наш взгляд, вызвана в немалой степени психоэмоциональным состоянием россиян - страхом, растерянностью массы под давлением многочисленных проблем. Объективно возрастает необходимость быстро приспособиться к происходящим переменам, которая диктуется темпами событий. Вся социальная активность

населения сведена к одной стороне деятельности - адаптивной, которая, в свою очередь, сводится к решению чисто физиологических задач.

Субъективной составляющей российского политического процесса является способность населения усваивать содержание происходящих перемен, ориентироваться в формирующихся связях и отношениях, выстраивать свое поведение в многосторонней, многоуровневой и динамичной реальности, определять смыслообразующую сторону российской политики и участвовать в принятии решений. Процесс затруднен таким субъективным фактором российской политики, как позиция российской политической элиты, отрыв которой от основной массы российского населения усиливается. Он не преодолен даже высоким рейтингом (до 50%) нынешнего российского президента, основанным на социально-экономических, политических, военных предложениях, сделанных В.В. Путиным до вступления в должность и в первый год своего президентства. Однако последние решения правительства, законодательная деятельность Государственной Думы, поддержанные Президентом, по всей видимости, создают в обществе новую политическую ситуацию, о чем свидетельствует возрастание политической апатии населения и уже отмечаемое социологическими службами падение рейтинга президента. Разрыв между политической элитой и основной массой проявляется в том, что население почти совершенно лишено возможности влиять на политические события и контролировать действия власти. Российская политическая элита практически невосприимчива к информации, поступающей из российских социологических служб, аналитической работе ученых-социологов и экономистов. Востребованными являются лишь разработки российских политических менеджеров, которые находят сугубо практическое применение, К сожалению, следует признать незаинтересованность российской политической власти в развитии политической теории. Реакция российской политической элиты носит рефлективный характер: интерес в современных исследованиях для нее составляет лишь то, что имеет значение в электоральном процессе.

Следовательно, российский политический процесс имеет квазиактивный, прагматический и в основном нерациональный характер. Его результатом является формирующееся противоречивое общественное бытие, сочетающее рациональное и иррациональное начала при преобладании последнего.

Перспективы российской политики, обозначившиеся в первый год правления нового Президента России, свидетельствуют об усилении

обозначенных тенденций. По всей видимости, в обозримом будущем квазиотношения, сложившиеся в России в первое десятилетие реформ, будут приобретать более отчетливые очертания. Как капитализация, скрытая в начале 90-х годов «демократической» риторикой, проявилась в конце 90-х годов, так же проявится и утвердится авторитарный характер политической власти в начале XXI века. Принятый на данном этапе населением, испытывающим потребность в «наведении порядка», он будет отторгаться в том случае, если будет способствовать нагнетанию обстановки страха путем культивирования угрозы насилия. Последнее весьма вероятно, так как в настоящее время практически отсутствуют стимулы и рычаги привлечения населения к трудовой деятельности: десятилетие «реформ» отучили работника от систематического труда, потерян фонд рабочего класса, включавшего существенное число лиц высококвалифицированного труда. Условия подготовки современного работника не позволяют надеяться на воспроизводство этого социального слоя. Однако потребности возрождения отечественного производства заставят вовлекать в производство рабочую массу: проект нового трудового кодекса со всей очевидностью демонстрирует, каким будет этот труд, вновь приобретающий подневольный и бесправный характер.

Нельзя не учитывать, что происходящие перемены по темпам объективно опережают способности населения становиться социально активным населением, сознательно и эффективно участвующим в модернизационных процессах.

Направленность политического процесса на данном этапе не дает оснований предполагать, что в ближайшем будущем в обществе появятся реальные возможности эффективной социальной деятельности, которая отличается от участия тем, что предполагает постоянное, сознательное, целеустремленное включение в социальные преобразования основной массы населения, интересы и ценность которого совпадают с вектором перемен. Эти возможности создаются: государственной социальной политикой, которая в настоящее время должна представлять собой деятельность государства по созданию условий для социальной реабилитации населения. С этой целью необходимо использование как государственных, так и общественных ресурсов. Эффективное государственное управление должно складываться с привлечением властных, организационных, финансовых, действие которых должно изменить свое направление в сторону социализации. Это должно получить свое отражение в программах деятельности правительства и президента, в создаваемой правовой системе, где должно быть ясно сформулировано содержание отношений между

ветвями власти, государственными и общественными структурами, суть местного самоуправления, отношений между Центром и регионами, субъектами Федерации. В Конституции РФ должны найти отражение положения, гарантирующие общественный контроль за действиями власти и соблюдением прав человека - и не только политических, но и социально-экономических, и социокультурных, в том числе таких, как право на труд, здоровый образ жизни, отдых, образование, повышение своего культурного уровня, и т.д. - всего, что способствует воспроизводству развитой человеческой личности.

Социальная политика государства должна реализовывать сущностную роль государства в обществе - обеспечивать выполнение им основной, социоустроительной функции, той, которая в истории человечества вызвала к жизни этот важнейший элемент политической сферы общества. При этом существенным ресурсом, который позволит решить эти проблемы в России, будет традиционная ориентация россиян на государство как основной фактор российской политики, а также опыт управления, накапливаемый российским государством на всем протяжении российской истории. Следует обратиться ко всему положительному, что имеется в этом опыте. Необходимо учитывать, что российская государственная политика всегда являла собой феномен общероссийского устроительства, соблюдения интересов России как державы. Российская история складывалась таким образом, что индивидуальное существование человека в области обеспечения его безопасности, укрепления его нравственности, глубинных духовных начал личностного развития зависела от мощи и независимости государства, с которыми прямо были связаны независимость и стабильность общества в целом. Развивавшиеся в течение столетий начала коллективизма, общности, взаимозависимости общества и государства составляют основу российского общественного бытия. Только тогда, когда в российском политическом процессе будет учитываться этот объективный ресурс государственного управления, можно будет утверждать, что российская политика начинает наполняться рационально-прогрессивным содержанием, так как российская политическая элита сможет опираться не на заимствованные формы управления и властвования, а выстраиваться, вырастая из основ российского существования. Речь, таким образом, идет не о формальной стороне российского политического процесса, которая уже определилась по многочисленным признакам, а о содержательной, которая придается российскому политическому процессу обращением к собственно российской реальности, менталитету и истории.

Государственный ресурс, который заключается в способности и возможности государства осуществлять социальную политику, в российских условиях должен быть дополнен общественным ресурсом - формированием социально активного населения, обладающего способностью и возможностью участвовать в политическом процессе, который трактуется нами как способ организации общественного бытия. Следовательно, участвуя в политическом процессе, российские граждане получают возможность обучаться организованным и социализированным формам существования. Формирование социально активного населения как социально-политического ресурса российской модернизации рассматривается нами в качестве этапа на пути создания гражданского общества.

Основная проблема российской политической динамики, как было рассмотрено в разделе I, - неравномерность, дискретность российского политического процесса, развивающегося скачкообразно. Среди причин своеобразия российской политической динамики можно указать на такие, как накопление неразрешенных противоречий, что, в свою очередь, исторически определялось сложным переплетением ряда факторов, поочередно становящихся приоритетными на разных этапах российской истории. При этом необходимо отметить и постоянное действие таких факторов, как геополитическое положение страны, огромная пространственная протяженность, богатство полезных ископаемых, длительный период развития аграрного производства, отставание в развитии индустриализированного и связанные с видом общественного производства проблемы социальной структуризации населения, его социального статуса и правового развития личности. Кроме того, на каждом этапе российской истории складывались свои, специфические, обстоятельства, придававшие своеобразие российскому политическому процессу. Взаимодействие общих и специфических явлений обусловливали своеобразие российского политического процесса, на развертывание которого постоянно оказывали влияние и внешние воздействия. Постоянно существовавшие проблемы защиты и обороны территории и населения, управления гигантской территорией и малочисленным, разбросанным по этой территории пестрым в этническом и конфессиональном отношении населением, к тому же неравномерно заселяющем страну, значительно усложняли задачи власти и управления.

В свою очередь, развертывание политической власти и формирование российской политической системы влияло на социальную среду, предлагало свои решения возникавших проблем. Складывалось своеобразное взаимодействие государства и граждан власти и обще-

ства, в котором приоритет отводился государству как способу формирования общественного бытия. Укрепление государственных структур, формирование влиятельного социального слоя чиновничества, развитие карательной системы, формирование идеологии, утверждавшей ведущую роль государства в общественной жизни, постепенно превращали политический процесс в формальное явление, ибо он перемещался из общественной среды в собственно политическую. Отрыв политического начала от социального составляет еще одну отличительную черту российского политического процесса, объективно сформировавшуюся в ходе российской политической истории. Формулирование целенаправленной социальной политики как сознательно определяемых, договорных и паритетных отношений между властью в лице государства и обществом началось в советское время, однако не получило достаточного развития в силу отсутствия важной составляющей такого договора - свободы предпринимательской деятельности, допущения многообразия видов собственности, в том числе и частной. То, что организация жизни социума стала в основном делом рук государства, приводило к углублению социальных противоречий, существование, накопление и неразрешенность которых создавали постоянную угрозу взрывов, каковые постоянно давали себя знать в российской истории - от крестьянских и казачьих бунтов до революций XIX - XX веков. Попытки реформирования российской реальности всегда шли сверху и в интересах тех классов, которые сосредоточивали в своих руках производственный, торговый, военный, культурный потенциал нации. Таковыми классами являлись аристократия, зарождающаяся буржуазия, купечество, верхушка армии. Между ними складывались противоречия, разрешение которых не меняло положения основной массы населения, главным образом в той части этого положения, которая касалась материального благосостояния и политических прав и свобод.

В советский период сформировался слой бюрократии, который, в силу специфики своего появления, получил название номенклатуры и приобрел основную черту, характерную для господствующих классов, располагающих экономической собственностью, - монополию на управление обществом, присваивая себе все общество в виде собственности. Таким образом, в советское время политический процесс приобрел бюрократизированный характер. На его дальнейшее развертывание оказывали влияние такие объективные факторы, как состояние общественного производства, социальная структура общества, политический режим, правовая и политическая культура населения.

Выявленные факторы социализации политического процесса в виде формирования социализированного государства, организации общества способом появления различных видов политических и общественных организаций, роста социальной и политической активности населения и установления договорных и паритетных отношений между государством и обществом, роста политической и правовой культуры населения - формируются поэтапно, в ходе разрешения внутренних и внешних противоречий, формирования и структурирования социально-политических и экономических интересов и ценностей. Постепенность решения проблемы соединения в российском политическом процессе политического и социального начал может быть достигнута взаимодействием традиционных и модернизационных факторов, обеспечением преемственности развития всей системы российских общественных отношений.

Субъективными причинами российской политической динамики являются особенности российской политической, в том числе и государственной, элиты, которая в системе патриархальных отношений сохраняла патерналистские связи с населением, и российского населения, сохраняющего устойчиво-традиционное отношение к российской политической власти. Отмеченная противоречивость российского политического сознания, вмещающего такие противоположные явления, как доверие - недоверие к государству и политическим лидерам, прокоммунистические и либеральные ценности и т.д., требует постепенного разрешения в ходе создания благоприятных условий для культивирования позитивных ценностей и вытеснения из российского политического сознания тех стереотипов, которые тормозят процессы модернизации.

Существенное влияние на российское политическое сознание оказывают сложившиеся ценностные стереотипы и стереотипы поведения. Однако, учитывая имеющиеся положительные стороны традиций и стереотипов, описанные нами в разделе IV, следует принять их в качестве общественного ресурса населения, позволяющего сохранять преемственность политического сознания и поведения. При этом эффективная культурная, образовательная и воспитательная политика может обеспечить передачу положительного опыта и позволит создать условия для отбрасывания отрицательного опыта. Базовым ценностным ресурсом россиян является российская духовность, выражающаяся в стремлении постичь смыслы социального бытия человека, выявить, на чем основываются человеческие отношения, в движении к самосовершенствованию и усовершенствованию общества, в

бескорыстном отношении к людям, в уважении к знанию и тем, кто хранит и передает знание.

Тикам образом, ресурсом может являться социальный и нравственный потенциал личности россиянина, отдельные стереотипы политического сознания и поведения его в обществе. Так, ориентация на личность лидера может сыграть позитивную роль в формировании авторитарного лидера - нравственного объединителя нации на этапе обеспечения условий становления демократического политического лидера. Такую роль в свое время отводил А.С. Пушкин российскому монарху. Преимущественно нравственные требования населения к лидерам могут помочь создать своеобразную точку опоры в период кризиса и распада общества. Роль такого символа нации, наряду с ролью гаранта Конституции, которая до настоящего времени слабо усваивалась российским менталитетом, мог бы сыграть и нынешний Президент России.

Следовательно, в нынешний период, который мы определяем как переходный период к демократии, период модернизации, в условиях социально-экономической и политической стагнации, содержанием политического процесса, на наш взгляд, должно стать равновесие между традиционными и инновационными началами российской политики с максимальной опорой на позитивные начала российской традиции и культуры.

С приходом к власти В.В. Путина средства массовой информации не устают повторять о начавшейся стабилизации. Эта идея постепенно проникает и в научную литературу. Однако, если элементы стабилизации и имеют место, то они достаточно относительны, так как основываются на надеждах и ожиданиях населения - факторе крайне неустойчивом, который может быстро исчезнуть, ибо не имеет под собой ни экономических, ни социальных, ни политических оснований. Трансформационные процессы в экономике не создают условий для расцвета мелкого и среднего предпринимательства - это монополизированная экономика олигархов и криминализированных элементов. Трансформационные процессы в социальной сфере привели к образованию слабоструктурированных социальных групп; основания стратификации все менее связаны с трансформацией материального производства. Среди условий, обеспечивающих социальную трансформацию, значительное место занимают факторы, связанные с неблагополучием общественного организма:

- пространственная миграция из районов социальных бедствий и «горячих точек»;

- социальная миграция - из высшей социальной группы в низшую; образование социального «дна»;

- сокращение населения вследствие ухудшения его социально-экономического положения и роста психоэмоциональной напряженности;

- распад семьи и брачных связей, благоприятных связей между детьми и родителями;

- неравномерное развитие территорий субъектов Российской Федерации, население в которых также поставлено в неравное отношение друг у другу;

- деление общества на сверхбогатых и сверхбедных, усиливающаяся социальная асимметрия, основанная на неразвитости среднего класса и углубляющихся социальных различиях населения.

Вследствие этого ограничиваются объективные возможности влияния основной части населения на политические процессы. В то же время возрастают возможности активного влияния на принятие политических решений олигархических групп, лоббирующих свои интересы в российском парламенте, правительстве, администрации президента и политических партиях.

В российской политике не сложилась исторически и политически грамотная элита, прежде всего в силу того, что полностью порвала с политическим опытом собственной страны, уповая на политический опыт Запада. Однако, будучи вторичным для российской политической практики, этот опыт при отсутствии собственных корней не смог приобрести демократического характера, а трансформировался в худший вариант авторитарного режима. Следует признать, что вне внимания российской политической элиты оказались те изменения, которые произошли в либерально-демократической теории и практике западных стран и не были использованы те возможности социальной поддержки, которые периодически создавались в России в период реформ и в 1986 - 1991 и 1993 – 1995 гг. Последствиями реформ явилась социально-политическая апатия населения, демократические ценностные ориентации которого крайне неустойчивы, а политические интересы не сформированы в силу противоречивости российской политики, создавшейся социально-экономической и культурной ситуацией. К настоящему времени реанимированные ожидания могут стать основой стабилизации положения президента и поддержки его действий обществом, однако они не могут стать прочной основой российской политики.

Отсутствие дифференциации политических интересов населения является причиной слабости российской многопартийной системы, которая, как показывают многочисленные исследования, оказывается невостребованной обществом. Множество политических партий не имеют численности, достаточной для обеспечения социальной поддержки и влияния этих партий на российскую политику. Ни государство, ни население не может в настоящее время опереться на российскую многопартийную систему: государство - для того чтобы получить актуальную поддержку своих решений, население - для того чтобы выразить свои интересы. Наиболее многочисленная политическая оппозиционная партия - КПРФ после нескольких ошибок в ходе избирательной кампании 1999 – 2000 годов потеряла большинство в парламенте, который превратился в пропрезидентский орган и не имеет в настоящее время конструктивной оппозиции, способной влиять на принимаемые решения. Вместе с тем нельзя не учитывать и сильный традиционный ресурс КПРФ в провинции и среди населения зрелого и пожилого возраста, численность которого в настоящее время значительна. Проходящие выборы губернаторов (в Подмосковье, Нижнем Новгороде и других регионах) красноречиво свидетельствуют о сохраняющемся значительном ресурсе партий левого толка, в том числе коммунистической. Прокоммунистические ценности сохраняются в сознании населения, что проявляется не только в электоральном процессе, но и в предпочтениях россиян, которые они обнаруживают при социологических опросах.

В заключение следует отметить, что российский политический процесс в настоящее время и отражает и культивирует все основные противоречия российского общества. Именно в нем создаются образы будущего российского общества и человека. Какими они будут, предстоит определять уже новому поколению России.

Оглавление

Введение 3

Раздел I. Методология анализа, сущность и структура политического процесса 8

Тема 1. Политический процесс: основные подходы к определению понятия 8
Тема 2. Концепции динамики политического процесса 19
Тема 3. Теоретические подходы к определению политической и социальной динамики 26

Раздел II. Особенности российского политического процесса в условиях реформирования 35

Тема 4. Российский политический процесс в историческом аспекте 35
Тема 5. Проблемы модернизации и демократизации современного российского общества 41
Тема 6. Динамика российского политического процесса в период реформ 51
Тема 7. Осуществление политической власти в современной России 61

Раздел III. Государственное управление: процессы принятия решений в условиях модернизации политического режима 79

Тема 8. Государственная власть и механизм ее совершенствования в современной России 79
Тема 9. Проблемы создания новой российской государственности 101
Тема 10. Государственная политика России в условиях многопартийной системы 114

Раздел IV. Общественные объединения в российском политическом процессе и их роль в активизации социальных слоев российского общества 133

Тема 11. Соотношение политического и социального развития 133
Тема 12. Социально-политические объединения в политической структуре российского общества 164

Раздел V. Человек в российском политическом процессе 179

Тема 13. Человеческое измерение политики 179

Тема 14. Человек политический как социокультурный феномен российского политического процесса 211

Заключение 235

Учебное издание

Титова Людмила Григорьевна

Политический процесс и политические отношения в современной России

Редактор, корректор А.А. Антонова
Компьютерная верстка И.Н. Ивановой

Подписано в печать 23.12.2002 г. Формат 60x84/16.
Бумага тип. Усл. печ. л. 14,41 Уч.-изд. л. 14,55.
Тираж 100 экз. Заказ .

Оригинал-макет подготовлен
В редакционно-издательском отделе ЯрГУ.

Ярославский государственный университет.
150000 Ярославль, ул. Советская, 14.

247